

3
1963

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

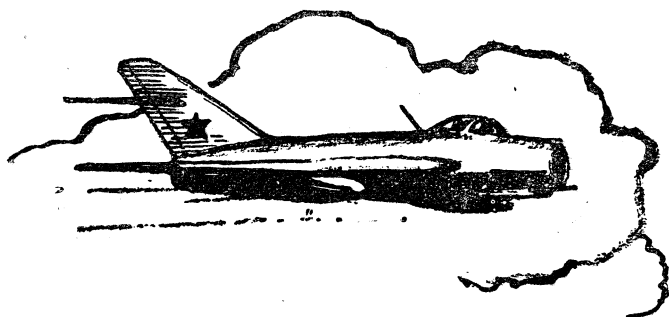
ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Ю. ПОПКОВ, В. СМИРНОВ. Верь маякам!	2
ВАЛЕНТИНА ЖУРАВЛЕВА. Летящие по вселенной	55
СЕРГЕЙ ЛЬВОВ. Седьмой ход	60
А. ТОМСОН. Десмонд Твердолобый	101
Н. ТОМАН. В созвездии Трапеции . . .	104
УИЛЬЯМ АЙРИШ. Срок истекает на рассвете	112
Из блокнота «Искателя»	133
ЕВГЕНИЙ СИМОНОВ. Шесть расстрелянных облаков	139
Фантастика, приключения	159

№ **3** (15)

1963
ТРЕТИЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

ВЕРЬ МАЯКАМ!

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Официальная медицинская инструкция гласит: человек, попавший в холодные воды северных морей, может продержаться полчаса. От силы час — это самый крепкий, самый стойкий.

Он должен был умереть 68 раз.

Или 68 раз победить смерть...

ВАМ ВЗЛЕТ!

1

Пришло время полярных ночей: поздние рассветы, ранние сумерки. Поселок летчиков — ряды деревянных коттеджей на пологом склоне голы тундровой сопки — просыпается рано, задолго до того, как посветлеет воздух. Одно окно зажелтело, второе, третье. По тропинкам, проложенным в глубоком снегу, движутся от домов к столовой темные фигуры.

Капитана Куницына провожает жена. До порога, как всегда. Поправляет галстук; воротник рубашки накрахмален, тщательно отглажен.

— Ну, пока.

Он закрывает за собой дверь: тихо, чтобы не щелкнул язычок замка. Дети спят. Через час-полтора он взлетит, прорвав облака, в небо и, может быть, первым во всем этом суровом северном крае увидит солнце.

Капитан Куницын любит эти ранние утренние часы, поселок с желтыми окнами, смех на утоптанном «пяточке» у входа в столовую. С летного поля, из темноты, доносятся завывания реактивных машин, как призывы заводских гудков.

И отец, и дед, и прадед Ивана Куницына были рабочими людьми, и сам он, военный летчик, считает себя прежде всего рабочим человеком.

Он уходит затемно и в темноте возвращается — как настоящий труженик, а работа выпала ему не из последних по значению и не из легких.

В столовой, у раздевалки, веселый гомон. Куницына встречают радостно. Приятно видеть такого парня, как Ваня Куницын. Два шага прошел от дома к столовой, а мороз уже успел тронуть румянцем лицо. Добродушный и, как большинство крупных, рослых людей, неуязвимо спокойный, Иван — удобная мишень для дружеского подтрунивания. Сегодня тема — искусственное солнце; доктор привез из города соллюкс.

— Ваня, это ты заявление писал подполковнику, что солнца не хватает?

Куницын — южанин, черноморец.

— Сегодня вечером пойдешь на пляж.

— Как в Сочи — и девушки с зонтиками. Специально картинку привезли. Входит в комплект...

Куницын усмехается — день начинается как надо. Пройдет немного времени, и эти ребята сядут в кабины своих машин неузнаваемо строгие, сосредоточенные, собравшие воедино всю энергию, а сейчас, по узаконенной летным братством традиции, они как бы проверяют моральную зарядку каждого. Что ж, настроение отличное.

И у него, Куницына, и у каждого из его друзей. Маленького, легкого и подвижного, как подросток, Кривцова...

— Привет, Жень!

...долговязого украинца Костюченко, давнего друга, еще со времен спецшколы...

— Здорово!..

...и у командира части — он в такой же, как и у всех летчиков, куртке, за отворотом видны планочки орденовских лент...

— Здравия желаю!

Со стороны взглянешь — беззаботный народ пилоты-реактивщики. А приглядишься повнимательней — на лицах печать особой строгости. Не так давно был объявлен приказ о повышенной боевой готовности: кризис в Карибском море... И он, Иван Куницын, капитан Советских Военно-

Воздушных Сил, как никогда, чувствовал в эти дни свою личную ответственность за судьбу народа.

Готовность. Емкое, резкое слово. Это значит: будь начеку, всегда, каждую секунду.

По всей стране зажигаются в эту утреннюю пору окна, и свет этот, как эстафета, бежит с востока на запад, от города к городу, от села к селу.

Идут люди на заводы, на фермы, в лаборатории, клиники, библиотеки, институты... Они идут спокойно, уверенные в сегодняшнем и завтрашнем дне, уверенные в тех, кому Родина поручила охранять свои границы.

Дозорные Родины — надежные ребята, они способны выдержать любое испытание и в мирные дни. Они не поддадутся в решительную минуту.

А знает ли он, капитан Иван Куницын, что близка, очень близка его решительная минута и что она превратится для него в четыре тысячи минут и экзамен, который предстоит ему держать, будет жесток и невиданно суров?

2

Капитан Куницын по гнущейся под его крупным, веским телом железной лесенке влезает в кабину «МИГа». Техник Решетников, молчаливый, серьезный парень, хозяин машины на земле, заботливо придерживает лесенку обожженными морозом руками.

Наконец Куницын втискивает себя в кабинку, занимает привычное положение. Парашют, спасательная лодка — все на месте. Решетников вытаскивает чеку катапульты, хлопывает колпак. Теперь летчик отрезан от земного мира, он в своей искусственной атмосфере, среди многочисленных приборов.

Зари нет, на востоке густится тьма, рассвет словно растворен в воздухе, в каждой частице, он медлителен и вял. Холодно поблескивают округлые фюзеляжи, утыканные заклепками.

Куницын надвигает плотнее шлемофон, укрепляет на шее ларинги. Теперь, как бы далеко ни забрался, он связан с аэродромом невидимой и надежной нитью.

— Залив-пять, я тридцать первый, разрешите запуск.

— Тридцать первый, запуск разрешаю!

Первая вспышка двигателя, резкая, как выстрел. Рев. Нарастающий, оглушительный. Летчик пробегает взглядом панель. Несколько секунд на читку приборов. Гидросистема? Порядок. Обороты? Радиокompас? Слышимость?

Куницын поднимает руки, скрещивает, разводит вправо и влево. Из-под колес «МИГа» убирают колодки.

— Залив-пять, я тридцать первый, разрешите выруливать!

Выруливание. «Вам взлет!» — вот отпущены тормоза, резкое движение-бросок, все убыстряющийся бег взлетной

полосы, и вот уже мелькнул внизу фургон с радиолокационной антенной...

День начинается как надо — Иван чувствует себя в хорошей форме, движения рук точны, расчетливы, машина отвечает послушно, полный контакт.

— Я тридцать первый, я тридцать первый, взлет произвел! Задание?

В шлемофоне сквозь атмосферный треск звучит голос дежурного с командного пункта.

— Тридцать первый, я Ястреб, выходите на перехват «противника», ваш курс сто двадцать, набор высоты до моей команды!

Слой облаков сегодня плотен. Перед носом «МИГа» все еще мгла. Вариометр отмечает быстрый набор высоты.

Секунда, вторая, третья, четвертая... Истребитель выскрывает из клубящейся густой массы. Солнце! Неяркое поллярное солнце, холодное и чуждое, как незнакомая планета. Сизые рыхлые облака светятся ало и мигающе, как подожженная вата. Будто снежная поземка заиграла под крылом — это промчались растянутые ветром ключья тумана.

Земля в рассветной сумеречной тени укрыта слоем плотных облаков, а он видит солнце...

3

Командный пункт. У стола штурмана — начальник штаба и его помощник. Они руководят учебным боем.

Четырнадцать двадцать восемь. Близятся к концу учебные полеты на перехват; то и дело поднимаются в воздух одна за другой боевые машины.

Перед индикатором — капитан Перфильев. Экран прорчерчивается узким и ярким локационным лучом, зелеными точками вспыхивают местники — это ближние сопки, отражающие радиолуч.

Но вот в экран с нижней границы вползает светлячок. Это «чужак» — самолет Кривцова. Сверхзвуковой его полет здесь, на индикаторе, вместившем огромное пространство, еле заметен. Тотчас начинают действовать операторы, планшетисты, штурманы. Самолет Куницына нагоняет «чужака».

— Пеленг цели... Удаление... Высота...

Карандаш чертит линию на штурманском столе, строит маневр перехвата.

— Тридцать первый, я Ястреб! Набор высоты до двенадцати тысяч!

— Я тридцать первый, вас понял!

Еще один, третий светлячок появляется на экране. Это дублер Куницына, готовый вслед за ним атаковать «противника». Система перехвата работает надежно. Даже если первому перехватчику почему-либо не удастся выйти на «противника», маневр тут же осуществит товарищ и выполнит приказ земли. В военном деле всегда нужно учитывать эти «если». Человек у штурманского стола видит весь бой, он нацеливает перехватчиков в «противника».

«Противник» хочет ускользнуть, он увеличивает скорость.

— Тридцать первый, тридцать первый, режим максимал!
— Вас понял!

Куницын уже видит прямо перед собой белую, тающую в небе нить — инверсионный след «нарушителя». Значит, близок.

Ревет двигатель на максимале, истребитель быстро набирает скорость и высоту.

И тут происходит непонятное. Что-то вклинивается между летчиком и машиной. Невидимый третий отбирает управление самолетом. Ручка приобретает неподатливую жесткость. Облака, плоской равниной лежавшие под крыльями, вдруг косо встают в стекле кабины справа. Истребитель заваливается на нос.

Иван пытается взять на себя ручку, работает педалями — надо подчинить взбунтовавшуюся машину.

— Я тридцать первый, я тридцать первый, самолет неуправляем!

— Повторите! — слышен в шлемофоне голос с командного пункта. — Повторите!

«Спокойно, — говорит он себе. — Спокойно. Следи за приборами».

Плоскость облаков медленно поворачивается. Солнце катится по плексигласу, как желток по сковородке. Самолет теряет высоту. Что с машиной?

Падение. «Бочка». Да какая там «бочка» — с таким креном! «Кадушка» — вот как сказали бы ребята.

Спокойно! У тебя есть еще запас высоты. Высота — это время. Это безопасность.

— Повторите! — кричит земля. — Тридцать первый, вас плохо слышу!

— Самолет неуправляем, самолет неуправляем, высота девять!

Надо прекратить падение. Ручку — на себя. Поддается. Силенки в нем дай бог!

Машина идет вверх. Это резкий рывок. В глазах темнеет, спину давит, как тисками, тело приобретает свинцовую тяжесть. На несколько секунд он теряет сознание. Пожалуй, не меньше девяти «g». Ну и перегрузка! Наверное, сорвало подвесные баки.

Истребитель круто лезет вверх. Турбина работает на максимальном режиме. Скорость постепенно падает. Нос задирается все больше и больше. «Свеча». Сейчас машина сорвется в штопор. Быстрота падения будет тогда молниеносной. Еще несколько секунд — и бесполезной станет катапульта.

— Катапультируйтесь! — Земля напоминает, требует.

Земля разрешает. Земля понимает, что случилось с ним. Но он хочет спасти машину. Надо свалить истребитель на

крыло, чтобы не допустить потери скорости и не войти в штопор. В запасе несколько секунд.

Надо попытаться сделать все, что сделал бы на его месте идеальный пилот. Есть у него, у Куницына, такой близкий друг — идеальный пилот. У него характер, выучка, мастерство, опыт, смелость, хладнокровие. Он — Чкалов, Коккинаки, Анохин... Он всегда приходит на помощь в трудные минуты... «А я сделал бы так», — говорит он.

Работая элеронами, Куницын сваливает истребитель на крыло: нет, пике не получилось. Все-таки штопор. Самолет трясет.

— Катапультируйтесь!

Приборы отмечают вращение. Облака колышутся в лобовом стекле. Высота девять тысяч метров. Минус сто метров. Минус сто. Сто, сто, сто, сто...

Теперь нужно вывести машину в горизонтальный полет. Нащупать утерянное равновесие. Поймать момент.

Ручку на себя, правой ногой отжата педаль. Дать рули на вывод из штопора. Высота восемь тысяч. Падение продолжается.

Теперь ручку от себя, выжми левую педаль. Сделай все, что сделал бы в твоём положении идеальный летчик, не знающий страха, не умеющий ошибаться. Дай рули против штопора, прекрати беспорядочное падение.

Высота семь двести.

И снова — ручку на себя, правую педаль. И еще раз — ручку от себя, левую педаль.

Шесть сто.

Теперь сделано, кажется, все. Катапульта не любит малых высот. Ну, еще раз!

Пять девятьсот.

Машину тебе уже не спасти. А ты будешь нужен. Вот и все решение.

Четырнадцать тридцать на циферблате. Запомни!

Пять-шесть секунд, не больше. Весь твой лимит.

Брось педали, сейчас они бесполезны. Поставь ноги на подножку кресла. Это очень трудно: штопор. Ноги разбрасывает в стороны. словно в дурном сне — тело не слушается, не подчиняется тебе...

ЧП

1

— Самолет неуправляем! — Голос Куницына пробился к командному пункту сквозь атмосферный треск.

Начштаба глядит на стол. На плексиглазе, под освещенным изнутри лампочкой, темнеет карандашная линия — курс Куницына. Перехватчик шел над морем.

— Попробуйте повернуть его поближе к берегу. Дайте курс.

Нет, далековато забрался. Не выбраться Куницыну к су-

ше. Его машина теряет высоту. Катапультироваться — единственная команда, которая поможет ему:

Динамик доносит с высоты невнятный хрип, клекот. Им, штабистам, не надо объяснять, что это значит. Они тоже летчики. Значит, Куницын выводит машину из падения. Перегрузка оторвала ларинги от горла, погасила голос пилота. Парень борется.

Локаторы отмечают дальнейшую потерю высоты. Катапультироваться! Надо спасти пилота.

Молодец парень. Не растерялся.

Дыхание военного времени ощутимо на командном пункте. Вот в такие напряженные секунды и проверяется боеспособность всей части: если он там, один на высоте, сумел сделать все как надо, значит получил хорошую выучку. Значит, была у него добрая школа.

Все сделано правильно. Катапультирование теперь — единственный выход. Операторы впились глазами в экраны локаторов. Сейчас произойдет раздвоение цели. Кресло, выброшенное из кабины, тоже станет крохотным пятнышком на индикаторе.

Снова хриплый, невнятный голос:

— ...та пять... уюсь...

Хронометрист отмечает:

— Четырнадцать тридцать.

И тут же — чистый, звонкий голос Кривцова:

— Я — пятьдесят один! Дублирую: «Высота пять, катапультируюсь!» Засеките место! Засеките место.

2

— Тридцать первый, отвечай! — кричит Кривцов, забыв о том, что ларинги улавливают малейшее колебание голо-
совых связок.

Молчание.

Кривцов смотрит на приборы: его машина успела потерять 5 тысяч метров. Где-то рядом, в последних витках штопора, падает безжизненный истребитель Куницына.

В шлемофоне звучит голос начальника штаба.

— Вас понял, снижаюсь, — отвечает Кривцов.

Четырнадцать тридцать одна. Самолет входит в вираж, и летчик впиливается глазами в открывшийся сектор неба: не вспыхнет ли где-нибудь на сером фоне облаков оранжевый огонек парашюта?

Отогнутые назад крылья «МИГа» срезают ключья облаков. Видимость ухудшается.

Скоростная машина предназначена для перехвата, для боя, но не для такого поиска. Не успеешь и голову повернуть, а позади — десяток километров...

Летчики живут как бы в двух разных измерениях времени на земле и на небе. Полет реактивного истребителя — минуты, и в эти минуты расходуются запасы нервной энергии и мускульной силы. Летчик, как и его машина, работает на максимале.

И, быть может, именно поэтому на земле, в быту, в домашней обстановке летчики, как правило, спокойны и неторопливы, сдержанны и нерасточительны на слова и жесты. Они словно аккумулируют нервный заряд, чтобы снова разрядить его в те минуты, когда скорость решает все.

Катапульта выбросила Куницына из мира высоких скоростей, а Кривцов продолжал оставаться в нем. И он ничем не может помочь другу.

3

Четырнадцать тридцать три.

С аэродрома взмывает спарка. Это самая «тихоходная» машина, которая нашлась на аэродроме.

Правда, о ее скорости лет пятнадцать назад мечтали самые отчаянные летчики. Но время быстро меняет понятия. То, что вчера называлось боевым скоростным истребителем, сегодня — лишь учебная машина.

На истребителе спаренные кабины с дублированным управлением. Обычно впереди сидит ученик, сзади учитель. Но сегодня в двух кабинах, за двумя одинаковыми щитками с приборами, сидят летчики, опыта и искусства которых, пожалуй, хватило бы и на четыре машины. Два майора — Железников и Буянов.

Спарка идет на бреющем. Горки, поросшие редколесьем, маленькие домики рыбацких поселков.

— Обследуйте двадцать четвертый квадрат, — слышат Буянов и Железников голос командира части.

Ниже. Еще ниже. Изгиб берега, и открылась черная плоскость.

Самолет на бреющем ходит над морем, ищет оранжевое пятнышко жилета или надувной лодки. Облачно, серо. Здесь, в облаках, уже сумерки — темнеет быстро.

— Возвращайтесь на базу! — слышат пилоты приказ. — Вертолет в воздухе.

Эстафета поиска принята.

4

В последние секунды удается подтянуть, поджать ноги. Куницын собирается в комок, готовый принять удар катапульты.

Вот она, красная скоба — курок катапульты. Защитная резиновая шторка закрывает лицо, откидывается фонарь кабины, срабатывает взрыватель.

Удар.

Один миг. И человек стал снарядом. Выстрелил собой в небо.

Свист ветра. Земля словно опрокидывается и кладет на плечи летчика свою миллиардотонную тяжесть.

Рядом с ним кувыркается в воздухе плексигласовый фонарь.

Расстегиваются привязные ремни — сработал автомат. Толчок ногами в подножку, и летчик расстается с последней частью самолета — креслом.

Сотни раз он проделывал эту операцию на тренировках и впервые — в воздухе.

Щелчок — стрелой вылетает вытяжной парашютик, развертывая шелковое оранжевое полотнище. Натягиваются стропы. Стремительное падение переходит в плавный спуск.

Он один в бескрайнем небе — покинутый истребитель прошел облака и исчез. Взрыва не слышно. Значит, внизу вода.

Куницын не сразу замечает, что прямо на него опускается кресло.

Мало приятного, если эта груда металла и кожи наткнется на купол. Он подтягивает стропы, и ветер относит парашют в сторону. Кресло проносится рядом, исчезает в облаках.

Облака. На рукавах куртки капли влаги. Первые посланцы той новой стихии, до встречи с которой остались считанные секунды.

Куницын отыскивает среди ремней и лямок соски спасательного жилета. Движения его скупы, уверенны: репетиции были на земле, действие — в воздухе.

Кончился слой облаков. Ни берега, ни острова, ни лодки. Только серая вода. Она вздыбилась, выгнулась полусферой.

Куницын отстегивает застежку парашютных креплений. Ноги освобождены, он держится только на плечевых ремнях. Главное, не упустить ту долю секунды, когда надо освободиться от парашюта. Не успеешь уйти из-под него — накроет сверху, запутаешься, как рыба в сетях...

Пора. Куницын выскальзывает из ремней и с головой погружается в стылую осеннюю воду.

СИГНАЛЬНАЯ РАКЕТА

1

— Главный диспетчер, вас просят немедленно зайти к начальнику порта.

Голос секретарши, усиленный динамиком, звучит всюду: в комнатах управления, в здании вокзала, над которым трепещут на ветру черные шары штормового предупреждения, на причалах, где сложены штабеля смолистых досок.

Люди настороженно поднимают головы: сегодня знакомый голос секретарши непривычно суров.

Навигация кончается. Суда на ремонте и консервации. Ходят только рейсовые катера. Вроде бы дел срочных нет. Что за спешка?

— ЧП, Валерий Александрович, — говорит главному диспетчеру Защелкину начальник порта. — Катапультиро-

вался военный летчик. Сел скорей всего в воду. — Стеркин подходит к большой, во всю стену карте. — Примерно вот здесь. — Красный карандаш очерчивает квадрат. — Как видите, акватория не маленькая. Надо вызывать капитанов, механиков...

Человек в море. Когда раздается сигнал «SOS», суда меняют свой курс. Рискуя жизнью, моряки спасают погибающих. Таков закон моря.

Сейчас сигнал «SOS» звучит для них. Стены кабинета наполнены его грозным эхом. Надвигается холодная ночь. Температура воды всего четыре градуса. Нельзя терять ни минуты.

— Предлагаю организовать поиск немедленно, на рейсовых катерах!

— А пассажиры?

— Дорога каждая минута.

Стеркин молчит, думает. Задержать сотни людей? Сорвать график?..

— Хорошо. Радируйте на суда приказ.

2

Командир вертолета Савенко смотрит на часы: пятнадцать тридцать. Остается совсем немного. Тьма, полная, непроницаемая тьма полярной ночи идет на смену тем туманным сумеркам, которые здесь в эту пору приходится считать «днем».

Трое на вертолете. Трое вглядываются в прикрытую туманом черную воду.

Последний круг, и надо возвращаться. Возвращаться ни с чем?

И вдруг — темное пятнышко на черной воде. Всплеск волны? Подводный камень? Брэнно?

— Шлюпка! — крикнул второй пилот.

Ниже.

Еще ниже.

Все. Дальше нельзя. Воздушная струя может перевернуть и потопить шлюпку.

В ней двое. Два человека в черной одежде. В черной лодке. На черной воде.

По плексигласу бегут струйки дождя.

— Куницын? Вроде похож!

— А второй кто?

— Видно, рыбак. Подобрал.

— Надо проверить.

Вертолет идет в разворот. И вдруг тонкий клинок разрубает завесу тумана. Лица вертолетчиков порозовели.

— Красная! Это он, ребята!

Цветная, горячая ниточка крепко связывает невидимую в тумане шлюпку с уходящим ввысь вертолетом. Вспыхнули ответные ракеты, отмечено на карте место, летят в штаб радиосигналы: «Куницын обнаружен! Квадрат 10. На рыбацкой лодке. Шлите суда».

Небольшая шлюпка с подвесным мотором, разбивая высоко поднятым носом волны, спешит обогнать наступающую ночь.

В лодке двое — сотрудник биологической станции и старый рыбак.

В привычный дробный стук подвесного мотора вплетается легкое жужжание.

— Вертолет, — догадывается первый рыбак.

Жужжание усиливается.

— Снижается.

— Потерял что, а?

— Может, сам заблудился.

Вертолет повисает над самой лодкой. Воздушные струи гонят по волнам рябь.

В шуме моторов тонут слабые щелчки пистолетных выстрелов. Двое в лодке не слышат их.

— О нас беспокоятся? Посигналь им: летите, братцы, домой. А то еще утопите невзначай.

Биолог вытаскивает ракетницу. Красный трепетный свет зажигается в сумерках. Тень шлюпки бьется на алой воде.

Словно приглядываясь, вертолет еще раз проплывает над самой лодкой. Потом разворачивается и, удовлетворенно жужжа, скрывается.

Спасательный жилет выталкивает его из воды.

Спасательная лодка пляшет на волне рядом. Она надежно «пришвартована» к поясу тонким шнурком. Он и не помнит, когда перед самым погружением успел дернуть ленту баллончика со сжатым воздухом.

Прижимает лодку подбородком, ухватившись за лямки, рывком ложится на борт. Куртка, подбитая мехом, теплые брюки, ботинки, китель, шерстяное белье — все успело намокнуть. Даже в шлемофон забралась вода.

Он усаживается, подогнув под себя ноги. Ну и лодка! Тазик для купания. Ноги не помещаются. Чуть выступают дутые оранжевые бока над водой. А все-таки дом. Не очень-то удобный и просторный, но все же дом.

Теперь надо найти парашют. Несколько минут он должен продержаться на воде. Там в ранце сигналы дневного и ночного действия, ракетница, специальные «морские» спички, фонарик, аптечка, шоколад...

Волны. Короткие, с пенными белыми гребешками. Небо затянуто, сверху сочится противная мелкая морось.

Но парашюта не видно. Утонул? Или ветер и волны утащили его во мглу? Иван быстро гребет руками. Ему помогает ветер. Проходит минута, другая — глаза ищут опавший оранжевый купол. Не видно.

Он ищет еще и еще. Нет. Теперь бесполезно искать. Утонул парашют, а вместе с ним и ранец.

Шоколад, аптечка — о них он не жалеет. Как-нибудь обойдется. А вот ракеты, спички — онигодились бы.

Если бы не эта туманная морось! Может, ветер разгонит ее?

Впрочем, не надо огорчаться. Найдут. Если успеют зайти до темноты, то жене даже и не придется волноваться. До ночи ей не скажут.

У него есть «плавучие средства». У него пистолет и две обоймы. Компас. Нож, большой, тяжелый «пилотский» нож с широким лезвием и пилкой. Наконец, часы.

А теперь — минута спокойствия. Ты военный человек, офицер, ты знаешь, чем тебе нужно сейчас заняться. Оценить обстановку. «Прежде чем принять решение, оцените обстановку...»

Шлюпку подбрасывает. У волн — свои, особые законы: вдруг рождается среди односторонних одна особенно сильная, хищная: удар в борт — и брызги летят в шлюпку.

Первое — время. Вспомни панель с приборами. Часы. Четырнадцать тридцать. Время катапультирования. Сейчас — Куницын смотрит на циферблат — четырнадцать сорок семь. Семнадцать минут тебя ищут.

Бездействие хуже всего. Надо плыть. Но где же берег? Куницын освобождает стопор компаса. Стрелка мечется, отыскивая меридиан. Что-то уж очень она беспокоится. Да, он держит руку у самого баллончика со сжатым воздухом. Массивный тяжелый баллончик, похожий на гранату-лимонку.

Теперь стрелка успокаивается. Вернее всего плыть к северу. Его курс — 300, ну, 310. Хорошо, что ветер южный или юго-западный. Он привычно вспомнил метеосводку. Если оттащит на восток, там — открытое море, голомянь.

Пока он вовсе не ощущает себя потерпевшим бедствие. Благополучно катапультировался и опустился на воду, как положено. Все в порядке. Вот только ранец. Обидно, но в конце концов можно обойтись и без него.

...Иван еще не знает, как горько ему придется сожалеть о потонувшем ранце.

5

Два раза он слышал реактивный гул. Сначала прошел «МИГ» с двумя двигателями — мощная скоростная машина. Прошел в стороне и очень низко — натренированный слух определил высоту не более ста метров. Кривцов! Кто же еще осмелится так снизиться? А через несколько минут снова загудела турбина истребителя, на этот раз «пятнадцатого» — спарки. И снова в стороне, где-то над низкими, до самой воды, осенними облаками.

Тишина. Только шуршанье пенистых гребешков да характерное «плюх-плюх» о шлюпку.

Воды в ней — по пояс.

Ощущение резкого, пробирающего до костей холода приходит внезапно.

Куницын швыряет воду ладонями, рассыпая брызги, не утомимо, как помпа. Вычерпав шлюпку наполовину, повертывается, чтобы усесться поудобнее, чуть наклоняет свое верткое судно, и волна тут же перехлестывает через борт.

Он снова принимается за работу, решив во что бы то ни стало осушить шлюпку. И осушает. До следующей волны. Приходится отказаться от бессмысленной работы.

Озноб уже покалывает тело, в глубине тела рождается противная дрожь. Руки покраснели от воды и ветра. Перчатки он потерял.

Пока не придет помощь, нужно двигаться. Ни на секунду не уступать. Грести.

Дует шелоник — юго-западный, сильный, но не успешный разогнать волну ветер. Он дует поперек залива и не может расшевелить море как следует. Все же на волнах гребешки. Не меньше трех баллов. Может, и все четыре. Ветер, он поможет делать километра полтора в час. Не очень-то большая скорость для пилота, но все-таки скорость. Шлюпка медленно обогнула обломок льдины, оторванной где-то от берегового припая.

Намокшая одежда — плохая защита. Каждый порыв ветра морозит тело. Видно, температура воздуха немногим выше нуля, воды — тоже.

Руки стыли, пальцы «заходились» от холода. Он то и дело сует кисти за пазуху, но и там не находит тепла. Сжимая и разжимая кулаки, разгонял холодеющую кровь. Он греб, стараясь согреться.

Темнело. Короток стал день — с десяти до четырех только свет и видишь. Иван взглянул на часы. Четырнадцать пятьдесят. Стрелки стояли. Эх вы, «пылевлагонепроницаемые»!..

К хлюпанью волн примешивался посторонний звук. Тарахтящий, стрекочущий, знакомый. Иван приподнялся, едва не опрокинув лодку. Достал из кобуры пистолет. По звуку понял, что вертолет идет не на него, а стороной, хотя и очень близко.

Семь выстрелов прозвучали оглушительно один за другим. Гильзы падали в холодную воду и, сверкнув желтизной, как блесны, уходили вглубь. Еще два выстрела...

6

Куницын видит красную вспышку. Ракета. Откуда?

С вертолета! Они ждут ответного сигнала. Застыв на мгновение в неподвижности, он вслушивается в слабющий рокот. Потом яростно гребет туда, где заметил вспышку, гребет, задыхаясь от усилий. Гребет пять минут, десять, час — море пусто.

Озноб снова набрасывается на него. Даже минутная бездеятельность дала знать о себе: сразу же ооченело тело.

В сумерках море кажется еще более холодным и жестоким. Мгла подступает к шлюпке плотнее и плотнее.

Если он правильно определил место посадки, то теперь в открытое море его не унесет. И если он продержится эту ночь... Главное — продержаться ночь. С семнадцати до десяти. То есть семнадцать часов. Всего лишь тысячу с небольшим минут.

На аэродроме сегодня не будут спать. Дома не будут спать. Выдержать — вот что он должен сделать, и сделает это. Пока хватит сил, он будет плыть. Пока он способен дышать и тело повинуется ему, он будет плыть.

Туго надутый жилет стягивает грудь, мешает грести. Пальцы с трудом нащупывают застежки. Ремни разбухли, наконец удается снять жилет. Куницын кладет его на бортик — в шлюпке нет места.

Ночь окружила его.

ОДИН В НОЧИ

1

«Рулевой» идет по расписанию. Через час-другой он пришвартуется к пристани Зеленая.

Просквоженная осенними ветрами палуба пуста. На ней мешки, корзины, бензопилы «Дружба», бочка с квашеной капустой.

В салоне сумеречно, дремотно, тихо: пассажиры нетерпеливо поглядывают в серую однотонность за окном, перебирая в уме предстоящие береговые заботы.

Разговор идет о местной сенсации. Этой осенью в Губу неожиданно-негаданно зашло столько сельди, сколько здесь еще не выдывали прежде...

Капитан Тимонин входит в салон в тот момент, когда пассажиры, притушив окурки, уже начинают готовиться к высадке.

— Не торопитесь, товарищи. Причалим не скоро.

— А в чем дело?!

— Человек в море. Будем искать!

В воздухе повисает тишина.

— Кто такой, объясни толком? — говорит, наконец, человек в рыбацкой робе.

— Летчик, — отвечает Тимонин.

— В какой час дело было? Долго не выдержит...

— Вот что, капитан, ты нас сначала до места доставь... — заводится толстый парень в кожаном реглане. У него два пузатых чемодана, ящики, какие-то свертки. Видно, коммерческая душа!

— Ладно, помолчи, деятель! — останавливает его человек в робе.

Больше никто не спорит. «Рулевой» ложится на обратный курс. На палубе, среди мешков и бочек, плечом к плечу стоят люди.

Через час — новая радиограмма: «Искать лодку, в ней двое — пилот и рыбак. У летчика есть ракеты».

Люди прислушиваются, вглядываются в густую, вязкую темноту — ни вспышки, ни выстрела...

2

Он ударяет себя по лицу ладонью один раз и другой — сильно, не жалея. Странно: щека чувствует боль, а ладонь словно и не принадлежит ему, удар нанесен чем-то деревянным.

Дремота отступает на время. Волны меньше, шум моря как бы притих, стал глуше, однообразнее. Тьма глухая, плотная — ни блеска звезд, ни огонька на воде. Где найдешь среди мгlistой ночи крохотную резиновую шлюпочку, закрытую волнами? Но его ищут, он знает.

«Только одну ночь, — повторяет он себе. — Только одну ночь». Он думает об идеальном летчике. Тот держался бы до последнего. Держался уже хотя бы для того, чтобы показать, какой несгибаемый и упрямый народ — пилоты реактивных машин.

Гребок, гребок, гребок. Двадцать. Теперь привстань, освободи правую ногу. Согни ее, разогни. Еще раз согни. Десять раз. Достаточно. Снова присядь на корточки. Повернись вправо, теперь влево. Поверни голову. Так.

Если бы не это ледящее прикосновение влажной одежды!

Воды он не боялся. Знал секреты, знакомые только тем, кто вырос у моря и сроднился с ним: в шторм нырял под волну, целя в основание, и выскакивал на поверхность в безопасной зоне, где волны более покаты и спокойны. Ночью заплывал далеко от берега, лежа на спине, смотрел, как разворачивается над головой Млечный Путь, отыскивал знакомые созвездия, полузакрыв глаза, дремал, чуть шевеля ногами. Теплое, благодатное море...

В тишине раздается слабый плеск. В тишине — потому что шелест волн стал восприниматься им как тишина.

Будто рыба плеснула. Рука шарит по бортику. Жилет исчез! Сон сразу отступает: если что-либо случится со шлюпочкой, вся надежда на жилет.

Несколько судорожных гребков.

Куницын, наконец, нащупывает жилет, пляшущий рядом со шлюпочкой. Он снова уложил его на бортик: больше некуда.

Через час, задремав, он снова сбивает жилет с бортика. Озноб трясет его, нет сил погнаться за уплывающей «капкой». Стиснул зубы, напряг мышцы — озноб словно бы уменьшается.

Резкими и сильными гребками он заставляет шлюпку описывать круг за кругом, шарит на ощупь руками.

Так продолжается около получаса. Может, выстрелить? Выстрел выхватил из темноты оранжевое пятнышко. Вспышка утонула в мороси. За эти полчаса ему удалось согреться, но зато он заметно ослабел. Иван зачерпывает темную воду и делает два глотка. Вода горько-соленая, гораздо солоней, чем черноморская. Она вызывает ощущение тошноты.

Теперь жилета нет. Но шлюпка невредима, и можно плыть дальше. Сколько часов продлится эта ночь?

Грести и грести, пока в теле есть хоть капля теплой крови.

3

Ночь, давящая ночь кругом, дождь, снег, шелест. Шлюпку подбрасывают не видимые во тьме волны.

Вдруг он обнаруживает, что лицо морозит холодное дуновение. Значит, гребет против ветра. Когда и зачем он развернулся, чтобы плыть в обратном направлении? Сознание уже плохо служит ему. Холод просочился в каждую пору, в каждую клеточку тела.

Страшней всего неизвестность. Берег впереди или открытая вода? Изменил или нет направление ветер? Может, лодка кружит на одном месте?

Хочется положить уставшие руки на борта, закрыть глаза и на секунду расслабиться. Сон тут же унесет тебя, уничтожит боль.

Но ты еще можешь не спать. Гроби. Куда бы ни греб, к берегу или в море, — гроби. Будь до конца бойцом.

«Будь до конца бойцом». Ты живешь не для одного себя. Вспомни, когда тебя выбирали парторгом, ребята говорили: «Мы верим Куницыну. Во всем».

Помнишь, как Костюченко, не выпуская шасси, садился на пашню? У него была вынужденная. И ты мчался к месту аварии по кочкам, и сердце твое замирало: как он был нужен тебе, твой друг!

А Юрий Ашаев? Оставалось на пятнадцать минут горячего, а он никак не мог выпустить шасси. Ты следил за ним, сжав кулаки: ты верил, ты ждал от него мужества. Ашаев выделял в воздухе такие фигуры высшего пилотажа, что бывалые асы качали головами.

...Здесь в армии ты понял великую радость — радость жить для людей, жить их интересами, делить с ними счастье и горе, думать, заботиться о них.

Помнишь, как Костюченко, верный друг Костюченко, узнав о твоей женитьбе, хлопнул по плечу и сказал: «Ну, Иван, я тебя по-настоящему поздравляю. Про такую любовь только в книжке прочтешь, и то не во всякой, понял?»

Вы выросли с ней в одном городе, вместе ходили в школу, дружили, а потом, помнишь, ты впервые поцеловал ее, а потом уехал в летное; она часто писала тебе, и ты писал.

А потом ты понял, как дорога она тебе, как близка, и написал «приезжай поскорей».

Ты счастливый человек, тебе говорили это все, и ты всегда говорил это ей.

Ты не один. Ты в ответе за многих...

Ну, потерпи еще немного. Рассвет поможет. Тебя ждут, тебя ищут. Потерпи.

Дождь прекратился. Шум волн заметно ослабел. Он смог вычерпать воду из шлюпки — море больше не перехлестывало через борта.

И тут низко-низко, над самыми волнами, замерцала звездочка. Она горела впереди, по курсу, и немного левее. Мерцание было ритмичным. Она вспыхивала на счет «четыре».

Маяк. Конечно, маяк.

Теперь у него есть цель. Берег близко.

Он греб размеренно, стараясь не поддаться радости. Теперь, когда спасение близко, он должен действовать расчетливо и предусмотрительно, распределить силы, чтобы не выдохнуться на половине пути.

4

Огонек заметно приближается. Он как бы поднимается постепенно над волнами. Видно, маяк стоит на высоком берегу.

Но странно — почему не слышно шума прибора?

Гул слышен, но это не тот хорошо знакомый Куницыну гул, какой издает море, натываясь на сплошную преграду берега. Тихие всплески, хлопки разбивающихся о камни волн — все эти смутные звуки идут только от маяка, а вокруг по-прежнему равномерное дыхание моря.

Впереди не берег, не мыс, впереди остров, небольшой остров!

Хорошо, пусть остров. Там огонь. Он настрругает стружек, разожжет костер. А может быть, на острове люди?

— Э-э-эй!

Голос звучит хрипло и слабо. Он не может набрать достаточно воздуха, чтобы крикнуть.

Маяк мигает все так же размеренно и равнодушно. Раз-два-три — вспышка, раз-два-три — вспышка.

Уже видны выхватываемые мгновенным блеском блестящие, влажные камни под маяком. На вершине острова — конусообразное высокое строение, переплеты досок — вышка, маяк-дублер, по которому моряки ориентируются днем.

В ясные дни, пролетая над морем, он видел десятки, сотни крохотных скалистых островов — сверху они были не больше булавочной головки, они стояли внизу, как лодочки на приколе. А маяки с его высот вообще не были видны. И вот теперь один из этих островков выплыл к нему, как первая удача. Что это за остров?

НЕДОСТУПНЫЙ ОСТРОВ

1

Прилив и волны постепенно прибывают шлюпку к острову.

Со всех сторон — камни; чудо, что до сих пор они не пропороли резину.

Цел ли шнур, которым лодка была привязана к поясу? Озноб так трясет его, что дрожащая рука долго не может нащупать шнур.

Наконец он убеждается, что все в порядке. Только бы не было льдин у самого побережья, иначе шлюпку порежет вчистую острыми закраинами, и он утонет, прежде чем выберется на сушу.

Хоть бы немножко света! Голубые вспышки освещают только небо над головой.

— Ничего, — говорит он себе. За эти ночные часы он научился разговаривать с собой, не разжимая губ. — Ничего, это последнее. Там, на острове, огонь, тепло.

Трррь... Треск раздираемой камнем прорезиненной ткани. Волна приподнимает шлюпку и подвигает ее дальше. И тут же новый камень вливается в днище, и снова помогает волна.

Следующий толчок мягче — шлюпку прижимает к камню. Превозмогая оцепенение замерзшего тела, Иван вываливается из шлюпки и падает на камень. Пальцы хватают мокрый мох, пучки склизлых трав, потом ладонь ощущает боль — это рачки-балаюсы настроили здесь, на камне, свои известковые домики. У него хватает сил вползти на камень, даже вытащить лодку.

Но камень не был частью суши. За ним плескались волны.

Тогда он, обхватив шлюпочку, скатывается, съезжает с камня, как с горки. Достанут ли ноги дно? Не достали — глубоко. Шлюпка, к счастью, не дает погрузиться в воду с головой.

Еще несколько скачков на волнах. Теперь лодка, подпрыгивая, трется резиновым боком о какую-то стенку. Ладонь нащупывает почти отвесный гранитный срез, гладкий, отшлифованный волнами.

Он пристал к самой высокой и крутой части острова!

Иван оттолкнулся от стены и принялся грести. Через минуту лодку снова отбрасывает к влажному, мшистому камню. Прилив сильнее.

Кажется, он поспешил, нарушил одно из неперменных правил, которые хорошо знают моряки: не приставать к берегу с открытой, наветренной стороны, иначе судно прибьет к камням.

Поддался искушению, поспешил к огню, теплу. И теперь остров, его спасение, его единственный шанс, стал ловушкой.

Шлюпка трется круглыми бортами о камень. Пятнадцать-

двадцать минут — резине больше не нужно, она не выдержит. Шлюпка осядет, как пустой мешок. А здесь немалая глубина. Скала уходит в воду почти отвесно.

— Ну, последний рывок, — сказал он себе. — Самый последний.

Остров... Земля! Надежда и спасение. И как часто эта надежда оказывается губительной! Именно в те минуты, когда потерпевший кораблекрушение, потеряв себя от радости, пытается высадиться на берег, и происходит большинство морских трагедий.

«Нетерпение губит людей», — пишет Бомбар. Из десяти несчастных случаев на море девять происходит во время высадки. Это статистика... Нужны большое самообладание, невиданная выдержка и смекалка, чтобы предотвратить затаившуюся под видом избавления опасность.

2

...Поздняя ночь. Желтые фонари. К подъезду управления порта один за другим подходят моряки. На их лицах немой вопрос: «Что там стряслось, чтобы поднимать людей ночью?»

Стеркин знает, морякам не нужно долго объяснять, что делать, когда человек в море.

Моряки затягивают потуже пояса курток и тулупов, поднимают воротники, закуривают — и бегом к стоящим у причалов «Маяку» и «Кавказу».

Ветер высекает искры с кончиков папирос и бросает их в ночь...

У радики дежурит Защелкин.

— Говорит Тимонин с «Рулевого». Искали, пока была видимость. Потом высадили пассажиров и снова ушли в море. Порадовать нечем.

— Хорошо смотрели?

— Да уж в сто глаз. Никакого сигнала.

— Ладно. Отдыхайте до рассвета.

«Не ту лодку искали, — думает Защелкин, — и не там. Ошиблись вертолетчики, спутал их кто-то».

Несколько дорогих часов потеряно. Ракета, выпущенная биологом, обманула спасателей. Приходится выходить в ночь.

У подъезда резко тормозит военная машина. Прямо через борт прыгают летчики Ашаев, Юлыгин, Костюченко, техники Юмашев, Платонов, Гидьян, Тришин... Однополчане Куницына.

Стеркин рассказывает, что успели сделать моряки.

— Сейчас видимость равна нулю, — говорит он. — Темнота, дождь.

— Так ждет же Иван, ждет... — это Костюченко.

Стеркин понимает: самые разумные доводы сейчас бесполезны. Костюченко уже не здесь, в застланном ковром

кабинете, он там — в холодном, ночном море, рядом с другом.

— Хорошо, — соглашается Стеркин. — Снимем еще один теплоход. Спускайтесь к причалу.

...На палубу «Макаровца» поднимаются летчики. Протяжно воеет сирена. Включив огни, «Макаровец» отчаливает.

Через минуту с берега уже ничего не различишь. Судно бесследно растворяется в ночи. Не видно даже огонька на мачте.

3

Натываясь на камни, перевернувшись два раза вместе со шлюпкой, ранив руки, — счастье еще, что они не чувствуют боли, — он отбилсь от острова. Опять в море.

Шлюпка с пробитым дном до самых бортов наполнена водой. Снова видны вспышки маяка, посылающего неведомо кому в ночь предупредительные сигналы. И остров шумит прибоем, по-прежнему недоступный, окруженный камнями, как надолбами.

Он поплыл вдоль острова, ориентируясь на слух. Маяк уже на траверсе. Здесь какой-то провал в шуме прибоя — шлепки волн приглушены и мягки. Бухточка?

Куницын берет направление на самое спокойное место, где шелест волн особенно слаб. Наконец шлюпка утыкается в берег. Шуршит галька.

Еще не веря в удачу, Иван, нагнувшись, шарит под днищем рукой. Камешки обкатанные, гладкие — мель, несомненно, мель.

Теперь, упираясь руками в галечник, вытащить себя из шлюпки.

Он сидит в воде, а лодка болтается рядом и тыкается в него мягким носом. Ноги не гнутся.

При вспышках маяка он видит неподалеку несколько валунов. Берег пологий и удобный для того, чтобы ползти.

Не хочется расставаться со шлюпкой. Он во всем полагался на нее, она служила ему как могла, эта крохотная лодочка, созданная, казалось бы, для детских забав.

Взвалил ее на спину и пополз вверх, держа курс на маяк.

Внезапно руки хватают пустоту. Он делает еще одно движение вперед, и тело теряет точку опоры. Ущелье? Не удержавшись, он катится вниз, шумно плюхается в воду.

От неожиданности захлебывается; намочная одежда тянет вниз, но шнур, которым шлюпка привязана к поясу, не дает опуститься на дно. Он выныривает и с минуту отфыркивается, приходит в себя, держась руками за шлюпку.

Скалистый остров, на который он выполз, разделен узким ущельем. Прилив достиг полной силы, и вода заполнила расщелину. Он утонул бы, если бы не шлюпка!

Отдыхавшись, Иван выбирается на камни и ползет к маяку.

УБИТЫЙ ОГОНЬ

1

Круглая металлическая будка, на ней опоясанное стеклом расширение. Маяк похож на гриб. Свет его больно режет привыкшие к темноте глаза. Гриб невысок — метра три.

Иван отвязывает лодку. Давит усталость. Очень хочется лечь. Растянуться на этой прочной, надежной земле, забиться хоть на миг...

Держась руками за край будки, встает. Ноги держат. Он делает первый шаг. Нога ступает тяжело и плоско, как у водолаза, обутого в свинцовые калоши. Второй шаг...

Теперь — костер. Можно будет раздеться, высушить одежду, отогреть ознобленное, дрожащее тело.

Начинает светать. Тускнеют вспышки маяка, встает на чуть побледневшем небе конусообразная вышка дублера, угадывается свинцовый блеск холодного моря. Мутный заполярный рассвет, лишенный красок.

Куницын ползает под вышкой, косо и крепко воткнувшей в землю ноги-опоры, собирает белеющую на земле щепу.

Несколько гнутых досок от бочки-сельдянки. Влажные. Не беда для бывалого рыбака и охотника. Случалось, разжигал под дождем костер с одной спички.

«Пилотским» складнем он вытесывает мельчайшие стружечки. Заботливо и не спеша укладывает костер. Нож дрожит в руках. «Скорей, скорей!»

Постарайся не спешить. Костер должен быть сложен хорошо. Минутами глаза застилает туман. Мельтешат какие-то цветные полосы перед ним.

Теперь нужен только маленький, горячий язычок пламени. Маленький ласковый язычок!

Когда костер разгорится как следует, он бросит в него самые сырые щепки. Дым — сигнал...

Уже различимы сизые волны внизу, у лодножья скалы, темные тюленьи спины валунов.

Тесная будка маяка. Над головой, за выпуклыми линзами, — ацетиленовая горелка. Раз-два-три — вспышка, раз-два-три — вспышка... К горелке можно подтянуться на руках, ухватившись за металлические стержни. Но горелка надежно упрятана, закрыта железным колпаком. На колпаке — задвижка, прихваченная болтом с гайкой.

Надо сбить гайку. Здесь, в будке, особенно отчетливо он слышит свое хриплое и прерывистое дыхание. Оно судорожное — будто не хватает кислорода.

Пистолетной рукояткой — по гайке. Она не поддается: заржавела. Влажный соленый воздух быстро творит здесь свое разрушительное дело.

Он бьет пистолетом по гайке, чтобы освободить задвижку.

Гайка остается на месте.

Куницын очень устал, голова кружится. Он соскальзывает вниз и оседает на цементный пол.

Очень хочется пить...

2

Туманный рассвет. Катер идет узким проливом, петляет меж островами — лудами.

Их много здесь, этих луд. На одной может уместиться только парочка гаг, на другой хватит места для маяка, на третьей встанет десяток домов. Только нечего там делать людям. Изредка заглядывают на островки рыбаки да смотрители маяков.

Луды, луды — гроза местных капитанов!

Серые кручи. Обрывистые берега. Коварные корги на подступах...

Один наблюдатель на корме катера, другой на носу. Через час — смена.

Надо успеть вобрать в окуляры все: однообразно-утомительный накат волн, береговые сопки, укутанные туманом, каменную россыпь литорали.

Обычно суда стараются держаться подальше от луд. Но сегодня «Маяк» подбирается под самые скалы. Не взлетит ли оттуда, вон из-за этой скалы, ракета, не поднимется ли к небу дым костра? Пусто, только суетливые чайки-кулики обсуждают свои птичьи дела...

Ночью «Макаровец» дошел только до первых луд и был вынужден вернуться назад в порт: летчики убедились, что в такую темь поиски бесполезны.

Перед рассветом катера вышли на поиск.

Все три катера идут в тумане рядом, на расстоянии видимости друг от друга.

Юрий Юлыгин только что сменился с дежурства, но не идет в салон, а поднимается в рубку. Встает рядом с рулевым. Здесь не так холодно и мозгло, как на палубе, хотя в открытые окна и влетает замешанный на ветре туман.

— Держи бережней! * — кричат рулевому с палубы. — Лодка у мыска!

Юрий не видит лодки, ее можно рассмотреть лишь в бинокль. «Маяк» поворачивает к берегу. Два рыбака, стоя в лодке, выбирают баграми вынесенные на берег лесины. Услышав стук двигателя, плывут навстречу.

Юрий всматривается в лица рыбаков: тут же рушится наивная надежда — Куницына в лодке нет.

И снова волны, волны, далекий берег и внезапно вырастающие перед носом катера луды.

Быть может, сейчас на одном из этих безымянных островов, помеченном на лодии просто цифрой, — Куницын. Навалившись грудью на гнейсовую плиту, он отдыхает после многочасового плавания в студеное море. А может быть, он слышит стук судовых двигателей, но уже нет сил подняться, выстрелить, взмахнуть рукой, крикнуть...

* Ближе к берегу.

Юльгин выхватывает пистолет и, когда «Маяк» проходит мимо очередной луды, несколько раз стреляет в воздух.

Прислушивается.

Тихо.

Юрий подбегает к судовому колоколу и начинает неистово дергать за веревку. Тревожный звон несется в тумане...

3

День, кажется, обещает быть туманным — дождя нет. Пусть туман, пусть ночь, лишь бы костер и еще два-три глотка воды. Может быть, где-нибудь в глубоких расщелинах таятся крохотные озера чистой, прекрасной воды?

Иван выходит из будки. Совсем рассвело. С одной стороны скала полого уходит вниз, с другой — обрыв. За пятиметровым обрывом камни, сотни камней.

Начался отлив, и из воды выглянула литораль — «обсушка», прятавшаяся во время полной воды. Вот здесь он вчера пытался приблизиться к берегу. Хорошо, что был прилив, это спасло шлюпку. Над камнями носятся чайки. Торпедообразные тела. Хищные внимательные глазки.

Ветер стих. При каждом движении холодные струйки текут по коже — одежда перенасыщена влагой. Он ползает по серому граниту, отыскивая трещины, в которых скопилась пресная вода. Лижет холодные влажные камни, лишайник.

Чайки проносятся над ним, разглядывают, оголтело кричат и улетают к другим островам, к далекому берегу — они не знают ни расстояний, ни голода, ни жажды.

4

Чуть утолив жажду, Куницын возвращается к маяку. И снова бьет по гайке, бьет как заведенный, размеренно, и металл не выдерживает его упорства.

Неудобно работать на весу: нога соскальзывает с ацетиленового баллона, а горелка — выше головы. Глаза застилает цветной туман, колышется, переливается радуга.

Колпак горелки откинут. Теперь огонек открыт. Не спеша, будь осторожен, как сапер, — ошибка может стоить жизни.

Но пальцы с зажатым в них карандашом сами тянутся... Огонь! Перед глазами — огонь, он жжет пальцы — это сладостная боль.

Карандаш вспыхивает и тут же гаснет. Надо подольше подержать его у огня, и все будет в порядке. Карандаш загорится как следует, и тогда удастся донести огонь до костра.

А что, если чуть-чуть отодвинуть керамические наконечники горелки, дать простор огоньку?

Ему кажется, что он действует осторожно.

Опухшие пальцы касаются пламени. Вечный огонек исчезает.

Слышно, как сочится газ. Потом — резкое шипение аппарата, выбросившего порцию ацетилена.

Раз-два-три — шипение. Раз-два-три — шипение. Вспышки нет.

Маяк погашен неосторожной рукой.

Он убил огонек, задушил его, прервал слабое дыхание огрубевшими беспомощными пальцами.

Иван опускается на цементный пол. Мечтать о тепле, увидеть огонь, всю ночь добираться к нему и, достигнув цели, своими руками...

Пахнет газом. Ацетиленовая горелка мерно отсчитывает секунды: раз-два-три — шипение, раз-два-три — шипение...

Иван поднимается — как трудно это дается сейчас! — бьет пистолетом по стеклу маяка. Это глупый припадок злобы, бессильной злобы...

Сыплются стеклянные осколки, змеятся, расползаются трещины.

Ацетиленовый аппарат продолжает безучастно считать секунды.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

1

Режет легкую рябь «Макаровец». На параллельных курсах — «Маяк» и «Кавказ». Изредка окликают друг друга пронзительным вскриком сирены, сильным ударом колокола. Туман.

Капитан Рейн Келхманн, молодой эстонец, смотрит лодию. Рядом с ним Николай Костюченко: он дежурит у рации.

— А он женат? — спрашивает вдруг Келхманн.

— Куницын? Давно. Двое ребят.

Келхманн молчит, думает о чем-то своем.

— Капитан! — кричит с палубы впередсмотрящий. — Плывет что-то.

Борис Воциков, парнишка-моторист, пошарив багром, вытягивает на борт рваную телогрейку. Каким чудом держалась она на волнах — непонятно, разве что пропиталась насквозь машинным маслом.

Повертев телогрейку, Борис швыряет ее за борт, говорит:

— Видно, наш брат моторист владел. Любимая была, долго носил.

Сменяются вахты, остаются за кормой мили.

Однообразны и утомительны долгие часы поиска, стынут ноги, коченеют с непривычки руки, сжимающие бинокль, слезятся на ветру глаза. Рейн не спал ночь и готов не спать столько ночей, сколько потребуется для поиска.

Чужая трагедия ворвалась в его душу. Рейн пытается представить, что думает, что чувствует сейчас жена Куницына, и какое у нее лицо, и как она ждет вестей, ждет от него, Келхманна. Да, и от него тоже.

Но Келхманн — моряк и эстонец, а потому сдержан вдвойне. Он продолжает молча стоять рядом с летчиком. А Костюченко тоже думает о Куницыне и его семье.

Именно он, Николай Костюченко, вчера должен был рассказать Лиде, жене Ивана, о случившемся.

Он не знал, как это лучше сделать.

Вернувшись домой с аэродрома, Костюченко отослал женщин, Шуру и Лиду, сделать покупки перед праздником, а сам остался с детьми, своими и куницынскими.

Обрадованные женщины уехали в город, но прежде Лида долго втолковывала ему, что передать Ивану, когда тот вернется с полетов.

— Главное, чтоб не забыл наколоть дров, а то передавали — похолодает.

Шура все-таки почуяла что-то неладное и стала допытываться. Николай ничего не сказал, боясь, что она не сдержится и передаст Лиде. Николай надеялся выгадать время, он был уверен, что Ивана скоро найдут, и он явится домой живым и здоровым.

Наступил вечер. Вернулись женщины. И тогда пришел замполит, и они вдвоем все рассказали Лиде. Лида выслушала молча, только сжала рукой горло...

2

Покрикивают чайки — они летают, несмотря на туман. «Чайка села прямо в воду, жди хорошую погоду...» Кажется, так говорят моряки? Нет, птицы не качаются на волнах, они летают, опускаются на скалу, на облюбованные ими уступы, гомонят, дерутся. «Чайка ходит по песку — моряку сулит тоску...»

Куницын, пошатываясь, подходит к обрыву — несколько камешков, сорвавшись, с дробным стуком катятся вниз. Носятся встревоженные птицы.

Что это? Внизу, в стылой воде, среди камней, шевелится что-то темное, большое. Движения темного тела лениво-замедленны.

Тюлень. Любопытная морда, выпуклые, добрые собачьи глаза, смешные, жесткие стрелочки усов. Если спустить шлюпку, подплыть к обрыву...

Оттянут затвор пистолета. В открывшемся проеме казенной части мелькает медная желтизна патрона.

Постой! Ты забыл об огне выстрела. Молниеносная вспышка не зажжет костер, но если направить ее в ацетилен...

Неужели он нашел выход? Снова спасение в его руках, снова надежда. Но много ли осталось патронов? Сколько раз стрелял в эту ночь?

Обойма никак не хочет выскакивать из разбитой, изуродованной рукоятки. Тогда он раз за разом оттягивает затвор. Четыре патрона лежат на камне.

Он берет один и прячет в карман рубашки. Это будет НЗ — последний, сигнальный патрон.

«Пльви, тюлень. Без еды я еще продержусь, без огня — нет».

Гранит холоден и пуст. Туман подкрадывается к острову, накрывает скалы молочной кисеей. Тускнеет и без того пасмурный день. Плотные клубы поднимаются к маяку, к вышке — море скрывается за пеленой. Море дышит, внизу угадывается темная шевелящаяся масса.

...В будке маяка по-прежнему шипит ацетиленовый аппарат, делает свою бесцельную слепую работу. Надо вынуть из патронов пули — стрелять холостыми, чтоб пламя вылетало из ствола погуще.

Он никак не может захватить скользкое тельце пули. Пальцы плохо повинуются.

Тогда он, наклонившись, вытаскивает пулю зубами. Самое трудное — не выплеснуть дрожащей рукой порох из гильзы.

Потом Куницын отрывает клочок овчинной подкладки, сушит его, раскатывая в ладонях, и, свернув в комочек, забивает пыжом открытый зев гильзы.

Операция с патронами дается нелегко. Трудно дышать. С минуту он сидит, прижавшись к стенке. Минута — это слишком короткий отдых, но на второй минуте начнет подбираться сон...

Готово. Дуло почти касается керамического наконечника, откуда со слабым шипением сочится газ.

Выстрел.

Дымок поднимается над горелкой — это от пороха, газ не загорается.

Выстрел.

Еще один...

Это все.

3

Несмотря на туман, «Кавказ» идет полным ходом. Нужно успеть до сумерек.

Впереди — Средние Столбы. Они ничем не отличаются от других луд, разве что названием. Десяток крошечных каменистых островков. Будто бы шла по Губе баржа, груженная камнем, тряхнуло ее волной, упало в море несколько глыб, да так и осталось торчать на фарватере.

В 15 часов пришла на «Кавказ» радиограмма: «По уточненным данным точка приводнения — 20 км юго-западнее Зеленого. Район поиска — от точки по ветру».

Капитан Гудков разворачивает простыню лоцманской карты, отыскивает нужный квадрат, помечает координаты.

«Ветерок был балла 3—4, — прикидывает он, — летчик, конечно, сообразил поплыть по ветру. Тогда за сутки он

успеет добраться примерно вот сюда. — Карандаш упирается в россыпь мелких кружочков. — Средние Столбы».

Катер останавливается у первого острова.

В тумане ничего не разглядишь. На катере никак не подойти. Вокруг больших камней — камешки поменьше. Спускают с «Кавказа» шлюпку.

Выпрыгивают на мокрые, скользкие камни моряки, осматривают островок — не мелькнет ли где примета Куницына.

Петляет шлюпка по салмам-проливам, разделяющим острова. Все одинаковые, разве что на одном больше птичьих перышек да засохшего помета, а на другом сморщенных стеблей морской капусты.

— Смотри-ка, за валуном! — сказал вдруг механик Балаганов, сидящий на носу шлюпки.

— Элерон с истребителя, точно, ребята, вам говорю! — ответил Девяткин.

Побежали, оступаясь в наполненные водой ямы.

Льдинка. Первая льдинка, намерзшая на мелководье среди камней, — заявка зимы.

Кончился еще один день поисков. Гудков вызывает диспетчерскую порта.

— Осмотрели Средние Столбы. Пусто.

— Идите в Ургу. Там сбор поисковых групп. Уточните план на завтра.

«На завтра, — подумал Гудков, — на завтра. Дождется ли он этого завтра? Тут чуть окунулся — холод к сердцу пошел».

Туман сгустился. Зажгли ходовые огни. А в ответ на ближнем островке сквозь туман замигал маяк.

Не знал Гудков, что на одном из этих островков маяк не горел. Он погас и стал в тумане невидим, и вместе с ним стал невидим остров. Его не могли различить с «Кавказа», хотя катер и прошел вблизи.

4

Туман великолепно передает звуки. На море, окутанном плотной молочной пеленой, акустика, как в старом храме. Любой шлепок рыбы, вскрик птицы, дальний гудок парохода — все звуки легко находят дорогу сквозь туман, натыкаются на острова, рождая в скалах эхо.

Стук мотора выводит Куницына из оцепенения.

Нет, на этот раз не галлюцинация. Работа двигателя настолько отчетливо доносится сквозь туман, что он может определить марку мотора — это дизель из тех, что стояли раньше на танках. Кажется, будто катер совсем близко — вот-вот вынырнет из завесы и, дав «полный назад», вспенив винтом воду, остановится у самых камней.

Иван пробует подняться — больно...

Долго-долго слышен замирающий стук дизеля. Еще раз судьба решила подразнить летчика, потешить призраком надежды. Он лежит на скале у обрыва, рядом с потухшим маяком.

Невозможно приподняться, силы исчерпаны. Сон — какой прекрасный переход к тишине, спокойствию! Как легко преодолеть мучительное расстояние, совершить прыжок через море, тундру!

Аэродром, хохочущие, рискованные пары перед вылетом. Костюченко смеется, хлопает по плечу Ашаева — о чем они смеются, ведь его, его нет с ними! «МИГ», сверкнув серебристым дюралем, уходит высоко в облака; дом, скрипучая лестница, запах обеда, стакан горячего чая на столе. Стакан горячего чая. Ложечка, косо переломившаяся в коричнево-алой жидкости, темные чайники на дне. Кристаллы нарастающего сахара, белый парок. Стакан горячего чая. Серега. Он со снисходительным недоумением склонился над деревянной кроваткой, его удивляет бессмысленное агуканье маленького Юрки. Где же Лида? Где же Лида, что с ней?

«От сна еще никто не умирал...» Так, кажется, говорят? От сна еще никто не умирал...

Иван просыпается. Тело передергивает судорогой, вздохи коротки, как всхлипывания. Икота? Так бывает перед смертью. Как извещение. И ничего тут не поделаешь.

Омерзительная смерть.

Нет... Рука нащупывает под курткой в кармане жесткий патрон. Его сигнал, его последний призыв о помощи.

Не дожидаться... Нет.

Холод добывает его; заснув, он не встанет — замерзнет.

Огрызком карандаша с обожженной потемневшей краской он пишет на дверце маяка: «Здесь был военный летчик Куницын И. Т., помощи не дождался. Погибаю от холода. Прошу позаботиться...» Он и сам едва может прочитать то, что написал, — так неразборчивы буквы...

5

На аэродроме тихо. Полеты отменены.

Тихо и в двухэтажном каменном здании штаба, где в нише рядом со знаменем застыл часовой. Здесь тишина особенно торжественна и свята.

Часовой сжимает карабин с примкнутым плоским штыком. Он несет почетный караул. Знамя части — с боевым орденом на красном полотнище, наградой за Отечественную войну.

Каждый, кто проходит мимо знамени, салютует ему.

Тихо на аэродроме — только дежурные пилоты остались на случай тревоги.

Многие уехали на поиски.

Командир дежурит у радики, и каждое сообщение, пришедшее оттуда, с моря, разносится по всей части с быстрой молнии.

...Часовой безмолвно застыл у знамени.

Ты принимал присягу под знаменем, ты видел этот стяг

в руках знаменосца в торжественный день, трепещущий под ветром, живой. И где бы ты ни был, с тобой этот стяг, твоя честь и твоя доблесть. В высотах и на земле, в радостный для тебя час и в самую лихую минуту.

МОРЕ — ТВОЕ СПАСЕНИЕ

1

Идеальный летчик идет по острову. Кто он? Чкалов и Маресьев, Талалихин и Кожедуб, Гастелло и Серов? Он каждый из них и все вместе. Он сидел рядом с тобой в училище и летал инструктором в первом самостоятельном полете, и теперь он пришел к тебе на помощь. На нем гимнастерка, и скрипучие ремни, и ордена: этот за Халхин-Гол, этот за Испанию. А лицо у него грубоватое, со следами ожогов, с резкими морщинами...

— Я умираю, — шепчет Куницын чуть слышно.

— Я знаю, ты вынес больше, чем способен вынести человек, но выдержи еще.

— Трудно...

— Ты не один. Тебя ищут друзья.

— Я не вижу их. Слепнут глаза...

— И я тонул. Замерзал. Ел кору деревьев. Меня уносили с операционного стола без ног. И потом я летал, и жил... А ты так же крепок, как я. Может быть, даже крепче.

— Больно дышать. Окоченела каждая мышца.

— Помнишь, ты принимал присягу у знамени... Ты обязан до конца выполнить свой долг...

— Знаю, я держался.

— Ты держался, как солдат. Попробуй сделать больше того, чем можешь.

— Я не могу говорить с тобой. У меня окоченел голос.

— Вставай! Начни жить сначала.

— Я пробовал. Ноги не держат.

— Вставай! Сотри надпись. Начни с этого.

2

Это очень трудно — начинать жить сначала. Заставить себя встать, ощущая боль в каждой клеточке тела. Куницын встает, падает и снова встает. Он карабкается к горелке. Последний патрон, последний патрон...

На мушке металлическая трубочка, провод, идущий от баллона. Ближе, ближе, чтобы не промахнуться. Может быть, ацетилен вспыхнет на этот раз!

И тотчас вместе с грохотом выстрела — сильный удар в лицо. Он падает на бетон, отводит ладонь от глаз — ладонь в крови. Что же с глазами? Неужели ослеп? Чудак, ты

же видишь свою ладонь. На ней кровь. Ты видишь — значит глаза целы.

Лицо горит, изрезанное стеклом. Иван вынимает из щеки крупный осколок. Целясь, он приблизил лицо к самой горелке. А огня нет...

Теперь иди. Нет, не ползи. Тебе тяжело передвигаться на ногах — значит, иди на ногах. Иди, как человек. Вспомни какую-нибудь песню. Помнишь, на марше, на тридцатикилометровом марше, ты запел, когда тебе стало невмоготу. Пой, ну что-нибудь. Губы замерзли.

«Я верю, друзья, караваны ракет...» Ничего, что слов не слышно.

Любимая песня космонавта номер один. Ты ведь тоже хотел бы стать космонавтом. Ты надеялся...

Вот то, что ты искал. Палка без коры, отполированная дождями.

Теперь сядь, уткни палку в доску. Так добывали огонь первобытные люди. Ты читал об этом... Три, не останавливайся.

Человек, мечтавший стать космонавтом, склонившись над обломком доски, добывает огонь трением.

В тумане остров, словно каменный айсберг. Уже близятся сумерки, туман, словно промокашка, впитывает серую краску, теряет белесость.

3

Еще час, и настанет полная темнота. Он отбрасывает в сторону доску и палку. Уже видны зловещие сумеречные сдвиги в мглистом беспросветном небе. Снова долгая ночь, нескончаемо долгая. Семнадцатичасовая.

Ему не перенести ночи на острове. Уснет, и тогда конец.

Надо плыть. Это не безумие.

Надо плыть. Отчалить в ночное море, снова оказаться среди волн, искать проблеск во мраке.

Уйти с острова, к которому стремился, как к земле обетованной, лишить себя этой твердой опоры под ногами, вручить свою судьбу дырявой шлюпочке?

Да, плыть. В шлюпке не уснешь. Ведь ты смог перенести одну ночь, перенесешь и вторую. Будут весла.

Вот доски, вот нож — будут и весла. Будешь пилить, строгать — и холод не одолеет тебя. Залатаешь, починишь шлюпку.

Хорошо, что в складне рядом с лезвием — короткая, острая пилочка. Он любил столярное ремесло, но никогда не было у него такой тяжелой работы. Складень то и дело вываливается из рук.

...Готова лопатка, основа весла. Скоро стемнеет.

Море внизу вздыхает равнодушно и холодно, спокойные волны перекатывают камешки. Начался прилив. Еще не-

давно он видел внизу, у покатога берега, стадо гладкоспинных замшелых валунов, «обсушку». Теперь камни скрылись под водой.

Стынет одежда — разве высушишь ее телом, если в тебе самом не осталось тепла? Надо только работать, работать без остановки...

Будь у него в лодке скамеечка, не пришлось бы сидеть в воде. Он работает тщательно — ни одной заусеницы не должно остаться на доске, иначе прорвется резина.

Тонкие вигые стружечки падают на колени...

...А сегодня в клубе у них концерт самодеятельности. Пожалуй, надо бы занять место поближе к теплой батарее. Сидеть весь вечер, прижавшись к ребристо-острому железному телу.

Теперь — залатать шлюпку. Встань, найди ее. Идти неожиданно легко. Сыплются камни из-под ботинок.

Под ногами вспыхивает тусклый матовый отсвет. Вода! Он спулся вниз, к морю, и чуть не угодил в протоку, уже заполненную снова приливом. Так-так... Потерял ориентацию...

Теперь — обратно, наверх, к маяку, где оставлена шлюпка.

В днище три большие дыры. Хорошо, что к шлюпке привязан тонкий белый шнурок. Куницын сшивает зияющие отверстия.

Да, еще пистолет. Он выпал из руки, когда стеклянные осколки ударили в лицо. Правда, пистолет — лишняя тяжесть, помеха, патронов все равно не осталось. И все-таки... Он офицер, и это его оружие. Иван застегивает кобуру.

Уже на берегу он вспоминает, что забыл стереть надпись с маяка. Снова лезть вверх, по камням?

...Идеальный летчик смотрит сурово и настороженно. Они вместе плыли сквозь ночь, вместе мерзли и вместе умирали на холодном острове. И все-таки идеальный летчик не хочет ни в чем проявлять снисходительность. Может быть, это потому, что они оба одно целое?

4

Оранжевый, надутый воздухом спасательный жилет лежал на берегу. На резиновых боках белесые разводы соли — он пробыл в воде немало часов.

Среди хаоса серо-зеленых камней, бревен и сучьев яркий жилет выглядел таинственным существом, выброшенным на берег из морских глубин. Откуда он приплыл? Где человек, потерявший жилет?

Бездушный резиновый предмет немее рыбы.

Жилет обнаружили с вертолета в сумерках, у мыса Тинского, на северном берегу Губы.

И теперь руководитель поисковых партий майор Проскуряков рассматривает находку.

В порту небольшого рыбацкого поселка Урга, ставшего центром поисков, — повсюду летчики и моряки из поисковых групп. Сегодня им отданы пристань, катера, лодки, телефоны и рации.

Все взволнованы неожиданной находкой. Несомненно, это жилет Куницына. И не так уж он нем, как может показаться. Внимательным, пытливым глазам он расскажет многое.

Жилет наполнен воздухом — значит Куницын приводнился благополучно.

Резина не проколота, ремни не разорваны, а расстегнуты аккуратной, спокойной рукой — значит Куницын снял его, когда он стал ему не нужен.

Проскураков задумался. Когда же сбросил его Куницын — сразу после приводнения или спустя несколько часов? А может быть, он снял его после того, как выбрался на один из островов?

Если жилет совершил такое большое путешествие, то почему его не заметили раньше ни с вертолета, ни с катера? Этот район был прочесан вдоль и поперек.

Звонит телефон.

— Обнаружен бак с самолета. У мыса Тинского.

Новая находка вертолетчиков, кажется, рассеивает сомнения. Бак обнаружили недалеко от жилета. Бак тяжелый, он не мог приплыть издалека.

Проскураков смотрит на карту.

Залив острым клином — с востока на запад — вдается в сушу. К южному берегу залива Куницына не пустил ветер. Острова осмотрены. Остается одно из двух: либо он доплыл до северного берега, либо шлюпку унесло к открытому морю.

Значит, надо искать на берегу. А в море пойдут катера.

БЕЗМОЛВНЫЕ КОРАБЛИ

1

Он снова плывет, подгребая веслами.

Вода стекает со шлемофона и мешает смотреть. Он вытирает лицо ладонью.

От камней удалось отбиться, два раза погрузившись с головой. Скамеечку пришлось выбросить; из-за нее-то шлюпка и опрокинулась.

Зато веселки помогают: как раз по руке. Теперь можно будет передвигаться быстрее, чем раньше.

Остров остается позади. Маяк еще виден — страшно смотреть на этот слепой маяк, уходящий в ночь. Вода слабо мерцает, свет дня не совсем погас.

Иван проплывает мимо большого, торчащего из воды камня, похожего на парус. Память вдруг с резкой отчетливостью нарисовала картину прошлого: Геленджик, стремительный бег глассера, обрывистые, нагретые солнцем бе-

рега и косо выступающий вдали плоский огромный камень — «скала Парус».

Шлюпка полна ледящей воды. Он и не пытается ее вычерпывать — бесполезно: днище протекает.

Желудок схватывает резкой болью. Бросив веселки в шлюпку, Иван на минуту перестает грести. Он достает нож, открывает зубами лезвие и отрезает маленький кусочек ремня. Пробует жевать.

Ощущение такое, как будто в горле застрял камень.

Темнота и туман. Шлюпка все время словно упирается в плотную стенку, и стенка гребок за гребком отодвигается все дальше и дальше. Кажется, повсюду, на сотни, тысячи километров, пространство заполнено этой зыбкой массой и нет нигде ни людей, ни берега.

На острове была определенность. Была хоть опора под ногами. Был маяк — пустой, погасший, но построенный людьми: напоминание о том, что помощь недалеко. Там было призрачное ощущение, что он находится под защитой.

Вернуться?

Найти остров теперь так же трудно, как и побережье. Да и не вернулся бы, нет.

Куницын то и дело разминает ноги — пока еще они подвижны.

С того часа, как раздался последний выстрел в маяке, ясное сознание вновь вернулось к нему. Он должен постараться сохранить его.

Главное — никакой слезливости, сожалений, тоски.

Вот спасительный путь — вспомни Зиганшина, четверку отважных на дрейфующей барже. Им было не легче. И продержались они сорок девять дней. Сорок девять дней!

Бомбар пил рыбий сок и морскую воду. Он специально готовился к плаванию и знал, на что идет, — в этом было его преимущество.

Маресьев полз по лесу сутки за сутками. Ел кору и ягоды. Ты никогда не расставался с книгой о нем. Книга осталась на письменном столе, а ты ползешь, ползешь в продырявленной шлюпке...

Иван черпает ладонью воду, смачивает рот. Едкий соленый привкус.

Темнота. Ночь.

2

Есть границы, через которые не в силах переступить человек, когда он вступает в схватку с суровой природой один на один.

Да, случается, что самый сильный, выносливый сталкивается с физиологическим барьером, преодолеть который не в силах по своей природе. Мы знаем — есть такой барьер.

И вдруг... И вдруг оказывается, что мы ошибаемся. Что воля человека и вера, его сообразительность, реше-

мость, стойкость духа позволяют ему перешагнуть барьер. Вспомните того же Бомбара: «Меня уже давно интересовал вопрос: как долго может противостоять человек всевозможным лишениям, каков предел выносливости человеческого организма. И я пришел к убеждению, что в отдельных случаях человек может перешагнуть через все нормы, обусловленные физиологией...»

И еще Бомбар пишет, что человека, потерпевшего кораблекрушение, зачастую губят не голод, не жажда, а страх. Страх перед бескрайним морем, перед возможной гибелью лишает человека воли к сопротивлению, деморализует, превращает в игрушку ветра и волн.

Человек на крохотной шлюпчонке плавает в ночи и тумане. Нет, не простое биологическое желание выжить, не боязнь смерти заставляют его продолжать путь. Он не знает этой боязни.

Он борется — потому что не может сдаться без борьбы. Таким уж он вырос. Таким воспитан.

3

«С одной стороны море, с другой — горе, с третьей — мох, а с четвертой — ох...» Где он слышал эту поговорку?

Ночь. Ночь. Туман ощутим даже во тьме — его влажное прикосновение, его густота. Море спокойно.

Руки не чувствуют весел — натрудились, тело немеет в холодной воде. Временами появляется странное ощущение: будто он, Иван Куницын, исчез, тело растворилось, осталось лишь одно — слух. Слух стал изощренным, всеохватывающим, как бы радарным лучом он объедает огромное расстояние вокруг, вслушиваясь в странные хлопки волн, какие-то скрипящие звуки, неожиданный стук.

А затем боль возвращает ему тело, боль не дает утратить себя. Он корчится от этой боли и радуется ей: боль — это жизнь, умеет болеть только живое. Болят ознобленные мышцы, суставы, каждому вздоху отвечают сотни иголок, вонзающихся в грудь.

Удивительно, что человек способен столько времени переносить озноб. Его колотит и колотит — должна устать, наконец, и сама дрожь.

Стук дерева о дерево. Неужели лодка? Откуда донесся звук?

Туман лишает слуховой ориентировки. Скрип будто донесся со всех сторон одновременно — отражение в зеркальной комнате, издевка моря. Он гребет в сторону. Звук возникает как будто в том месте, где он только что был.

Шлюпка описывает широкий круг. Тишина. Никого.

Теперь слышно мелодичное позвякиванье. Похоже на звуковой телеграф.

Как будто впереди волны разбиваются о массивное ме-

таллическое тело — хлоп-хлоп. Вдруг вспышка во тьме — это, несомненно, электрическая вспышка, такая пронзительная и яркая.

Вот уже несколько огней впереди — обычная иллюминация судна, стоящего на якоре. Топовые огни.

Скорей гребите!

Всем телом подается вперед. Но сейнер не приближается.

Корабль уходит.

Снялся с якоря в последний момент и уходит в туман.

Огни погасли. Все сразу. Словно туман опустился, как шторка, и закрыл их. А почему же он не слышал работы двигателя? Сейнер ушел беззвучно, как парусник.

Ночь, ночь, ночи! Если бы прорезать темноту светом, выпутаться из вязкой дегтярно-темной массы! Будь у него патроны, он стрелял бы в ночь, стрелял, чтобы вновь почувствовать свою силу, заявить о себе, услышать грохот выстрелов...

Он пьет воду — три глотка. Горечь, тошнота.

Память словно волшебный фонарь-проектор, кто-то вставляет один за другим снимки в камеру. Аэродром. Клуб. Ребята собрались в «шаробойке», ходят вокруг большого стола, чистят мелом кии. Стучат шары, падая в лузы. Смех...

Судороги сводят спину, не дают грести. Открытый нож Иван держит на коленях — если судорога не отпустит, надо колоть тело.

Ночь нескончаема. И в ней один за другим появляются и беззвучно исчезают корабли...

4

Диспетчерская порта. На столе карта, испещренная линиями поисковых маршрутов.

Валерий Александрович Защелкин склонился над картой, он переставляет картонные силуэтики поисковых судов.

Техник-капитан Юмашев спит тем чутким, настороженным сном, которым спят сиделки в больничных палатах, охотники, ожидающие зорьки, солдаты в окопах. Просыпается он будто от толчка: время выходить на связь.

Писк, треск рации.

— С «Макаровца» докладывают. У Белого острова встретили охотников, они слышали вчера взрыв. Может, самолет?

— Хорошо. Проверим.

К Защелкину подходит Юмашев. Лампочка без абажура резко обозначает на лицах тени усталости. Вторая ночь дежурства.

Сообщения с поисковых судов приходят каждый час.

И вдруг радио доносит взволнованный голос:

— На острове Среднем потушен маяк. Стекла разбиты, в маяке стреляные гильзы...

— Это Куницын! — кричит Юмашев. — А записки, записки нет?

— На маяке надпись — стертая, не разобрать ничего.

— Ну что вы на это скажете? — спрашивает Юмашев Защелкина.

— Огонь ему нужен был. Вот в чем дело.

— Ах ты черт! — Юмашев бьет по столу кулаком. — Значит, ранец утонул вместе с парашютом. Остался Иван без ракет, без спичек. А мы ждали сигнала!

5

Волны резче бьют в борта лодки, она уже не мягко поднимается на их спокойных спинах, а переваливается с боку на бок. Ветер — значит исчезнет туман.

Лишь бы голько была погода. С рассветом над морем появятся самолеты. Летчики будут всматриваться в темно-зеленую поверхность... Не зря он покинул остров — его ждет чистое утро. Скоро, скоро! Ветер рождается перед рассветом.

Он гребет, наклонившись на один бок. Шлюпка черпает бортом воду. Зато если заснет, то вывалится в воду и просянется. Лучше еще раз окунуться, чем заснуть...

6

Светло. Туман развеялся. Но ни клочка чистого неба не видят воспаленные глаза. Тучи прижимаются почти к самой воде, из них выпадают сизые клочки, косо тянутся к волнам.

На миг неожиданно открывается окошечко: расходятся облака, и видно голубоватое, мерцающее полотно. Вверху другой мир, светлый, как будто весенний. Окошечко закрывается, и низкая темная туча обдаёт мокрым снегом. Тучи идут цепями, как атакующие: темная, клочкастая цепь, за ней белая морось, потом опять темная цепь.

Два раза он засыпает — днем он не так боится заснуть, и контроль ослаб. Странно, до сих пор не терял весел — так крепко зажаты они в руках. Оба раза он видел во сне дом.

Иван никак не может вспомнить, какое сегодня число, сколько времени он плывет и когда у сына день рождения. Завтра? Послезавтра?

Сереже четыре года. Родился в Сибири, в поселке у степного аэродрома. Это он помнит.

Вспомнил почему-то номер самолета Костюченко — 76, Кривцова — 84...

А как зовут Кривцова? Забыл...

Снится или нет? Небо гудит над головой — звук мотора странный. Что за машина? Летающая лодка? У них на аэродроме нет летающих лодок. Наверное, ищут соседи.

Через полчаса — треск вертолета. Небо живет. Его ищут.

И не забывать про ноги. Ноги — вот что нужно сбереечь. Руки еще живут. Разбухшие, синие, клешнеобразные, они живут...

Проплыла мимо гага, держа в клюве селедку. Он машинально потянулся за пистолетом. Селедка поблескивала серебряной чешуей, большая и жирная.

Гага плыла совсем близко, не обращая никакого внимания на шлюпку. Как будто мимо топляка или брошенной с судна бочки.

Значит, близко остров или берег. Гага хорошо знала, куда ей держать курс. Надо взять немного левее, за ней.

Воспоминание о селедке долго еще мучило его.

7

Его давний, тревожный сон: он свечой взмывает на максимальном режиме в небо, идет на перехват чужака. Чужак огромен, из его шести двигателей рвутся белые языки, он летит уже над нашей землей. Надо чуть-чуть повернуть влево и выйти точно в хвост, под белое драконово брюхо.

Время нажать на левую педаль, и тут — леденящее сердце ощущение пустоты под ногами. Внизу, у кресла, темный провал. Чужак уходит, надсадно звеня двигателями.

Иван сбрасывает с себя дремоту. В небе — гул моторов. Ощупывает ноги... На месте.

Самолетный гул тает за облаками. Кто-то ходит над морем круг за кругом, отыскивая прорехи в облаках.

Здесь, близко к берегу, должны уже встречаться суда, лодки. Или шлюпку отнесло в открытое море?

Тюлень. В лоснящейся гладкой шкуре, пошевеливая лапами, он плывет совсем близко. Щетинки его усов вздрагивают. Человек в резиновой лодчонке не возбуждает в нем страха. Должно быть, безжизнен вид у человека.

Тюлень ныряет, заметив в руке Куницына белую дощечку — весло.

Уже темнеет. Еще один день прошел. Близится третья ночь. Берега не видно.

Он заснул и потерял весло. Надо было бы привязать весла к рукам, да нет уже сил. Еще ночь впереди.

К вечеру похолодало. На западе видна яркая звезда. Облака ушли вверх, рассеялись. В стороне прошел самолет с разноцветными бортовыми огнями.

На горизонте вспыхнуло светлое пятно и погасло. Похоже, кто-то запустил ракету. Как отличать мираж, игру воображения от действительности? Долго еще море будет дразнить близостью спасения?

8

Летчики превратились в следопытов. Одна из поисковых групп движется от мыса Тинского, обыскивая лесистое побережье. Проводник, рыбак из старожилов, уверенно вышагивает по чуть проторенной лесной тропке, никуда не сворачивая.

Но летчики то и дело отстают, заглядывают за угрюмые, насулившиеся бараны лбы, спускаются в поросшие березой лощинки, взбираются на невысокие сопки-чорры.

— Вы, ребята, не мельтешийтесь, — говорит рыбак, дождавшись, пока подойдут отставшие. — Там болота, озера да речки. Одна дорога — на запад. Скоро избушка будет. В ней и спички есть, и мука, и сухарики. Дальше избушки он не уйдет. Будет поправлять самочувствие.

...Вдруг рыбак остановился. Поднял сосновую жердинку, внимательно осмотрел срез, спросил:

— У него нож-то был?

— Обязательно! — Майор Проскуряков отстегнул привешенный к поясному ремню нож. — Вот такой, с пилкой.

— Наши-то, местные то есть, все больше с топориком ходят. Ножичками не балуются. С другой стороны — зачем бы ему сосенку загубить да бросить?

— Может, хотел костыль вырезать? — подсказал Проскуряков. — А не подошла — другую срезал.

Рыбак осмотрелся.

— Однако других срезов не видать. Пошли, за тем ручьем избушка.

Рыбачья избушка пряталась в соснячке.

Солонка стояла на столе, в мешочках, подвешенных к потолку, — мука, сухари. Пол запыленный — никаких следов. Давно уже не заходили сюда люди.

Расположились на короткий отдых, погреться.

Разговор не ладился. Да и о чем было говорить?

Двухдневные поиски ничего не дали. Жилет да бак — вот и вся радость. Теперь ясно: здесь на берег он не выходил.

— Все могло случиться... — нарушил тягостное молчание один из летчиков.

— Что «все»?

— А то. Мы сухие, сытые и то до костей продрогли.

Нет, говоривший не пасовал. Он, не боясь холода и усталости, готов был снова идти в море, высаживаться на острова, не спать и не есть. Он просто уже не надеялся.

Ему никто не возражал. А он ждал доводов, протеста. И, не дождавшись, заговорил снова:

— Вы попробуйте окунитесь, поплавайте хотя бы часик, ну полчаса. Надо смотреть правде в глаза.

И снова — молчание.

— Будем искать, — сказал, наконец, Проскуряков. — Пока не убедимся в одном из двух... в одном из двух, — повторил он. — И будем считать, что он жив. Ясно?

— Не поручусь, сам не видел, — заговорил рыбак спокойно и раздумчиво, — но рассказывал мне дружок такую историю. Было дело в Северном море. Тоже осенью. И вода не теплее. Штормило. Боцман вышел на палубу, поскользнулся на чешуе и угодил за борт. Вынырнул, а сейнер корму показал. Кричал боцман, из воды по пояс выпрыгивал, все без толку. Не увидели его. Ушел сейнер. Спихватились часа через полтора. Знали, пловец он первый, но тоже нашлись люди, сказали: безнадежно, мол, искать. Вода ледяная...

Летчики слушали внимательно.

— Дал капитан команду на обратный курс. Честно, мало кто верил, что найдут. Однако нашли боцмана. Подняли на палубу. А он нагишом и весь поколотый. Как увидел боцман, что один остался, всю одежду скинул, только нож оставил. Начнет сводить руку или ногу — порез себе делал, только потому и выдержал. И сейчас в Мурманске живет. А верить надо, это майор верно сказал.

ДЫМ НАД ОСТРОВОМ

1

Огонек. То появится в темноте, то исчезнет. В его мигании заметна какая-то правильность.

Он видел уже это. Темнота, волны, ветер и огонек. Раз-два — вспышка, раз-два — вспышка. Он видел это. Где? Когда?

Если огонек не исчезнет, значит не галлюцинация. Сто гребков по направлению к огню. Мигает. Еще сто. Мигает. И для полной проверки еще сотню. Мигает. Неужели маяк? Может быть, ты вернулся к первому острову?

Постой, но ведь тот маяк не горит. Значит, берег? Или остров? И снова — крохотная надежда.

Маяк как будто удаляется с той же скоростью, с какой движется шлюпка.

Но прежде чем отказаться от новой надежды, он должен убедиться, что маяка не существует. Не будет же тот отступать вечно. Рано или поздно...

Кто кого?

Куницын плывет среди островов, разделенных салмой — проливом. В этом проливе властвуют течения, подчиняющиеся сложным законам гидродинамики. Путь шлюпки — это замысловатая волнистая линия, синусоида. Приливное течение подтянуло лодку к северу, приблизило к острову

с маяком. Отлив заставил отойти на юг. Приходится бороться с течением, отгалкивающим шлюпку от маяка. Течение неспешное, но могучее. Тягаться с ним в пору только здоровому, сильному человеку...

2

Куницын перестает грести, пробует вытянуть ноги. Ниже пояса тело словно парализовано, потеряло чувствительность.

Боль в груди усилилась. Казалось, кто-то безжалостно сжимает ребра, не давая дышать. Боль сверлит затылок. Озноб не отпускает. Иван стискивает челюсти, чтобы не слышать дробного стука зубов.

Но главное — ноги, они не чувствуют боли. Остров близко, но без ног он не сможет выбраться...

Попробуй распрямить сначала левую. Напряги волю, заставь ногу слушаться тебя.

Так. Теперь руками, со всей силой.

Ослабевшие руки не могут промять толстые, набухшие влагой брюки, которые сдавили ноги холодным панцирем; не могут передать им тепло трения.

И все же он не сдастся. Повторяет все снова и снова.

Кажется, возвращается боль, чувствительность.

Теперь можно позволить себе отдохнуть, набраться сил, чтобы выйти на остров.

Куницын лежит в лодке, как в люлке. Волны толкают и трясут ее. Он не заснет — будет смотреть на маяк.

Воспоминания — расплывчатые и клочковатые, словно сотканые из тумана.

Он лежит на жесткой, покато́й лавке с распатанными ножками. Лавка стоит у края заснеженного поля, на котором чернеет уходящая вдаль взлетная полоса. На другом ее конце мигает огонек. Раз — свет, два-три — темнота, четыре — опять свет.

Кто-то приносит и ставит рядом огромную миску. Отпельменей поднимается пахучий парок. Нет сил ждать.

...Сейчас войдет Николай и подаст руку, поможет встать. Знает, что я сам не смогу подняться. Но как же есть пельмени? Они выскальзывают из рук. Вилкой нельзя — проколешь, а лодка и так полна воды.

Иван открывает глаза: раз — свет, два-три — темнота, четыре — темнота, пять, шесть, семь, восемь... темнота.

Отчаяние разом заставляет Куницына подняться и сесть в лодке. Маяк погас? Погас, когда шлюпка рядом с островом, слышен шум прибора? Погас после того, как он плыл к нему две ночи и день...

Прочь, прочь от этого пригрезившегося мертвого острова!

И вдруг огонек снова появляется. Раз-два — темнота, еще не веря, глухо считает Куницын, три — свет, четыре-пять — темнота, шесть — свет! Маяк горит!

Иван начинает смеяться. Хрипло, всхлипывая. Эхо подхватывает звуки, уносит к острову, ударив о скалы, возвращается обратно.

Маяк не погас, он просто спрятался за скалой, когда лодка подплыла к острову.

Смех придал Куницыну силы. Он еще поборется...

3

Светает. Видно, что этот остров больше первого.

На этот раз нельзя повторить ошибку и слепо стремиться к берегу. Он решает сначала проплыть вокруг острова, выбрать удобное место.

Остров как подкова; в середине вдается в сушу маленькая, удобная бухта. Шлюпка направляется в бухту, огывая корги.

Повезло. Сейчас прилив. Волны подтаскивают шлюпку к берегу.

Легкий толчок. Иван сползает к носу лодки. На берегу дерево, выброшенное водой. Голые, острые сучья.

Он хватается за ветку. Подтягивается на руках и перетаскивает тело на гальку.

Потом достает лодку.

Резина на бортах вся протерлась. Окажись остров на несколько миль дальше, до него бы не добраться. Осторожно, чтобы не порвать обветшавшую резину о камни, Иван вытягивает лодку на берег.

За линией прибоя камни не такие скользкие, ползти легче.

Левая нога уже помогает ему, толкает тело вперед — значит, не отморожена, живет! Зато правая, на которой он сидел, остается неподвижной.

Можно прислониться к большому камню, снять ботинок. Пальцам никак не справиться с узелком. Он разрезает шнурок ножом. Нога чувствует боль!

Отблеск на отшлифованной ветром плите. Свет. Кажется, это окно. Куницыну видится дом с большой русской печью. Она стоит, широкая, кряжистая, с просторной теплой лежанкой. От боков печки пышет сухим теплом, из приоткрытой топки выстреливают красные угольки, а сверху в полукруглом зеве что-то булькает, урчит, потрескивает, дымит. И целый букет запахов разносится по избе... От этих запахов кружится голова...

— Люди, люди, сюда! — кричит он. — Помогите!..

Язык прилива лизнул подошву ботинка и, чуть отбежав назад, оставил рядом мертвую рыбешку. Одинокая чайка, высматривая, делает круг за кругом. Птица боится человека. Наконец, решившись, хватает добычу и с радостным криком взмывает в небо.

— Помогите!

Ни звука.

Берег острова весь в наноснике. Здесь ветви деревьев, доски, бревна.

Ползая по берегу, Куницын отыскивает палки с рогульками. Из них можно изготовить костыли. Наконец находит две подходящие. Одну, примерив, немного укорачивает пилкой. Но другая и без того коротка.

Тяжело опираясь на самодельные костыли, Иван идет наверх, к маяку.

Деревянная, трехгранная пирамида обшита белыми, крашеными досками. Посреди каждой грани ярко выделяется черная вертикальная полоса. Это не такой маяк, как на том, первом острове.

«Неужели у него другое устройство?»

До маяка метров пятьдесят. Если считать по прямой. Но лучше идти по более пологой и ровной дороге. Каждый шаг отдается острой болью. То и дело Иван падает, склон слишком крут.

В выщерблинках скал кое-где сохранились капельки пресной дождевой воды. Он ложится на камень грудью и высасывает эту драгоценную влагу. В стороне, среди мха, желтые ягоды морошки. «Потом, потом! Сейчас главное — огонь. К маяку...»

Горелка та же, вентиляционный колпак, выпуклые стекла линзы, за которыми виден язычок вечного пламени.

На этот раз Куницын действует с тройной осторожностью.

Собирает мох, траву, самые сухие, смолистые щепочки. Строит маленький шалашик костра. Это сложное, продуманное до мелочей сооружение, которое должно вспыхнуть от чуть тлеющей искры и разгореться жарким пламенем.

Костер защищен от ветра маяком.

Иван примеривается — достаточно сделать два или три шага, чтобы перенести огонь от горелки к костру. Из карманов извлечено все, что может гореть: расческа, авторучка. Да, вот еще что пригодится — резиновый шланг от шлемофона.

На этот раз задвижка поддается легко. Ладони касаются стекла. Вспышка — Иван инстинктивно отдергивает руки, словно прикосновение к стеклу может погасить огонек.

Откинув колпак, он своей курткой закрывает огонек от ветра. Потом подносит расческу к горелке.

Расческа мгновенно вспыхивает и сгорает почти вся, в две секунды. Плохо.

Куницын поджигает резиновый шланг шлемофона. Белые язычки почти невидимого пламени растекаются вдоль трубки. Иван дожидается, пока «трут» разгорится, потом, забыв о костылях, делает шаг из будки и наклоняется, почти падает к костру, успевая подсунуть огонь в основание шалашика.

«Ли-2» идет под самыми облаками. Как крупномасштабная карта проплывает побережье, отделенное от моря белой кромкой прибоя. Острова — здесь их целые архипелаги — пятнают морскую поверхность. Меж островами и у самого побережья — катера. Сверху они кажутся неподвижными. Только белые бурунчики за кормой да косо расходящиеся четкие линии взбудораженной воды говорят о том, что суда в движении.

Идет поиск. С воздуха, с моря, с берега. Сотни людей ищут затерявшегося в море человека.

«Ли-2», чуть свалившись на крыло, кружит у облаков. Командир, просматривая с высоты море, корректирует поиск, ставит отметки на карте.

Катера и эскадрилья вертолетов движутся от острова к острову, просматривают каждый квадратный метр морской поверхности. Ничто не ускользнет от них.

Бурунчик за кормой одного из катеров исчезает. Катер приткнулся к большому острову. Над островом — дым.

— Ракета! — второй пилот не в силах сдержать возбуждения. — Зеленая!

У острова, вычерчивая над морем дымную дугу, опадает искристый зеленый огонь. Командир вызывает вертолетчиков.

— Двенадцатый, я Наблюдатель. Подойдите к катеру в квадрате пять!

«ЧЕЛОВЕК У МАЯКА!»

1

Замполита можно было застать в этот день где угодно, только не в штабном кабинете. С утра он был на КП, потом в солдатской казарме, оттуда заехал в гарнизонный клуб.

Сегодня подготовка к празднику шла по-деловому строго. Замполит чувствовал на себе внимательные, вопрошающие взгляды. Весь гарнизон — и летчики, и техники, и солдаты из батальона обслуживания, и жены офицеров, и официантки из столовой — все ждали вестей о Куницыне.

Никто не спрашивал о нем, потому что знали: если бы были новости, замполит не стал бы скрывать, сказал.

Наступит вечер, распахнутся двери, люди в парадной форме заполнят весь клуб. Только одно место останется пустым. Место Куницына.

Сегодня на торжественном вечере не будет многих — тех, кто остался на дежурстве, и тех, кто уехал на поиск. Но они вернутся, придут сюда завтра.

А вернется ли Куницын? Или сегодня командир части предложит встать и провести минуту в молчании?

Суровое дыхание борьбы ворвалось в разукрашенный зал

гарнизонного клуба. Той борьбы, которая идет в современном мире, той борьбы, которая заставляет нас держать пороки сухим, ракеты наготове, самолеты на старте.

...Замполит вышел из клуба и стал медленно спускаться по крутому склону сопки вниз, к дому Куницыных.

Послезавтра сыну Куницына Сереже исполнится четыре года. Бойкий мальчишка, «шустрячок», как говорит Иван. Песни любит петь, смешно так у него получается: «На бывку едет молодой моряк». Слух у парня есть. Надо бы найти учительницу, открыть музыкальную школу при клубе...

Лидии Сергеевны — жены Ивана — дома не оказалось. Дети, Сережа и пятимесячный Юрка, были у соседей, Кривцовых.

— Ну, как она? — спросил замполит у Ларисы, жены Кривцова.

— Виду не показывает: дети. Пошла подарок купить к празднику.

— К празднику, да... Не плачет?

— Днем — нет.

Замполит шел по утреннему поселку. Ребята, спешившие в школу, здоровались с ним, как с хорошо знакомым человеком, — у каждого он бывал в семье.

Замполит шел и думал о Лиде Куницыной.

«Офицерская жена». Читал он в некоторых книжках, какими взбалмошными бездельницами их описывают. А офицерские жены, с которыми он знаком, — замечательные, самоотверженные, стойкие женщины. Именно стойкие.

Офицерские жены. Они провожают мужей по утрам на службу, как и все жены. Но не спрашивают, когда они вернутся, не говорят: «Не задерживайся», «Береги себя», «Будь осторожен».

Они не говорят пустых и жалостливых слов. Не к чему напоминать мужьям о том, что их работа трудная и опасная.

Много нелегких обязанностей у офицерской жены и среди них самая трудная — уметь ждать. Муж может задержаться на аэродроме на день, на два и больше, и она не будет знать, где он и что делает. «На задании», «на дежурстве» — вот и все.

У нее много забот, но она не досаждаёт ими мужу, ибо всякие заботы отступают, мельчают перед той самой важной, самой главной заботой, которая каждый год кладет новые морщины на его сильное лицо.

Ей нелегко. Нелегко переезжать с места на место, из Крыма в Сибирь, из Сибири на Дальний Восток, оттуда в Заполярье. Она нелегко привыкает к полярной ночи, длящейся полгода, к туманам и ветрам. Каждый переезд — новые подруги, новые учителя у детей. Живет она в маленьких поселках, вдали от городов, и не всегда находится для нее служба в гарнизонном поселке.

Но она знает, всем своим большим сердцем чувствует главное — ее труд не пустой, не зряшный, он тоже нужен, очень нужен...

С треском горят доски. Сырое дерево долго дымит, подогреваясь пламенем, шипит влага, наконец враз вспыхивает высушенная жаром доска. Алые огоньки бродят по углям, ветер выдувает искры, уносит серый пепел...

Костер. Жизнь.

Куницын расстегнул куртку — тепло проникает глубоко, лицо жжет, парит сырая одежда.

Теперь ты будешь знать цену огню. Навсегда запомнишь эти тлеющие угли, треск сырых досок...

Тело, кажется, оттаивает у огня. Озноб еще не прошел, но он уже не страшен. Пока горит костер, можно жить.

Опираясь на свои костыльки, Иван идет к тому месту, где заметил морошку. Ягоды кислые, мерзлые, холодные. В расщелине неподалеку белая полоса. Будто кто-то бросил обрывок белого полотна. Снег?

Сегодня утро везений. Лежа на скале, Иван радостно черпает слежавшийся подталый снег. Раньше ему казалось, что у снега слишком пресный вкус. Оказывается, нет ничего вкуснее снега.

Голова кружится, плоскость моря косо колеблется перед глазами — как земля в кабине кувыркающегося самолета. Если падать, так у костра. Тепло спасет.

Он подтаскивает к огню несколько досок потолще. Еле приподнимает их от земли.

Еще немного подсушиться, и можно рискнуть спуститься к морю, поискать консервную банку. Здесь жилой район — побережье, банок плавает много. А если удастся найти побольше снега, то удастся сварить бульон из кобуры, можно смастерить гарпун, попробовать достать тюленя.

Самое трудное позади. Руки вот только разбухли да нога. Но это, наверное, пройдет.

И еще — надо выстроить плот. Лодка уже никуда не годится. Отогреться как следует, сварить бульон — и к берегу. В досках есть гвозди, надо будет вытащить их, сколотить бревна. Молотка нет, зато пистолет — в руке.

Надо плыть. Отогреться и плыть...

Куницын сидит у костра, зажав в руке пистолет, обхватив руками голову: море, остров колеблются, тают в тумане...

Может, он успеет купить сыну подарок. И успеет на Октябрьский праздник.

Это всегда был для него самый торжественный день в году. Самый любимый. Никогда не предполагал, что придется встречать Октябрь одному, посреди холодного моря. Дежурить приходилось, а вот на безлюдном острове... Облака медлительно проплывают над морем, над островом, открывают голубовато-белое, тихое полярное небо. У облаков нет теней — слишком низко висит над горизонтом утреннее солнце. Только верхушки облаков подсвечены розовым.

А в облаках — самолетный рокот, несмолкающий, близкий. Утреннее небо бороздят машины.

Куницын не слышит гула. Он в блаженной полудремоте сидит у костра. Предстоит строить плот, он набирается сил.

3

Скитание по морю обострило нервы. Каждый непривычный звук будоражит, как камень, брошенный в тихую воду. Еще не открыв глаза, он уже чувствует как бы чье-то присутствие, теплое дыхание прошелестело в холодном, ветреном воздухе.

Костер? Первая забота — костер. Огонь цел.

На море — пятно. Темное продолговатое пятно. Катер! Выступ рубки, короткая мачта... Катер идет вдоль острова. Иван вскакивает. Машет рукой. Неужели не заметят?

Катер разворачивается. Увеличивается в размерах. Идет к острову.

...Надо взобраться на маяк: он здесь!

Катер приближается к острову. Видны люди на палубе. Глухо звучит выстрел — ракета взлетает вверх и падает в воду, в свое отражение.

Катер, однако, не подходит к острову близко. Он удаляется!

Иван подбрасывает вверх свой костыль. Кажется, люди на катере тоже что-то кричат, машут, а судно уходит все дальше и дальше в море.

Может быть, и это дневной мираж, видение? Катер исчезнет, растворится в море, беззвучно, как и ночные корабли.

Иван бросает в костер сырые доски, стружки, свой костылек, все, что валяется поблизости.

4

Келхманн посмотрел в лоцию. Конечно, это Продолговатый. На нем маяк «в виде усеченной трехгранной пирамиды белого цвета с черными вертикальными полосами».

— Дым! Человек! — доносится взволнованный возглас техника Платонова. — У маяка!

Юрий Ашаев, услышав крик, выбегает из салона, выхватывает у Платонова бинокль.

Серые скалы и белые пирамиды маяка. Но вот окуляры нащупывают маленькую фигурку человека. «Макаровец» еще слишком далеко от острова.

Человек на острове, наверное, заметил катер. Он спешит забраться на самую высокую точку острова, к подножию маяка. Черная фигурка четко выделяется на белом фоне обшивки.

— Ракету! — командует Ашаев.

— А может быть, рыбак? — спрашивает Платонов, доставая ракетницу.

Зеленая звездочка падает в море. Келхманн уже прикидывает, куда лучше причалить. Остров похож на подкову. Посредине бухта. Надо заходить с той стороны.

— Право руля!

«Макаровец» отворачивает от острова.

Ашаев видит, что человек на острове проявляет признаки беспокойства. Он пытается влезть на маяк, соскальзывает и падает на камни. Снова поднимается и снова упорно лезет вверх.

— Еще ракету! — говорит Ашаев.

«Макаровец», обогнув остров, берет курс на бухту.

За человеком на острове тянется что-то черное. Веревка?

«Пояс, — догадывается Юрий. — Пояс от летной куртки!»

— Это Куницын! — кричит Ашаев во весь голос. Он передает бинокль другим. На палубе собрались все. Только Келхманн в рубке. Забываться нельзя — корги остаются на месте.

Сомнений нет, Куницын. Келхманн проделывает какие-то сложные маневры.

— Скорей, черт побери!

— На камни сядем — не выберемся, — отвечает спокойно эстонец.

Едва нос катера касается берега, как Ашаев, Платонов, а за ними и все другие прыгивают на остров и бегут вверх, к маяку.

5

— Куницын найден! Он жив! — полетела на крыльях радиоволн радостная весть.

Она достигла диспетчерской пароходства, где дежурили Юмашев и Защелкин.

Узнали эту весть на «Маяке» и «Кавказе», узнали в Урге и Зеленом.

К острову Продолговатому полетел вертолет, чтобы взять Куницына с «Макаровца» и немедленно переправить в больницу.

Замполит сел в машину и поехал сообщить Лидии Сергеевне. Но весть какими-то неведомыми путями уже достигла квартиры Куницыных. Лидия Сергеевна только и сказала: «Вот нам и подарок к празднику...»

Замполит спросил четырехлетнего Сережу, знает ли он, где был все эти дни его папа.

— Знаю, знаю, в речке купался! — ответил Сережа и запел свою любимую песню «На побывку ехал молодой моряк...»

А скоро долетела эта весть до Москвы, и оттуда пришел приказ немедленно переправить Куницына в Ленинград, чтобы его лечением занялись лучшие специалисты.

Но все это произошло потом, а сейчас Куницын только еще спускается навстречу Ашаеву.

Ашаев бежит первым, легко перепрыгивая через валуны. Следом поджимают Тришин и Платонов.

Куницын видит бегущих к маяку друзей — еще две-три секунды, и они будут рядом, но он не может удержаться и ковыляет навстречу.

На последних метрах Тришин обгоняет Ашаева и осторожно подхватывает падающего Куницына.

— Жив, жив, чертяга! — радостно кричит Ашаев.

Резко проступившие морщины на обросшем, порезанном лице; потрескавшиеся, измученные жаждой губы; черные впадины глаз; шлем с оторванным шлангом сдвинут на затылок, открывая высокий лоб. Прядь русых волос прячет ссадину. Руки опухшие, синие, в язвах, в правой крепко зажат поковерканный пистолет. И впервые за все годы знакомства Ашаев замечает глубокую упрямую впадину на подбородке.

Через пять минут Куницын сидит в теплом кубрике. Команда и летчики толпятся у двери.

Сержант Тришин пробует разжать руки Куницына. Пальцы сведены судорогой.

— Зачем пистолет, товарищ капитан? — осторожно спрашивает Тришин.

Иван отвечает чуть слышно, летчики едва разбирают слова: «Плот строить. Жене сообщите, жене».

— Ладно, шустрячок, — ласково говорит Ашаев.

Келхманн приносит банку с разогретыми консервами.

Куницын жадно смотрит на банку. И — резко отодвигает ее.

— Нельзя. Чаю, чаю...

ОН БУДЕТ ЛЕТАТЬ

Мы встретились с Куницыным в клинике Ленинградской Военно-медицинской академии. Мы пришли, чтобы поздравить его с наградой.

Иван сидел на железной «хирургической» койке — большой, сильный человек, не привыкший к отдыху, безделью, он томился среди больничного покоя и, кажется, даже чувствовал себя виноватым, что ему, здоровому парню, пилоту-перехватчику, прописали постельный режим. На лице его, круглом и добродушном, было написано явное смущение.

— Вот положили в отдельную палату. Одного, — сказал он. — Я и так трое суток один пробыл.

— Один в палате! — сказал врач. — От посетителей отбой нет.

Аромат осенних цветов стоял в комнате. На тумбочке, рядом с кроватью, на тоненькой проволочной подставке лежал «МИ-4». Подарок генерал-лейтенанта Кожедуба. Великолепная модель той самой машины, которая искала Куницына.

От посетителей действительно не было отбоя. Приходили пионеры. Ленинградские летчики. Журналисты, вооруженные телекамерами, фотоаппаратами и просто блокнотами. Приезжали из института — «небывалый случай длительного воздействия холода на человека»...

Приходили врачи из других клиник.

Один из журналистов, впервые увидевший Куницына, сказал: «А знаете, он похож на космонавта. Той же породы, честное слово. Такое же волевое, сильное лицо, и вместе с тем — доброта, юмор, участие. Лицо настоящего человека, а?»

А человек, похожий на космонавта, мечтал лишь об одном — поскорее вернуться в часть. Летать.

День выписки был близок, но врачи строго выдерживали режим, чтобы вернуть Ивану Куницыну то идеальное здоровье, без которого нельзя летать на современных истребителях. «Он будет здоров так же, как и мы с вами, — объясняли врачи. — Но ему нужно летать на сверхзвуковых скоростях, понимаете? И мы постараемся, чтобы он летал».

Мы многое могли бы рассказать об Иване Куницыне в этой заключительной главке. Но решили, что лучше предоставить слово врачам и летчикам... Мы воспроизводим их слова так, как они записаны у нас в блокнотах. Признаться, мы колебались, какое общее название дать этим высказываниям? «Вместо эпилога»? Однако это не эпилог. Скорее пролог, открывающий новые страницы в жизни военного летчика-истребителя Ивана Куницына.

Замполит:

«Вертолет доставил Куницына в портовый город, опустился прямо на стадион, поближе к больнице. Подъехала «Скорая помощь», но Иван отказался от носилок: «Сам дойду». Не хотел, чтобы его считали больным. Ну, а на следующее утро привезли его на свой аэродром. Три дня мы жили в напряжении, а тут — такой праздник! На аэродроме состоялся стихийный митинг. Вот тогда-то мы по-настоящему поняли, какой подвиг он совершил. Ведь это действительно неслыханно!

О многом задумались мы, когда услышали рассказ Вани Куницына. Вот живет человек среди нас, летает, ничем, казалось бы, особенно не выделяется среди других. А пришел трудный час — и человек встал перед всеми во весь рост и проявил удивительный героизм.

И не потому, что он какой-то исключительный во всех отношениях человек, а мы просто этого не замечали раньше. Нет, я уверен, что любой наш пилот точно так же, как и Куницын, держался бы мужественно и стойко. Как же крепки мы, советские люди, если способны преодолеть такие преграды! Каждый словно почувствовал себя выше, сильнее. Я думаю, что помогло Куницыну перенести поистине нечеловеческое испытание? В первую очередь — неумение чувствовать себя одиноким. Так уж мы воспитываем

людей — они знают, что их никогда не бросят, протянут руку помощи. Таков закон нашей жизни. Мы гордимся нашим товарищем, коммунистом Иваном Куницыным...»

**Профессор, генерал-майор медицинской службы
Т. Я. Арьев:**

«История необыкновенная. Нечто выходящее за пределы обычного. Вероятно, никому из врачей неизвестно подобное.

Результат шестидесятивосьмичасового пребывания в ледяной воде — самая слабая степень повреждения от холода. Даже насморка не получил. Удивительно? Да. Более чем удивительно. Казалось бы, мы имеем дело с необъяснимым явлением.

Известно, что более чем часовое пребывание в воде при температуре ниже десяти градусов ведет к смерти. В лучшем случае — к тяжелому поражению организма. Доказательств этому тысячи. Практически Куницын все время находился в холодной воде. Шестидесят восемь часов! Одежда его была мокрой и, стало быть, не была преградой для холода.

А раз так, то неизбежно общее и местное повреждение от холода.

Однако мы должны считаться с моральным, психологическим фактором. Воля к жизни спасла Куницына. Более того, не только спасла, помогла избежать тяжелых последствий. Он сумел сохранить не только жизнь, но и здоровье.

Человек среди холода, в море, трое суток без сна, пищи, воды. И все же он каждую минуту в движении.

Он заставляет себя преодолеть пассивное состояние, боль...

Не дает отдыха, постоянно применяет единственное средство, которое способно его спасти: занимается лечебной физкультурой, гимнастикой. Да, именно лечебной физкультурой. С точки зрения медицинской, все его действия — физкультура. Именно ею обусловлено то, что теплая кровь постоянно прилиwała к охлажденным местам и обогревала их. Вот единственно возможная разгадка.

Но чтобы выдержать такие условия, нужно обладать потрясающей силой воли, надо быть исключительно нравственно и физически крепким человеком, цельным, с твердой верой в правоту дела, которому служишь, с сознанием того, что ты необходим людям — семье, коллективу. Вот, на мой взгляд, и основа морального фактора, решившего исход невиданного поединка человека со смертью».

**Подполковник медицинской службы
В. А. Краморев:**

«Трудно переоценить значение героического плавания капитана Куницына. Север суров, здесь, случается, человек попадает в такую ситуацию, где он может противопоставить могучим силам природы только собственную силу, выносли-

вость, стремление к победе. Куницын своим подвигом заставил по-новому взглянуть на возможности человека в этой извечной борьбе. Я полагаю, что его пример еще многим поможет выстоять — в первую очередь тем, кому доведется попасть в подобное положение.

Мы хорошо знаем об эксперименте доктора Бомбара, в одиночку пересекшего Атлантический океан. Бомбар доказал на практике, что выносливость нашего организма чрезвычайно высока, а степень этой выносливости во многом зависит от морального состояния человека.

Куницын попал в положение более сложное, чем Бомбар. Воздействие холода — вот что определяло остроту и трагичность этого положения. Куницын разрушил, казалось бы, неодолимый физиологический барьер и показал, на что способен человек, если он не поддается страху и отчаянию.

Как военный врач, я горжусь тем, что Иван Куницын — воспитанник Советской Армии. Армейская закалка безусловно сыграла здесь далеко не последнюю роль. Армия научила Куницына хладнокровию, выдержке в трудные минуты, умению действовать четко и последовательно; он, как и все военные, натренированный человек, спортсмен. Вы помните — в падающем истребителе он успевал считывать показания приборов; разговаривал с землей; очутившись на воде, сразу же сориентировался. Все его действия были безукоризненно точны и целеустремленны.

Несомненно, что наша Советская Армия подготовила Куницына к этому подвигу — и физически и морально».

Трижды Герой Советского Союза генерал-лейтенант И. Н. Кожедуб:

«Вот каких людей воспитывает наша Родина — любящих жизнь, любящих труд во имя жизни! Трое суток смерть была рядом с Иваном Куницыным, и он поборол ее.

Не случайно во время скитания от острова к острову Куницын вспоминал Маресьева, четверку отважных солдат-тихоокеанцев. Он учился у них мужеству и верности долгу. И теперь мы можем сравнить подвиг Куницына с подвигами Маресьева, Зиганшина и его товарищей. Это крепкий человек, надежный. Словом, настоящий. Много таких Иванов на русской земле. Ими и сильна наша страна».

**23 НОЯБРЯ 1962 ГОДА ГАЗЕТЫ СООБЩИЛИ ОБ
УКАЗЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР:**

«За мужество, стойкость и самообладание, проявленные в сложных условиях при аварии самолета над морем, наградить летчика капитана Куницына И. Т. орденом Красного Знамени».

ЛЕТЯЩИЕ ПО ВСЕЛЕННОЙ

Научно-фантастический рассказ

*Это драма, драма идей.
А. ЭЙНШТЕЙН*

Возле стола, за которым я сидела в первом классе, было окно. Совсем рядом: я могла дотянуться рукой до прогретого солнцем шершавого подоконника. Шли годы, менялись комнаты, но я всегда выбирала место поближе к окну. Наша школа стояла на окраине города, на высоком холме. Из окна было видно множество интересных вещей. Но чаще всего я смотрела на антенну радиотелескопа. Антенна казалась маленькой, хотя я знала, что она огромна — обращенная к небу трехсотметровая чаша.

Мне нравилось следить за ее загадочными движениями. Может быть, поэтому все, что я узнавала в школе, как-то само собой связывалось с антенной.

Это была антенна радиотелескопа, ловившего сигналы разумных существ с чужих планет.

Мы дружили с антенной. Когда я не могла решить трудную задачу, антенна подбадривала меня: «Ничего, ты обязательно справишься! Ведь и мне не легко. Надо искать, искать, искать...» Весной солнечные лучи отражались от внешней поверхности рефлектора, и белый зайчик бродил по классному потолку. Днем и ночью, в жару и холод, в будни и праздники она работала, антенна моего радиотелескопа.

Но однажды она остановилась. Я посмотрела в окно и увидела неподвижную, склонившуюся вниз чашу. Тогда я побежала к ней. Я бежала так быстро, как только могла: школьный двор, улицы, шоссе... Под антенной спокойно ходили люди; никто не обращал на меня внимания.

Я долго не возвращалась в интернат. Я знала: меня будут спрашивать, почему я плачу. Как это объяснить?..

С тех пор антенна телескопа оставалась неподвижной. Я прочитала в газете, что продолжавшиеся более сорока лет попытки поймать сигналы инозвездных цивилизаций оказались безуспешными. По-прежнему в мое окно была видна решетчатая чаша антенны. Но солнечный зайчик уже не бегал по потолку. Иногда у меня мелькала наивная и дерзкая мысль: я что-то поищу, придумую, и снова телескоп будет шарить по небу...

Я стала астрономом, а в астрономии выбрала проблему связи с инозвездными цивилизациями. Нас полшутя называли поисковедами. Я стала поисковедом в трудное время. Последняя, очень серьезная и оставшаяся безрезультатной, попытка вызвала разочарование. Многие поисковеды занялись другими проблемами. Мы видели, что старые пути непригодны, а новых не знали.

В нашем институте осталось тридцать человек, едва ли не половина всех поисковедов на Земле. Не было таких гипотез, которые мы бы отказывались проверить. Наши инженеры изобретали тончайшие радиофильтры и конструировали сверхчувствительные системы молекулярных усилителей. Мы готовились к новым поискам.

И вот в течение двух дней все изменилось.

Вечером первого дня я встретила с человеком, которого знала очень давно. Мы долго ходили по городскому саду, потом спустились к набережной. Шел мелкий дождь. Мы сидели у самой воды и говорили. Это был тягостный разговор. Временами я слышала наши голоса как бы со стороны и думала: «Почему мы не можем понять друг друга?» Слова были подобны холодным каплям дождя на плаще. Все, что мы сказали в этот вечер, делало невозможным самое простое: произнести несколько хороших слов. Простые и обычные слова показались бы сейчас ненужными, фальшивыми.

Я возвращалась домой пешком, вдоль реки. Я шла и старательно доказывала себе, что этот человек мне безразличен. Доказательство получалось логичное и точное, как геометрическая теорема.

Потом я стояла на мосту и думала, почему все так сложилось. Как легко доказать теорему и как трудно доказать любовь! Сквозь серую дымку дождя я смотрела на огни города и думала: «Они горят, и я их вижу; если они погаснут, я увижу, что их нет. Все просто. А как увидеть любовь?»

Мне очень трудно объяснить, что я тогда чувствовала. Я пыталась это сделать только для того, чтобы стало понятно дальнейшее.

Над рекой дул сильный ветер, я промерзла и побежала домой. Я долго ходила по комнате и, когда это стало невыносимым, начала разбирать свои книги.

И тут обо всем забыла. Перелистывая страницу за страницей, я думала о том, что в каждую эпоху люди, естественно, представляют себе внеземные сигналы такими, какие были в то время на Земле. Изобрели радио — и ожидали, что поймут радиосигналы. Взлетели наши первые ракеты — начали говорить о прилетах космических кораблей. Возникла квантовая

оптика — стали ловить световые пучки... Но почему обязательно так? Сигналы, если они есть, посланы цивилизацией, которая несравненно старше нас. Сигнальные цивилизации (это наш профессиональный термин) должны быть не просто более развитыми. Они всемогущи, они умеют делать все, что только не нарушает законов природы. Они пошлют не те едва слышимые сигналы, которые мы ловим на пороге чувствительности приборов, а сигналы колоссальной мощности. Сигналы столь же яркие, как городские огни, на которые я смотрела с моста. Не увидит их только слепой! Но таких сигналов мы не знаем. Либо их нет вообще, либо...

Вывод был ошеломляющий: сигналы перед нашими глазами, они примелькались, и мы их просто не замечаем!

...Это была сумасшедшая ночь. Я не спала ни минуты. Меня лихорадило от сознания, что открытие где-то рядом.

— Они горят, — повторяла я, — они видны всем. Если они погаснут, мы увидим, что их нет...

Под утро я устала и уже без всякого волнения смогла законо проследить весь ход мыслей. Сигнальные цивилизации далеко обогнали нас в развитии, но и для них недоступны сверхсветовые скорости. Они не будут летать в поисках разума. Они пошлют сигналы. И это будут не направленные сигналы, а что-то вроде призыва: «Слушайте все!» Такой сигнал должен автоматически «сработать» везде, где возможна высокоорганизованная жизнь. Скажем, на планетах, имеющих атмосферу. Значит, сигналы должны быть однотипными для Земли, Марса, Венеры. А главное — они будут длительными, эти сигналы. Они должны работать миллионы, даже десятки, сотни миллионов лет. Но что выстоит миллион лет?! За такой срок разрушатся и высочайшие горы...

В 9 утра я начала эксперимент. Идея его была проста. Я нашла новый путь, а пройти по этому пути предстояло машине, серийной логической машине «Р-10». Я запрограммировала задание, смысл которого был приблизительно таков.

Допустим, мы стали всемогущими. Решено послать сигналы на все планеты, где в принципе могут быть высшие формы жизни. В том числе и на неведомые нам планеты. Сигналы должны быть видимы всем хоть сколько-нибудь разумным существам.

Что это за сигналы?

Я пустила машину, а потом отнесла копию программы своим товарищам. У нас принято подвергать новые гипотезы самой разностной критике. Мы испытываем новые идеи, как металл, который пойдет на ответственное сооружение.

Я вернулась в свою лабораторию. Машина работала. По показаниям контрольных приборов я видела, что машина поглощает все новую и новую информацию. По ее требованию информация передавалась из центральных хранилищ.

Мы не раз применяли такие машины для проверки своих гипотез. Машины никогда не смеялись. Но они вдребезги разбивали многие хитроумные идеи. Как-то мы подсчитали, что машине типа «Р-10» нужно в среднем девять минут, чтобы вдребезги разнести очередную поисковедческую гипотезу...

Я смотрела на часы. В лабораторию набились все наши. И все смотрели на часы. Прошло сорок минут, машина работала, и мы видели, что она посылает все новые и новые запросы. Двенадцать минут она рылась в информационных архивах Международного астрофизического союза. Четыре минуты длился ее разговор с Пулковской обсерваторией. И вдруг полнейшая неожиданность: машина надолго связалась с отделом информации Киноархива. Не знаю, что искали там ее электронные собратья, но это продолжалось более трех часов.

Мы ждали. Кто-то догадался позвонить, чтобы нам принесли обед сюда, в лабораторию. Машина соединялась с самыми различными организациями. Казалось, будто человек, захлебываясь от спешки, выпаливает вопросы.

В шесть вечера меня заставили уйти. Я прошла в библиотеку и легла на диван. Меня обещали разбудить через час. Когда я проснулась, было без пяти двенадцать. Я побежала к «Р-10». Она работала. Мне сказали, что с девяти часов машина занимается обработкой данных по Марсу и Венере.

Мы сидели всю ночь. Почти непрерывно звонил телефон, нас спрашивали, но что мы могли ответить?.. Сигналами должно было оказаться нечто всем известное, обыденное. И мы понимали: не так легко будет переломить себя и по-новому взглянуть на то, что испокон веков считалось земным...

В восемь утра машина закончила работу. За ночь прилетели астрономы из Москвы, Мельбурна и Оттавы. Комната не могла вместить всех, и многие сидели в коридоре. Егоров, наш начальник, подошел к буквопечатающему аппарату машины, нажал клавишу, и машина коротко отстучала:

— Полярные сияния.

Мы растерялись. Мысль о полярных сияниях появилась у нас еще вечером, но мы ее почему-то отбросили. Перебивая друг друга, мы сформулировали первый вопрос:

— Полярные сияния зависят от деятельности солнца. Разве это не так?

— Да, — ответила машина. — Сигналы накладываются на идущий от Солнца поток корпускул. Для длительных сигналов целесообразнее использовать местную энергию. Сигнальный же характер полярных сияний проявляется в закономерном чередовании окраски.

Поднялся такой шум, что я ничего не могла разобрать. Машину засыпали десятками вопросов, но Егоров сказал: — Не все сразу! Прежде всего нам надо знать, как именно... словом, как они меняют цвет сигналов.

Он запрограммировал вопрос, а машина ответила:

— Периодичность — два с половиной года. Продолжительность — полтора-два часа. Через каждые два с половиной года аналогичные сигналы наблюдаются и в полярных сияниях на Венере и Марсе. Лучшее описание — по данным Диони, Исландия, 1865 год.

Через час нам привезли микрофильм, снятый с книги Диони. Вот как описывалось там это сияние:

«Нас известили о начинающемся северном сиянии, и с возможной поспешностью мы вскарабкались на самую возвышенную кровлю форта. Близ зенита разгоралось белое облако.

Сначала осветились края облака, затем оно вспыхнуло, и белый свет залил небо и море. Изящные снасти нашей шхуны отчетливо выделялись на этом северном свете. Потом сквозь белый свет, который достиг полного блеска, мы увидели красную ленту. Это не дуга, так часто описывавшаяся, но гибкая световая лента, имеющая хорошо очерченные границы. Внезапно красная лента погасла. Небо представилось нам опустевшим, но вскоре лента зажглась вновь. Затем красный свет ленты сменился желтым. Эти светлые полосы, казалось, были согласованы друг с другом. В течение получаса они появлялись и гасли через равные промежутки времени, после чего мы увидели снопы цветных лучей. Длинные светящиеся столбы поднимались вверх, смелые и быстрые. Они были различного цвета, от желтого до пурпурного, от красного до изумрудного. И, словно завершая это величественное зрелище, на небе вновь возникли красные и желтые чередующиеся ленты. Постепенно они поднялись вверх и превратились как бы в брачный венец неба. Сияние приняло обычный для этих мест вид...»

Мы долго молчали. Потом кто-то сказал:

— Две красные ленты и одна желтая... Это нечто вроде вызова. А сама передача — световые вспышки в виде столбов.

Да, здесь угадывалось какое-то отличие от обычных форм сияния... Но нам так и не удалось найти подробного описания или цветных кинокадров основной части «передачи». К северному сиянию привыкли, никому не приходило в голову рассматривать их как сигналы иных цивилизаций и вести кино съемки непрерывно в течение двух-трех лет. Мы обнаружили лишь несколько кадров, в которые случайно попали сигналы «вызова». Это была лента старой кинохроники, запечатлевшая морской бой в полярной ночи. Сквозь ослепительные вспышки орудийных залпов и раскаленные прочерки трассирующих снарядов трудно было разглядеть призывные сигналы космоса...

* * *

Сейчас, когда я пишу эти строки, воздух дрожит от гула моторов. На станцию «Северный полюс» пришла новая группа винтолетов. Если гипотеза верна, через семнадцать дней мы увидим «сигнальное» сияние. Наблюдения будут вестись на полюсах Земли, Марса, Венеры. Мы работаем днем и ночью, как работала когда-то, не зная отдыха, антенна за моим окном.

Быть может, миллионы лет загорались эти огни. Они светили над безлюдной Землей. Светили пещерному человеку. Светили в тот день, когда в Риме, по площади Цветов, вели на казнь Джордано Бруно...

Вновь и вновь над Землей вспыхивали звездные сигналы. Их заслонял порой слепящий огонь войны. На них смотрели глаза людей, поглощенных своими заботами. Но те, кто их посылал, были терпеливы. Они знали, что наступит время, когда человек — первым был человек моей Родины — вырвется в космос. Знали, что наступит время, когда сигналы будут замечены. Это время пришло!

Мы услышим голоса, летящие по вселенной...

СЕДЬМОЙ ХОД

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Письмо, которое сопровождало эту рукопись

Уважаемый издатель! Надеюсь, вы поймете, почему я не назвал страну, в которой несколько лет назад произошла эта история, когда господра Дрилленхенгст и Штильгештанден только еще выходили из той тени, в которой они пребывали некоторое время после войны. Я изменил имена ее участников и названия городов.

Предоставляю в ваше распоряжение рукопись, к которой вы проявили благосклонный и, скажу даже, для меня неожиданный интерес, ибо ранее я не только считал себя совершенно неспособным к сочинению книг, но и имел печальные возможности убедиться в этом.

Впрочем, зачем я говорю о сочинении? То, что вы прочитаете дальше, не придумано, а случилось со мной. Надеюсь, что и вы и читатели без труда догадаетесь, кто именно из действующих лиц повторяет мою судьбу, до недавнего времени весьма печальную.

Уважающий вас А.

ГЛАВА I,

в которой читатели знакомятся с издательством «Цербер» и с тем, как доктора наук Абердоха всячески унижают

В одном из самых больших зданий Бириштадта в огромном кабинете за огромным письменным столом сидел г-н Дорн, директор издательства «Цербер». Перед огромным столом стоял доктор наук Абердох. Человек не слишком высокого роста, в этом кабинете и перед этим столом Абердох выглядел еще меньше. Впрочем, как еще может выглядеть человек, вынужден-

ный безропотно принимать гнев начальника и выслушивать упрёки, на которые не смеет возразить?

Из речи патрона явствовало, что доктор Абердох — самый бездарный из многочисленных бездарностей, которые со дня основания «Цербера» осмеливались претендовать на получение гонорара в кассе этого издательства. Г-н Дорн особенно попрекал доктора Абердوخа ученым титулом.

— Стоило ради этого кончать университет, стоило защищать диссертацию! — говорил он. — О чем хоть была ваша диссертация?

— О-о-особенности сюжетостроения в авантюрном романе александрийских прозаиков, — ответил доктор наук, слегка заикаясь.

— И вы ее написали сами?

— Но, господин директор, я прошу вас... — впервые осмелился Абердох перебить Дорна.

— Только без благородного негодования! Негодовать буду я. Вы будете слушать... Я виноват сам. Нельзя путать дела с благотворительностью. Мне уши прожужжали о вас. Молодой человек — то, молодой человек — сё... Он — это такая редкость в наше время — знает санскрит. Он читает по-древнегречески... У него потрясающая память! Словом, безработный гений и согласен на самые скромные условия. Я беру вас на работу в издательство. В таком большом деле может пригодиться и гений.

Мне не нужна ваша ученость. Мне не нужна ваша потрясающая память. Мне нужно одно: чтобы на переплете стояло: «Доктор наук Абердох». Это звучит. Но нам надо, чтобы под переплетом был не научный трактат, а что? Что издает наше издательство? Де-те-ктив! И не какой-нибудь, как у господ конкурентов, который любая горничная может разгадать после первой главы. А какой? Как говорится в наших проспектах? Если вы забыли, — сказал он, — я охотно напомню вам.

Дорн указал на огромный плакат на стене.

«Издательство «Цербер» выпускает детективы, которые не поддаются разгадке. Издательство «Цербер» — единственное в мире — платит премию читателю, предсказавшему разгадку тайны. Посылайте после каждого выпуска свои отгадки. Покупайте каждый следующий выпуск, чтобы убедиться, как жестоко вы ошиблись. Но если вам случится угадать, вы получите премию».

— А что получается? Я принимаю вас на работу, я выплачиваю вам аванс, я сажаю вас в мозговой центр издательства — в отдел сюжетов. Вы высжиживаете свою рукопись, как Флобер, — месяц! Приносите, наконец, свое сочинение, и первый же разгадчик из отдела контроля, прочитав три страницы вашей писанины, предсказывает все развитие сюжета! Мы бросаем эту мазню в корзину, мы даем вам еще две недели для новой попытки. И что же? Отдел контроля докладывает: ученый муж пересказал своими словами «Собаку Баскервилей», только действие из Англии перенес во Францию, а собаку заменил кошкой. Вы полагаете, что читатели идиоты? Они этого не заметят?

— Ме-меня подвела память. Мне казалось, что я придумал. О-оказывается, я вспомнил. В психологии это печальное явление называется...

— Если вы такой знаток психологии, почему же вы провалились, когда я из жалости перевел вас в отдел переписки с читателями? Что говорится в нашей инструкции об этом отделе? Этого вы тоже не знаете?

— Знаю, — проговорил Абердох, заикаясь чуть больше. — Параграф шестой, секретный: «Отдел переписки с читателями должен использовать каждый ответ для пропаганды продукции издательства «Цербер». Давать советы читателям, присылающим рукописи, а также изыскивать гениев-самородков запрещается под страхом увольнения».

— Почему же, если вы знаете правила, вы нарушаете их? Ваши ответы — целые фолианты. Последний ответ — три страницы! Чего ради вы вступили с читателем в переписку о различии между детективной манерой Честертона и Коллинза? Вы полагаете, что у нас курсы самообразования для читателей? Или что мы собираемся рекламировать — как вы их назвали в своем письме — «классиков жанра»? Если читатели будут читать классиков, кто будет читать наши детективы?

— Но, господин Дорн, позвольте...

— Нет, уж позвольте больше ничего вам не позволить. Даю вам последнюю возможность доказать, что вы на что-нибудь пригодны. Корректором будете работать, корректором! Не нравится — на все четыре стороны! Будете пропускать опечатки — то же самое. Все! До свидания, господин корректор.

ГЛАВА II,

в которой читатель узнает о структуре издательства «Цербер»

Когда доктор наук Абердох вышел из кабинета Дорна, ему пришло в голову все, что следовало бы сказать директору. Абердох тут же вспомнил, что французы называют убийственные аргументы, которые приходят с запозданием, «остроумием на лестнице». Он вздохнул: проклятая память, он знал столько бесполезных вещей! Абердох еще раз вздохнул и пошел по длинному коридору издательства мимо бесконечных одинаковых дверей.

Вот дверь с надписью «Сюжеты. Посторонним не входить». За этой дверью он просидел несколько месяцев и именно здесь он доказал свою полную непригодность к делу. Сотрудники этого отдела отстукивали на бесшумных машинках сюжеты будущих детективных романов. От них не требовалось описаний внешности героя, если его портрет не играет роли в сюжете. Но если по ходу действия шрам на щеке героя явится решающей уликой, этот шрам и был единственной внешней приметой, которую давали герою в отделе сюжетов. Равным образом никто не ждал от работников этого отдела описаний природы. Но если для хода событий было важно, что тот или иной факт произошел на рассвете или зимним вечером, в отделе сюжетов не забывали об этом. Их заготовки больше всего походили на формулировку задачи из учебника алгебры: «Сюжет № 154. Название — «Стены за стенами». «Господин А., приехав в город Н., обнаруживает, что его брат С. исчез...» Разработанный таким образом сюжет поступал в следующую комнату, на дверях которой висела табличка «Контроль». Вход строгойше запрещен». Мимо этой двери Абердох шел, опустив голову. Ведь именно отсюда исходило окончательное доказательство полнейшей несостоятельности Абердоха.

Здесь сидели люди, прочитавшие чуть ли не все детективные романы в мире. Сотрудник отдела контроля, именовавшийся разгадчиком, читал краткое изложение сюжета и, руководствуясь памятью, а также справками картотеки, старался установить, существует ли этот сюжет в ранее напечатанных детективных романах. Если сюжет совпадал полностью — что случилось, например, с доктором Абердохом, когда он нечаянно пересказал «Собаку Баскервилей», — рукопись бросали в корзину. Если сюжет совпадал отчасти, его возвращали на доработку. Если сюжет совпадал в одном или двух пунктах, его пропускали дальше, ибо на свете, как говорил Дорн, не может быть ничего совершенного. В этой комнате звучали такие реплики:

— Сюжет номер 246. «Ее кольцо». Кинозвезда... Пропажа кольца... Следователь подозревает партнера... Так-так-так. На доработку! Совпадает в пяти пунктах с сюжетом «Нейлоновая петля».

Разгадчики, зная себе цену, держались надменно. Впрочем, в последнее время они впадали порой в мрачную меланхолию. Приступы меланхолии вызвал слух, что дирекция намеревается заказать электронную машину, которая будет молниеносно

производить контрольные разгадки сюжета. Вкладываешь сюжет, нажимаешь кнопку, машина отвечает:

— Данная ситуация однажды использована Агатой Кристи, дважды Уоллесом, однажды Сименоном.

Вдоль стен следующей комнаты, на дверях которой висела табличка «Колорит и бытовые подробности», стояли справочники, путеводители, словари поговорок. В этой комнате голый сюжет обрастал художественными деталями. Если в заявке говорилось: «Мистер Дженнингс назначил встречу Тому о'Рейли в фешенебельном лондонском клубе», сотрудник отдела «Колорит» находил в картотеке карточку: «Клуб лондонский» — см. Голсуорси, «Сага о Форсайтах», том такой-то, глава такая-то», — разыскивал соответствующее описание, вычеркивал из него лишние подробности, а то, что оставалось, вставлял в будущий роман.

Издательство «Цербер» балансировало на неуловимой грани, где уже заканчивается компиляция, но еще не начинается плагиат. Оно могло не бояться недоразумений: тот, кто читал книги с маркой «Цербер», никогда не заглядывал в те серьезные романы, которые потихоньку пощипывали в отделе «Колорит».

В отделе «Пейзаж и портрет» вставлялись описания природы: без претензий — при пометке «Пейзаж простой»; более сложные, призванные подчеркнуть горестные терзания в душе преступника или весеннее ликование в душе пойманного его детектива, — при пометке «Пейзаж психологический».

Если в этот отдел поступала рукопись с пометкой: «Сюжет 359 — «Нейлоновая петля», вставить пейзаж психологический», — сотрудник, быстро пробежав текст, вписывал:

«Зловещая туча заволокла небо. Хлестал ледяной дождь. Жалобно свистел пронзительный осенний ветер».

Портрет делился на две основные разновидности: «портрет, наводящий на подозрения» и «портрет, уводящий от подозрений». «Наводящий» должен был своими отгалкивающими чертами возбудить в читателе недоверие к персонажу, а «уводящий» — вызвать симпатию. При необходимости осложнения сюжета преступник снабжался открытым мужественным лицом и ясными глазами. Для читателей более искушенных все делалось наоборот.

«Смехотека» обеспечивала книги «Цербера» известным количеством юмора. В картотеке этого отдела были собраны шутки, выписанные из всевозможных юмористических изданий, а также скупленные по дешевке у безработных юмористов. Картотека имела рубрики: анекдоты о пьяных, о профессорах, о рассеянных, о заиках, о сумасшедших, о скупых, о попугаях и так далее.

В отделе, названном «Мораль», снова прочитывали обросший деталями, снабженный портретами и пейзажами детектив и вписывали в него несколько фраз, славящих добродетель и осуждающих пороки, одну-две обязательные фразы о гуманизме, побольше о великих традициях Запада и непременно об «экономическом чуде».

Мы не упомянули об отделе, который носил сокращенное название «ЯОТ». Оно расшифровывалось так: «Яды. Оружие. Техника». Специалисты, работавшие здесь, отвечали за то, чтобы

в детективе не было технических нелепостей. Если они читали в рукописи: «Он выстрелил в него из 17-зарядного кольта», они вычеркивали эту фразу, потому что фирма «Кольт» никогда не выпускала 17-зарядных револьверов. Специалист по вооружению вписывал на это место 9-зарядный парабеллум и снабжал соответствующую поправку сноской: «Превосходное и традиционное оружие знаменитой фирмы». Был и подотдел «Технология ужасов»; его сотрудники следили за тем, чтобы способы убийств достаточно потрясали нервы читателей.

Специалисты отдела «ЯОТ» отличались от прочих сотрудников издательства, которых они пренебрежительно называли «штатской публикой», молодцеватой выправкой. Они громко щелкали каблуками, обращались друг к другу по воинским титулам прошлых лет и дружно вставали, когда в отдел входил его заведующий — полковник в отставке Дрилленхенгст или его заместитель, отставной майор Штильгештанден. Они не пропускали случая поизмываться над неудачливым ученым Абердохом или над стариком фармакологом, который занимал устрашающий пост референта по ядам. Чтобы избежать осложнений, буде кто-нибудь из читателей пожелает отравиться или отравить, воспользовавшись указаниями, полученными в книге фирмы «Цербер», референт по ядам заменял названия доступных ядов более экзотическими, вроде «кураре», «эликсира Борджиа» и тому подобных, которые и звучат достаточно устрашающе и не могут быть куплены на углу в аптеке...

ГЛАВА III,

в которой доктор Абердох обращается за советом и получает обещание

— Значит, о свадьбе думать не приходится, господин академик! — сказал отставной почтмейстер Аугенвайс доктору Абердоху — своему убитому горем племяннику. Абердох посетил своего дядюшку, проживавшего в городке неподалеку от Бирштадта, в надежде получить совет: среди родных и знакомых Аугенвайс слыл мудрецом. Особенно в вопросах практической жизни.

Они сидели в садике Аугенвайса. Садик был крошечным, как носовой платок, и потому затейливая клумба в углу выглядела как вышитая монограмма. Дядя и племянник ждали, пока закипит кофе. Кофе должен был кипеть в оригинальном кофейнике собственной конструкции отставного почтмейстера. С детства Аугенвайс подавлял в себе страсть к изобретательству и начал наверстывать упущенное, лишь уйдя в отставку. Его сад теперь поливался из поливального устройства конструкции Аугенвайса. Устройство не отличало людей от растений и поливало и тех и других с одинаковым усердием. По газонам сада, которые, впрочем, вполне можно было бы скосить обычной электрической бритвой, сновала косилка конструкции Аугенвайса, которой тоже не следовало попадаться на пути!

Кофейник Аугенвайса должен был произвести революцию, ибо был единственным среди сосудов этого рода, обладающим спо-

способностью самостоятельно освобождаться от гущи. Но эта благоприобретенная способность лишила его более примитивных качеств: кофе закипал в нем чертовски медленно. Он не закипал так долго, что Аугенвайс, желая отвлечь внимание своего высокообразованного, но незадачливого племянника, успел подробно обрисовать ему всю мрачность жизненных перспектив доктора наук, перемещенного в корректуру.

— Чему тебя только учили в университете, если ты, Отто, не можешь написать даже паршивого детектива?

— Видите ли, дядя, — сказал Абердох, который в этом доме почти не заикался, — в давние времена сочинение детективных, или, как их называли некогда, авантюрных, романов было искусством. Вероятно, и я, как человек, не лишенный литературного дара, мог бы сочинить что-нибудь в этом роде. Но в наши времена издание детективов стало почти промышленным производством. В нем есть конкуренция, есть разделение труда. Фирма «Цербер» специализировалась на выпуске детективных серий с продолжением.

— Не понимаю, — сказал дядя, ловко выключив кофейник, который, едва вскипев, уже угрожал взрывом, — какая разница — сочинять чепуху с продолжением или без продолжения?

— Огромная! Роман разбирают на десять выпусков. Тот, кто задумается, заплатит ли пять марок за книгу, легко заплатит пятьдесят пфеннигов за одну тетрадь. А тот, кто купил одну, захочет купить вторую. Мы удерживаем читателя, как вы думаете, чем?

— Не знаю, — сказал дядя.

— Я тоже не знал. Мне объяснили. Мы удерживаем читателя ложными ходами. В каждый детектив, выпускаемый фирмой «Цербер», закладывается несколько ложных сюжетных ходов. Читателю кажется, что он напал на след преступника. Читатель шлет нам разгадку и попадает впросак: он пошел по ложному ходу. И сразу убиты два зайца. Мы отвечаем коротко: «Вы не угадали. Чтобы убедиться в ошибке, покупайте продолжение». Он покупает продолжение, выпуск за выпуском.

— Это первый заяц, — заметил Аугенвайс, разливая кофе.

— Второй заяц, — сказал Абердох, и отхлебнул кофе, и, поскольку он ждал совета от дядюшки, сделал вид, что не заметил привкуса жженой пробки, появившегося вследствие каких-то конструктивных просчетов, и продолжал: — Читатели шлют нам письма с разгадками. Из десяти писем по крайней мере одно содержит неожиданный сюжетный ход для какой-нибудь другой серии. Читатели, сами того не ведая, поставляют нам сырье. Мы его обрабатываем и печатаем, а читатели бьются и отгадывают, но всегда попадают впросак.

— Значит, вы просто жулики и меняете ход повествования от выпуска к выпуску? — догадался дядя.

— Зачем? Мы не жулики, мы математики, так говорит наш шеф. Представьте себе, дядя, что за столом сидит десять действующих лиц, десять персонажей романа. Их можно разместить за столом во всевозможных сочетаниях. Сколько может быть вариантов?

— Сейчас сосчитаю, — сказал дядя. Он начал считать в уме, потом потянулся к бумаге...

— Не трудитесь, дядюшка. Сосчитаете, только не сейчас. Любой учебник алгебры подтвердит вам, что десять человек за столом можно рассадить 3 628 800 способами. Так и с вариантами сюжета. Достаточно ввести в роман пять-шесть действующих лиц и как следует перепутать их отношения, чтобы сюжетных вариантов были тысячи. От выпуска до выпуска проходит неделя. Пойди перепробуй все возможное!

— Ну и что же, никто не угадывает?

— Если бы никто никогда не угадывал, наши романы не покупали бы так, как их покупают. Иногда угадывают, как иногда выигрывают в рулетку. Мы охотно выплачиваем премию и кричим об этом на весь мир. Реклама!

— Понимаю... — сказал Аугенвайс. — Точнее, ничего не понимаю. Я человек практический. Объясни мне это наглядно, как я объяснял тебе принцип действия моего кофейника.

— Вот этого кофейника? — кротко спросил Абердох. Он не стал указывать на кофейные пятна, которыми был залит стол. Он промолчал и о вкусе кофе. Он даже не улыбнулся. Ему просто необходим был дядин совет. — Постараюсь объяснить на примере.

Представьте себе, дядя, что в доме живет семья. Папа — господин Шульце, мама — госпожа Шульце, сын Шульце и дочка Шульце. Этажом ниже живет Майер. Это загадочная личность. Загадочная личность Майер приходит домой поздно вечером, когда его уже не видят, и уходит рано утром, когда его еще никто не видит. Лишь однажды загадочный Майер неожиданно появился в квартире Шульце. Детей не было дома. Госпожа Шульце ввела посетителя к мужу и ушла. Через некоторое время она услышала громкие голоса. Прислушалась. Это ссорились ее муж и господин Майер. Господин Майер выбежал со словами: «Вы пожалеете об этом!» И что же? Через три дня господина Шульце нашли мертвым, а господин Майер в тот же день исчез. Появляется детектив, которому нужно найти убийцу. На этом кончается первый выпуск. Стройте ваши предположения. Кто убил господина Шульце?

— Очевидно, Майер, — сказал дядя, — таинственная личность. Тем более ссора... исчезновение...

— Извините, дядя. Это сработал ход для дураков. Он так и называется на профессиональном языке: «ЛБ» — ловушка для болванов. Наш детектив всегда бывает обставлен примитивными уликами, чтобы глупый читатель тут же клюнул на них, а тот, кто поумнее, с торжеством сказал бы себе: «Нет, я таким путем не пойду», — и пошел по другому следу. Нет, дядя, господин Майер не убивал господина Шульце. Наоборот, он появился у него дома, чтобы предупредить его о грозящей опасности. Эта опасность появилась после того, как господин Шульце застраховал свою жизнь. На чье имя? На имя жены. Так кто же убил Шульце?

— Дудки! — сказал дядя. — Ты ждешь, чтобы я сказал: Шульце прикончила жена. Этот ход, по-моему, рассчитан также не на гениев.

— Справедливо. Итак, ход второй: господина Шульце убила жена. Некоторые читатели, особенно те, кто разочарован в семейной жизни, пойдут по этому следу, но увидят, что ошиблись. Ход третий: убила не жена, а сын. Ход четвертый: убил не сын, а дочь.

— Ужас какой! — сказал отставной почтмейстер.

— Пустяки! — ответил Абердох. — Труп даже не был разрезан на части... Мы подбрасываем читателям эти четыре хода, а потом, перед самыми последними выпусками, нужно придумать по крайней мере еще три. Думайте, дядя, думайте! Вы, который изобрел этот кофейник, я уж не говорю о косилке!

— А кто еще появлялся в доме? — Аугенвайс явно заинтересовался.

— Никто больше не появлялся, — сказал Абердох.

— Из ничего ничего и не сделаешь.

— Вы ошибаетесь, дядя. Ваши рассуждения изобличают в вас грубого практика. Именно из ничего все и делается. Особенно улики в детективном романе. Я вам помогу: итак, пятый ход — господина Шульце никто не убивал!

— То есть как? — пролепетал дядя. — А из-за чего тогда весь шум?

— Неужели вы хотите, чтобы не было шума, если в квартире найден труп?

— Значит, труп найден?

— А разве я вам сказал, что он не найден?

— Но откуда же, черт возьми, взялся труп, если Шульце не убили?

— Шульце сам себя убил. Это ход пятый.

— Ловко! — сказал дядя. — Теперь я понял, как это делается. Нужно перебрать всех. Сосед не убивал, жена не убивала, дети не убивали. Значит, покойник сам себя убил.

— Но это еще не все, дядя, — сказал Абердох. — Шульце никто не убивал, и сам себя он тоже не убивал.

— Кого же убили?

— Убили Майера, таинственного соседа, поэтому он и исчез. И убил его Шульце. Он решил выдать труп Майера за свой собственный. Зачем? Чтобы зажить припеваючи на страховку, которую получит вдова. Дело в том, что уже в качестве Майера он собирается сочетаться законным браком со своей собственной женой.

— Постой, — сказал дядя. — Дай-ка я выпью кофе. У меня голова закружилась. Подумать только, какой негодяй!

— Кто негодяй?

— Этот Шульце, который убил Майера, выдал его труп за свой собственный, получил страховку и женился на своей собственной вдове, если я, конечно, правильно тебя понял. Негодяй...

— Откуда вы взяли, дядюшка, что он негодяй? Вовсе не негодяй.

— Ну, знаешь ли, — возмутился дядя, — хорошеньких взглядов ты набрался в своем издательстве! Если этот не негодяй, то кого же тогда назвать негодяем?

— Вот, дядя, вы и попались на шестой ход. Шульце не негодяй. Он гениальный сыщик.

— Кто гениальный сыщик?

— Шульце! Ему поручили разоблачить авантюру, затеянную страховой компанией, и он устроил инсценировку убийства.

— Значит, он не убивал Майера? — с облегчением спросил дядя.

— Я же говорю вам, что нет.

— А труп? — кротко осведомился почтмейстер.

— Какой труп? — удивился племянник.

— Это ты меня спрашиваешь? Ты себя спроси!

— Ах, труп... Да, конечно, труп был. Видите ли, Майер убил сам себя. Он хотел избежать разоблачения. На это есть намек в первой части романа. Мы можем как угодно запутывать читателей своими ходами, но в конце романа мы обязаны показать, что возможность такой разгадки была дана уже в самом начале, только они ее проглядели. Иначе нам разнесут издательство. Так строится роман, в который заложено семь сюжетных ходов. Седьмой содержит разгадку.

— Да, — сказал дядя. — В почтовом деле тоже бывают загадочные истории. Пришло однажды таинственное письмо: улица не указана, только город, номер дома и фамилия. В качестве адресата, помню как сейчас, был назван некий Цаунпфаль. Представь себе, я тут же вручил письмо этому Цаунпфалью.

— Каким образом?

— Не догадываешься? — с торжеством сказал дядя. — Просто в нашем городе я всех знаю по фамилии. Если бы фамилии не было, тогда и найти было бы труднее. Как в твоей истории. А ведь я был уверен, что это Майер убил. Ловко придумано! Не понимаю, почему директор тобой недоволен?

— Увы, дядюшка, придумывать я не умею. У меня никогда не сошлись бы концы с концами. Я просто пересказал вам детектив, который у нас скоро выйдет. Я читаю его корректуру, и — проклятая манера — запомнил всю эту белиберду.

— Когда мне в школе не удавались задачки, я всегда заглядывал в ответ. И ты попробуй. Прочитав с конца какой-нибудь детектив, которым твой начальник доволен, постарайся разгадать, как он построен в начале. И шпарь по этому примеру. Когда я начал заниматься изобретательством, я попробовал сам починить пишущую машинку соседа. Разобрал, почистил. А когда собрал, у меня осталось шесть лишних деталей. Я решил запатентовать усовершенствование машинки, да сосед подал на меня в суд за то, что я ее испортил. Но потом я научился изобретать. А тебя я научу писать детективы, и ты вернешься победителем в отдел, из которого тебя изгнали! Не благодарю меня. Я делаю это не ради тебя, а ради Лизьхен.

— Бедная Лизьхен, — сказал Абердох. — Она так надеялась, что мы, наконец, поженимся! — Глаза доктора наук наполнились слезами. — Значит, я могу рассчитывать на ваш совет? Вы возвращаете меня к жизни, дядя. — Он хотел бы сказать все это иначе, но не смог: стиль, которым писали романы в издательстве «Цербер», был прилипчив.

ГЛАВА IV,

в которой заведующий книжным магазином Земиколон
пишет отчет

В городке, где жил отставной почтмейстер Аугенвайс, у фирмы «Цербер» был свой магазин. Им заведовал г-н Земиколон, человек с железными нервами. Сам он говорил о себе так: «Человек, который проводит целые дни среди книг фирмы «Цербер», не может быть трусом. Иначе сойдешь с ума от одного вида обложек».

Как-то вечером г-н Земиколон отпустил продавца, запер выручку в сейф и любовно погладил рукой переплет книги «Тайна ночного крика». Этот новый боевик фирмы «Цербер» расходился особенно хорошо.

Потом он подошел к автомату — гордости и украшению магазина. С недавних пор во всех магазинах фирмы «Цербер» покупатели могли во все глаза смотреть на кровавые и таинственные обложки и сколько угодно вчитываться в зазывающие заглавия. Но перелистать книжку до того, как за нее заплачены деньги, они не могли.

— Иначе, — говорил г-н Земиколон, — мы разоримся. Мальчишки будут листать наши выпуски задаром и уходить, ничего не купив. Этого мы себе позволить не можем.

Тот, кто хотел не только поглядеть на обложку, но и узнать, что под ней скрывается, должен был подойти к автомату и опустить мелкую монетку. Тогда он получал один листок из середины детектива. Автомат делал два дела: он собирал монетки и разжигал у читателей стремление узнать, что будет дальше и что было до этого. Г-н Земиколон гордился тем, что его магазин оснащен самым сложным и современным автоматом. Этот автомат не просто выдавал листочки, но в целях рекламы произносил записанные на магнитофон отрывочные фразы: «Руки вверх! Стреляю». Кроме того, по желанию автомат исполнял рекламную песенку фирмы «Цербер», написанную безработным поэтом. Песня была прилипчива, как скороговорка или считалка, и звучала так:

Тот, кто хочет быть счастливым,
Покупает детективы.
Лучше нету развлечений,
Чем разгадка преступлений.
Детектив — вот отдых лучший
Утром, днем, на сон грядущий!

За минувший день автомат торговал неплохо, и г-н Земиколон погладил его хромированную поверхность столь же любовно, сколь и сверкающую суперобложку книги «Тайна ночного крика». Теперь можно было идти домой. Земиколон направился к выходу, и вдруг... Глаза его округлились. Он увидел конверт, подсунутый кем-то под закрытую дверь магазина. Земиколон распахнул дверь. За дверью никого не было. В распахнутых дверях чернел вечер. На полу белел конверт.

Первый раз в жизни корреспонденция поступала к нему таким

загадочным образом. Человек со стальными нервами испуганно взял конверт. Письмо без марки. Это было всего страшнее.

Вскрывать или не вскрывать? Поколебавшись, он вскрыл письмо.

Земиколон был автоматически исполнителен. Поэтому он, во-первых, подшил письмо, полученное столь странным образом, в папку и, во-вторых, зарегистрировал его в реестре с надписью «Входящая корреспонденция». Так в деловых бумагах филиала фирмы «Цербер» 24 июня появилась странная запись. В графе «От кого?» было написано: «От неизвестных, подписавшихся «Отчаянные ребята»; в графе «По какому вопросу?» — «Личные угрозы». «Что сделано по письму?» Земиколон решительно написал в этой графе: «Оставлено без внимания», — затем столь же решительно перечеркнул эти слова и сверху написал: «Должено господину директору Дорну». Теперь можно было уходить.

С улицы Земиколон еще раз окинул магазин придирчивым взглядом. Все было в порядке. Кровавые пятна обложек на витрине освещены достаточно ярко, и порочный субъект с пистолетом в руке целился с рекламного плаката прямо в глаза тому, кто останавливался у витрин, а внизу вспыхивала надпись: «Только у нас, только у нас, только у нас преступления без разгадок!»

ГЛАВА V,

в которой издательство «Цербер» живет своей обычной жизнью

Служебный день в издательстве «Цербер» шел заведенным ходом. Посыльный в форменном синем берете взял папку в отделе сюжетов и, так как посыльному было всего пятнадцать лет, по дороге в отдел «Колорит и бытовые подробности» заглянул в нее одним глазом. В папке находился сюжет будущего детектива под условным названием «Сюжет № 246 — «Ее кольцо».

«На балу кинозвезд киноактриса А. замечает, что у нее во время танца похищена драгоценность. Но в то время как ее спутники М., Н. и Л., на которых в дальнейшем будет последовательно падать подозрение, встревожены, она весело улыбается. В чем же дело? Дело в том, что М., детектив-любитель, надоел ей своими ухаживаниями. Узнав о пропаже драгоценности, М. начинает розыски. Он выяснил, что официант, подававший в гостиную напитки, исчез, не вернувшись в официантскую. Бешеная погоня за исчезнувшим официантом. Но кинозвезда продолжает смеяться. Почему?»

Направляясь на бал, она оставила свою настоящую драгоценность в сейфе, а надела фальшивую. Похищена фальшивая. Назойливый кавалер отправился в погоню за фальшивой, подлинная лежит дома. Но когда кинозвезда приезжает домой, выясняется...»

В то время как тоненькая тетрадошка с каркасом сюжета добиралась из отдела сюжетов в отдел «Колорита», в отделе писем заполняли стандартные формуляры: «Ваша разгадка сюжета «Ночного крика» неверна. Покупайте следующие выпуски и убедитесь в этом». В отделе «Яды, оружие, техника» остав-

ной капитан вставлял в рукопись, почти готовую к печати, описание бесшумного пистолета. В корректорской доктор наук Абердох вычитывал верстку очередного выпуска «Синего убийцы». Жизнь Абердоха стала ужасной. Целыми днями он сидел в корректорской. Но и вечером у него не было покоя. Дядюшка Аугенвайс пристрастился к детективам и требовал, чтобы племянник пересказывал их.

А в кабинете директора шло совещание. На это совещание были вызваны г-н Хохдрук, заведующий отделом рекламы, оправдывавший свою фамилию, которая означает «большой напор», и сравнительно новый в издательстве человек — юрисконсульт г-н Тугендбольд. Новичок докладывал о работе своего отдела и о великих трудностях, выпавших на его долю, скромно торжествуя по поводу своего такта и хитроумия.

— Когда мы узнали, — докладывал Тугендбольд, — что три газеты одновременно собираются опубликовать резолюцию «Конференции встревоженных родителей», осуждающую наши книги, руководимый мною отдел направил протест в редакции. В протесте говорилось: «Характеристика книг издательства «Цербер» как безнравственных является оскорблением в печати, то есть преступлением, предусмотренным законом. Мы предупреждаем редакцию о возможных последствиях».

— Так, — сказал директор Дорн и постучал пальцами по подлокотникам кресла. — И какой ответ вы получили?

— О, в высшей степени удовлетворительный, — заторопился Тугендбольд. — Одна газета отказалась от публикации резолюции, другая покуда молчит, а третья, хотя и напечатала резолюцию, но сразу вслед за ней дала и опровержение. Это победа!

— Огромная, — мрачно сказал Дорн. — Могу я узнать текст опровержения?

Юрисконсульт продекламировал:

— «Как сообщают из авторитетных источников, эксперты находят книги фирмы «Цербер» свободными от безнравственности. А той редакции, которая до сих пор молчит, я еще раз написал, что если они предпочитают не доводить дело до суда...

— Не доводить дело до суда? Удачная мысль. Я вижу, неделя не прошла для вас даром. Отдел рекламы поработал столь же успешно?

— Нет, — ответил Хохдрук. — Моего уважаемого коллегу, — он поклонился в сторону Тугендбольда, — беспокоит репутация фирмы. Меня же беспокоят ее доходы. Но мой уважаемый коллега, — Хохдрук снова поклонился в сторону Тугендбольда, — борется за репутацию столь энергично, что мешает мне бороться за доходы. Боюсь, что на ближайшем собрании акционеров вместо дивидендов нам придется выдавать газетные вырезки с хвалебными рецензиями.

— Господин директор, я ничего не понимаю... — растерянно сказал Тугендбольд.

— Это заметно, — ответил Дорн. — Придется вам объяснить. Если бы тридцать газет напечатали резолюцию перепуганных родителей, о, какая это была бы для нас реклама! Мы продали бы все, что у нас залежалось. Три газеты клюнули на протест родителей, и вы одну заставили отказаться от публикации, дру-

гую — напечатать, что наши книги высоконравственны. Благодарю, удружили...

— Я не уверен, — вставил заведующий рекламой, — что текст опровержения, который так обрадовал моего коллегу, не составлен нашими конкурентами. Мой коллега не прочитал последнюю строчку опровержения, а она, смею заметить, весьма существенна. Там написано: «...не являются безнравственными в отличие от книг фирмы «Харниш», которые действительно дают основание для такого рода обвинений».

— Дают основание! — простонал Дорн. — Все ясно. Это дело ловкачей из «Харниша». Их затраты себя окупают. А мы? Мы будем сидеть по уши в нашей нравственности, благородстве, среди нераспроданных книг. Попрошу вас, господин Хохдрук, во избежание дальнейших недоразумений объясните господину Тугендбольду — он новичок в этом деле — наши рекламные принципы.

— Прежде чем объяснить моему коллеге, — сказал Хохдрук, — эти принципы, я позволил бы себе, если, разумеется, патрон позволит мне это, спросить, известна ли ему — я имею в виду, разумеется, коллегу Тугендбольда — разница между парадоксом и софизмом?

— Меня, кажется, экзаменуют! — вспыхнул Тугендбольд. — Я юрист и отлично знаю, что такое софизм и что такое парадокс.

— Не спорю, — сказал Хохдрук. — И все же позволю себе привести пример. Господин Тугендбольд — юрист. Юриспруденция — наука логическая. Следовательно, господин Тугендбольд силен в логике.

— Это непристойные личные намеки! — закричал Тугендбольд.

— Отнюдь, — спокойно ответил Хохдрук. — Это софизм. Иначе говоря, ошибочное умозаключение, построенное по типу классического софизма: «Птицы двуноги, господин Тугендбольд двуног, следовательно, господин Тугендбольд — птица». Вот что такое софизм.

Хохдрук наслаждается тем, что дразнит высокоученого Тугендбольда, но еще больше тем, что его насмешки нравятся Дорну.

— Теперь, после примера, приведенного лишь для наглядности, позволю себе дать и теоретическое определение. Софизм — это чепуха, имеющая вид истины. Например, читатель открывает газеты; газеты пишут, что наши романы безнравственны; следовательно, читатель перестает читать наши романы. А что такое парадокс? Парадокс — это истина, имеющая вид абсурда. Не софизмы, а парадоксы положены в основу нашей рекламы.

— Совершенно верно, — сказал директор издательства. — Если в газетах будет напечатано, что наши романы можно читать даже детям, что это будет?

— Отличная похвала, которой, боюсь, мы не заслуживаем, — сказал Тугендбольд.

— А я думаю, что это будут подлые происки наших конкурентов. За такую похвалу к суду не притянешь, но такая похвала может нас разорить. А сейчас не вздумайте мешать тому, чтобы дело дошло до суда.

— Хорошо, — сказал растерянный юрист. — Дело дойдет до суда. И я приложу все усилия, чтобы мы его выиграли.

— Что вы называете выиграть? — спросил Дорн. — Боюсь, что у нас разное представление об этом.

— Газете придется уплатить штраф за клевету.

— Опять за свое! Нам не нужно штрафа, который заплатит газета. Мы сами можем заплатить этот штраф. Нам нужно, чтобы в газете был напечатан отчет о процессе и чтобы нашлись свидетели, которые твердо и решительно засвидетельствуют, что наши книги безнравственны. Вот об этом вам и придется позаботиться.

— Это и есть реклама, основанная на парадоксах, — сказал Хохдрук. — Хочешь, чтобы купили штаны, — хвали их. Хочешь, чтобы купили книгу, — позаботься о том, чтобы ее обрутали.

— Нам незачем заботиться о своей репутации, — добавил директор Дорн. — Мы ею не торгуем. Мы торгуем книгами. Можете идти.

Тугендбольд удалился. Хохдрук остался.

— Что еще? — спросил его Дорн.

— Пришло письмо из Клейнклерсдорфа, — ответил Хохдрук. — Читатель, который просит отвечать ему до востребования: после трех выпусков правильно отгадал развязку романа «Каменная стопа».

— Очень хорошо, — сказал Дорн. — Уже давно никто не выигрывал нашей премии. Такая реклама не помешает. При выплате должны присутствовать репортеры, представитель телевидения и радио. Командируйте кого-нибудь из своего отдела. Чтобы все было устроено как надо. И не забудьте сообщить об этом автору сюжета. Если и следующее его сочинение будет отгадано после трех выпусков, мы снизим ему гонорар. Можете идти...

— Меня кто-нибудь ждет? — спросил Дорн у секретаря.

— Незвестная барышня умоляет господина директора о приеме.

— Просите...

ГЛАВА VI,

в которой читатель знакомится с домочадцами Земиколона

Пока издательство «Цербер» жило своей обычной жизнью, Земиколон, человек с железными нервами, за обеденным столом рассказывал домашним о письме без марки. Фрау Земиколон всплеснула коротенькими ручками и воскликнула:

— Надо заявить в полицию, папочка!

— Я доложил шефу господину Дорну, — сказал Земиколон. — Этого достаточно.

— Письмо с угрозами. Здорово! — вскричал сын Земиколона Карл-Мария Земиколон-младший, школьник, сочетавший выдающиеся вешушки с посредственными способностями. — Как в кино!

Карл-Мария был немедленно изгнан из-за стола за неуместное выражение восторга, а г-н Земиколон, чтобы успокоиться, начал не в первый раз излагать супруге смысл усовершенство-

вания, которое будет способствовать дополнительным прибылям фирмы «Цербер».

— Человек, который заплатил деньги за конфету, не может съесть ее второй раз. Человек, который заплатил деньги за билет в кино, не в состоянии посмотреть второй раз фильм по тому же билету. Он не в состоянии также показать этот фильм дома своему соседу. В каком невыгодном положении по сравнению с продавцом конфет и владельцами кинотеатра находятся те, кто торгует книгами! Покупатель заплатил нам, и мы сразу же выпускаем книгу из рук. Он одалживает книгу направо и налево, пока она не рассыплется, и мы ничего не можем с этим поделать. Трижды одолженная книга — тройной убыток фирмы «Цербер». Но как избежать этого?

— Голубчик, — кротко сказала г-жа Земиколон, — никогда не нужно ломать голову над тем, что недостижимо.

— В наш-то век? — сказал Земиколон. — В книге должны быть склеенные страницы. Открывши первую, читатель тем самым отклеивает текст, который, представ перед его глазами, держится на странице лишь то время, которое необходимо, чтобы прочитать одну страницу. А затем под воздействием воздуха и света текст исчезает. Хотите перечитать? Что же! Вам придется, как и тому, кто хочет съесть вторую конфету или посмотреть второй раз фильм, платить заново. Хотите одолжить книгу соседу? Не тут-то было: у вас в руках пачка чистых листов бумаги!

— Гениальная идея, папочка! — сказала г-жа Земиколон. — Одно только неясно: как ты ее осуществишь?

— Пока я ее не осуществил, я буду бороться со всеми, кто наносит жестокий ущерб нашей торговле. И никакие угрозы не заставят меня свернуть с избранного пути! — воскликнул Земиколон, в воображении которого «Отчаянные ребята», подписавшие письмо, слились с теми, кто, одалживая книги, наносит невосполнимый ущерб фирме «Цербер».

ГЛАВА VII,

в которой фрейлейн Трумпф получает отказ, а г-н Дорн — докладную записку

Барышня, умолявшая директора издательства Дорна о приеме, была очень хорошенькой, очень старательно одетой и очень заплаканной. Она стремилась помочь своему жениху доктору Абердоху, переведенному в корректуры. Жалованье корректора столь ничтожно, они так давно мечтают пожениться, господин директор так добр, они так надеются...

Но барышня удалилась ни с чем, а директор издательства погрузился в отчет, присланный Земиколоном. Отчет был обычным. В нем говорилось, что лучше всего расходуется книга «Пестрые лошади и клетчатые рубахи», что автомат, продающий листочки, оправдывает себя, что первый выпуск романа «Стены за стенами» не привлек внимания читателей. Словом, обычная деловая проза, раздражавшая г-на Дорна лишь своим многословием.

Но вдруг глаза директора округлились. Под заголовком «Дополнительные сведения к отчету» стояла следующая фраза: «Полагаю своим долгом сообщить, что мною получено письмо, подписанное неизвестными лицами под двери магазина; письмо подписано «Отчаянные ребята» и содержит угрозу; вышеупомянутая угроза дословно звучит так: «Если ты не одумаешься, а в чем — тебе самому известно, то увидишь, что за этим письмом последует много неожиданностей». Испрашиваю указаний: заявить ли об угрозе полиции или от вас последует другое распоряжение?»

— Все ясно, — вздохнул Дорн. — Как несовершенно люди! Владелец пивной спивается, кондитер заболевает сахарной болезнью, продавец детективов — манией преследования. А жаль. Был полезный служащий. — И, покачав головой, Дорн поместил в календаре: «Справиться о состоянии здоровья Земиколна».

...День в издательстве «Цербер» шел обычным ходом. Сюжеты двигались по коридору-конвейеру, работники смехотеки разгonyяли по карточкам очередной улов, бухгалтерия подсчитывала доходы и убытки, а заведующий отделом «ЯОТ» Дрилленхенгст давал указания своему заместителю.

— Отбываю в известное вам место! — говорил Дрилленхенгст. — Отдел оставляю на вас. В субботу в двенадцать ноль-ноль и вам надлежит быть там, куда я направляюсь...

— Слушаюсь! — ответил заместитель и прицелкнул каблучками.

Что и говорить, дисциплина в этом отделе была отменная, почти как на казарменном плацу.

— Вольно! — пошутил Дрилленхенгст и отправился на улицу, сняв с вешалки серый плащ...

ГЛАВА VIII,

состоящая из телеграмм, объявлений и газетных вырезок

Телеграмма из Клейнклекерсдорфа:

«БИРШТАДТ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕРБЕР ХОХДРУКУ ЧИТАТЕЛЬ ЗПТ ОТГАДАВШИИ РАЗВЯЗКУ КАМЕННОЙ СТОПЫ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПУБЛИЧНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ПРЕМИИ ЗПТ ССЫЛАЕТСЯ НАШИ ПРАВИЛА ЗПТ ОБЪЯВЛЕННЫЕ РЕКЛАМАХ ТЧК НАСТАИВАЕТ ПЕРЕВОДЕ ДЕНЕГ ПОЧТОЙ ВОСТРЕВОВАНИЯ ПОДПИСЬ ВРИЛЛЕНТРЕГЕР».

Телеграмма из Бирштадта:

«КЛЕЙНКЛЕКЕРСДОРФ ГОСТИНИЦА КРАСНЫЙ ГУСЬ ВРИЛЛЕНТРЕГЕРУ ПРЕМИЮ ПЕРЕВЕЛИ ПОЧТУ ВОСТРЕВОВАНИЯ ТЧК ОБЪЯВЛЯЮ ВЫГОВОР НЕУМЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ СИТУАЦИЮ ИНТЕРЕСАХ ФИРМЫ ХОХДРУК».

Служебная записка директору фирмы «Цербер» от заведующего отделом переписки с читателями:

«При сем препровождаю письмо читателя из города Пумперникеля. Прилагаемое письмо содержит отгадку сюжета серии «Черная рука». Считаю необходимым обратить внимание дирекции, что сюжет предугадан после публикации двух из семи выпусков. Справку бухгалтерии об убытках в связи с выплатой премии прилагаю».

Резолюция директора Дорна: «Потребовать объяснений у заведующего отделом сюжетов».

Заметка из газеты «Пумперникельботе»:

«Вчера в помещении пивного зала «Горный трубач» состоялся ужин по поводу выигрыша, выпавшего на долю почтенного гражданина нашего города г-на Штрувельпетера, члена клуба любителей кегельной игры и секретаря общества покровителей канареечного пения.

Впервые в жизни приняв участие в отгадывании сюжета детективной серии, выпускаемой фирмой «Цербер», он получил приз. Наш корреспондент, посетивший торжественный ужин, беседовал с выигравшим, который заявил, что обязан своей победой логическому чутью, развившемуся у него вследствие многолетнего чтения нашей газеты, и надеется и впредь безошибочно угадывать ход сюжетов фирмы «Цербер».

Резолюция г-на Дорна на газетной вырезке: «Г-ну Хохдруку на срочное заключение».

Телеграмма из Дункельвинкеля: .

«БИРШТАДТ ЦЕРВЕР ДОРНУ

**СВЯЗИ НАСТУПЛЕНИЕМ СРОКА В МАГАЗИНЕ
ВСКРЫТЫ ЗАПЕЧАТАННЫЕ КОНВЕРТЫ С ПРЕДПО-
ЛАГАЕМЫМИ РАЗГАДКАМИ ТЕКУЩИХ СЕРИИ ПРИ-
СУТВИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕССЫ И НОТАРИУСА
КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ
НЕУДАЧУ ОТГАДОК ТЧК ПЯТЬ КОНВЕРТОВ СОДЕР-
ЖАТ ПРАВИЛЬНЫЕ ОТГАДКИ РАЗЛИЧНЫХ СЕРИИ
ЗПТ ПРОШУ СРОЧНО ПЕРЕВЕСТИ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ
ВЫПЛАТЫ ВЫИГРЫШЕЙ ЗЕМИКОЛОН».**

Распоряжение по издательству «Цербер»:

«В пятницу в 12 часов дня заведующие отделами созываются на экстренное служебное совещание.

Повестка дня: «Особенности неожиданной ситуации».

Записка:

«Заместитель заведующего отделом «ЯОТ» Штильгештанден просит у господина директора Дорна разрешения не присутствовать на совещании в пятницу, поскольку дело, о котором известно господину Дорну, потребует его отсутствия до конца недели».

Резолюция Дорна: «Дорогой Штильгештанден! Разумеется, я не возражаю против Вашего отсутствия. Дружески — Дорн».

Объявление из газеты «Бирштадтнахрихтен»:

«Юная блондинка, 22 лет, 156 сантиметров, умеренно полная, разочарованная в прежних исканиях, любящая музыку и понимающая природу, ищет знакомства с человеком, имеющим твердое положение в обществе. Предложения адресовать в редакцию газеты под девизом «Майглоке».

Телеграмма из Бирштадта:

«ДУНКЕЛЬВИНКЕЛЬ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ АУГЕНВАЙ-
СУ ОНА ОТ МЕНЯ ОТКАЗАЛАСЬ = АБЕРДОХ».

Телеграмма из Дункельвинкеля:

«БИРШТАДТ ЦЕРБЕР АБЕРДОХУ МУЖАЙСЯ = АУГЕН-
ВАЙС».

ГЛАВА IX,

в которой совещание у Дорна заходит в тупик

Собравшиеся на совещание коллеги впервые увидели, что Хохдрук растерян.

— В то время как мы, — тусклым голосом говорил он, — собирались начать новую рекламную акцию, рассчитанную на шум, связанный с предложениями запрета наших книг, многочисленные правильные разгадки, поступившие одновременно из нескольких городов и относящиеся к различным сериям, спутали наши планы. Мы изучили все письма, содержащие разгадки. С уверенностью можно сказать следующее. Особенно много писем с разгадками поступило в магазин, которым заведует Земиколон. Эти письма нанесли убыток нашему издательству, превышающий двадцать тысяч марок. В города Клейнклекерсдорф и Пумперникель письма с отгадками присланы немногочисленными читателями. Некоторые отгадавшие настойчиво отказываются от публичного вручения премий. С другой стороны, один из читателей не отказался даже от публичного банкета... Попытаемся связать воедино эти разнообразные факты.

— Достаточно, — нетерпеливо перебил Дорн. — Не хватает еще, чтобы вы предложили нам измерить следы читателей, приносивших письма с отгадками. Мы — издатели детективов, а не герои этих книг. Нас интересует только одно. Число отгаданных серий возрастает день ото дня. Конечно, газетные заметки о выигрышах привлекли внимание читателей, и спрос за истекшие две недели является более чем удовлетворительным. Но удачные отгадки подрывают — что? Они подрывают краеугольный камень нашего дела.

— Позволю себе заметить, — сказал заведующий отделом рекламы, — не вполне...

— Вздор! — сказал Дорн. — Железный принцип рекламы — постоянство. Покупатели привыкли: «Единственные в мире детективы, которые нельзя разгадать, — детективы фирмы «Цербер». Шлите разгадки и убеждайтесь в этом». Прикажете нам заме-

нить девиз? «Легче всего разгадать детективы фирмы «Цербер». Посылайте ваши предположения и убедайтесь в этом!» Парадоксально, но, боюсь, успеха не возымеет.

Приоткрыв до половины дверь, склонив почтительно голову набок, в кабинет впорхнула секретарша. Вначале Дорн отмахнулся от нее, как от мухи, но потом прислушался к ее почтительному жужжанию.

— Хорошо, — сказал он недовольным голосом. — Соедините. Звонит Земиколон, — объяснил он присутствующим. — Экстренное дело.

— Так я и знал, — простонал бухгалтер издательства. — На прошлой неделе мы перевели ему десять тысяч!

Брови Дорна, говорившего с Земиколоном, полезли наверх и там сломались пополам, изображая крайнее изумление. Потом раскрылся рот, да так, что казалось, его никогда уже не удасться закрыть. Потом Дорн с трудом опустил брови, с трудом захлопнул рот, чтобы процедить: «Приму меры», — и положил трубку.

— Земиколон окончательно сошел с ума, — сказал он. — Он выплатил еще несколько выигрышей. Но дело не в этом. Он позвонил мне с официальным заявлением, что непреодолимая сила толкает его самого разгадывать сюжеты. Боясь нанести ущерб фирме, так как он уверен в правильности своих догадок, он докладывает об искушении и просит немедленного отпуска или инструкций.

— Он-то не отгадает, — рискнул высказаться Хохдрук. — Земиколон звезд с неба не хватает.

— Дело в том... — перебил Дорн. — Он мне сказал... Ему кажется, что так осуществляется некая угроза. Впрочем, это не относится к делу. Гораздо проще предположить, что он действительно спятил. Господин Хохдрук, вам поручается выяснить это на месте. Правда, — вспомнил вдруг Дорн, — там сейчас находится наш дорогой Дрилленхенгст, но у него другие, более важные дела... Продолжаем совещание. Итак, я резюмирую...

ГЛАВА X,

в которой Карл-Мария Земиколон-младший и его друзья странным способом ловят рыбу

На берегу речки, протекавшей через Дункельвинкель — город, в котором обитал со своим семейством г-н Земиколон, подвергавшийся неслыханному искушению, — сидело трое мальчишек: веснушчатый Карл-Мария Земиколон и его закадычные друзья — Петер и Франц. Мальчишки удили рыбу. Точнее сказать, у каждого из них в руках была удочка, а к удочкам были прицеплены лесы. Лесы были заброшены в реку. И только сами мальчишки знали, что ни на одной лесе не было ни крючка, ни наживки.

— Отличную уловку я придумал! — воскликнул Карл-Мария. — Пусть все думают, что мы удим, а мы в это время...

— Тсс!.. — сказал Франц. — Не следует лишний раз гово-

рять вслух о нашей тайне. Лучше расскажи, что произошло за эти дни.

— Но вы должны еще раз поклясться, что никогда и никому... — потребовал Карл-Мария.

— Мы уже клялись, — ответил Петер. — Первый раз, когда...

— Помню, — сказал Карл-Мария. — Не нужно напоминать об этом вслух.

— Второй раз, когда...

— И об этом я тоже не забыл. Но сегодняшний раз — важнейший.

— Ну что же, — меланхолически согласился Петер, — я готов поклясться. Клянусь! — он поднял два пальца.

— Клянусь! — Франц тоже поднял два пальца.

Мальчишки сблизили головы и приготовились слушать. Но в этот момент на мосту почти рядом с ними остановился дальний автобус. Из автобуса вышел человек высокого роста в сером плаще, с небольшим чемоданчиком в руках.

Он окликнул ребят резким металлическим голосом:

— А ну-ка, сюда!.. И поживее! Марш! Марш!

Карл-Мария, самый решительный, подошел к приезжему, но все-таки остановился в нескольких шагах от него, готовый тут же дать тягу.

— Чем могу служить? — спросил он, гордясь, что без запинок произносит такую взрослую фразу. Ведь так спрашивал отец, когда в магазин входили покупатели.

— Как пройти в гостиницу «Старая кружка»? — спросил приезжий.

Мальчик начал было объяснять.

— Может быть, проводить вас? — услужливо предложил он.

— Не нужно! Понял. Найду сам, — ответил приезжий и удалился в указанном направлении.

Карл-Мария вернулся к друзьям.

— Так слушайте. Я вытащил из папки отца письмо «Отчаянных ребят», — сказал Карл-Мария.

В этот момент на шоссе остановилась малолитражка. Человек, сидевший за рулем, приоткрыл дверцу и крикнул ребятам:

— Живо! Ко мне!

На этот раз они подбежали втроем. Сидевший за рулем — он был в сером плаще — отрывисто спросил:

— Гостиница «Старая кружка». Как проехать?

Мальчишки объяснили и вернулись к своим удочкам. Карл-Мария Земиколон-младший проворчал:

— И поговорить не дадут. Далась им «Старая кружка». Значит, так. Я вытащил из папки отца письмо «Отчаянных ребят». Вместо него я вложил в папку...

Он нагнулся и прошептал ребятам что-то на ухо.

— Да ну! — закричали они.

— Вот видите, не зря вы клялись.

— Что ж теперь будет? — спросил Петер.

— Как это к тебе попало? — спросил Франц.

— Старик, — ответил Карл-Мария, — с которым мы меняем-

ся марками, поручил мне отнести письмо на почту, но позабыл его запечатать. Полдороги я говорил себе: и не подумаю посмотреть, что там написано. Потом я сказал: взгляну одним глазом. А перед самой почтой свернул в сторону, вынул листок и прочитал...

Карл-Мария Земиколон-младший не успел сказать, что именно он прочитал в доверенном ему письме. На шоссе остановился мотоцикл. Мотоциклист окликнул ребят. Они, не дожидаясь его вопроса, закричали хором:

— Гостиница «Старая кружка»?

— Точно так! — ответил тот, отряхивая пыль со своего серого плаща...

Ребята объяснили ему дорогу и вернулись к удочкам и превращенному рассказу младшего Земиколона.

— Ну и что?

— ...я списал прочитанное и копию того, что прочитал, решил подсунуть папе.

— А письмо старика ты отправил?

— Отправил.

— Представляю себе, какая заварится каша! А может, там все написано неверно?

— Неважно, что неверно. Важно, что это теперь у отца. Теперь и начнется самое интересное, — сказал младший Земиколон. — Вы только представьте себе...

Но Петер и Франц снова отвлеклись. На шоссе остановилась еще одна машина. Люди, сидевшие в ней, даже не стали подзывать ребят к себе. Они просто крикнули:

— К «Старой кружке» как проехать?

Объяснив дорогу, мальчишки переглянулись.

— Что там происходит, хотел бы я знать, — сказал Франц.

— А что там может происходить! — протянул Земиколон-младший.

Он был недоволен. Приезжие, словно сговорившись, спрашивали дорогу к «Старой кружке», отвлекли внимание от его рассказа. Но Карл-Мария не любил выпускать инициативу из своих рук.

— Мы должны выработать план действий, — сказал он.

— А может, лучше сбегает пока к «Старой кружке» и посмотрим, что там происходит? — предложил Петер.

— Бегите, — сказал Карл-Мария, — я не пойду. Чего я там не видел! У нас есть дела поважнее.

Но все-таки, хотя обида была велика, он пошел за друзьями. А идти, пожалуй, действительно стоило. Долго еще потом гадали мальчишки, почему в субботу на дверях ресторана гостиницы «Старая кружка» висит объявление «Сегодня закрыто», а через окно видно, что на вешалке гардеробной висит не меньше полусотни одинаковых серых плащей и в дверях кухни то и дело мелькают кельнеры с подносами, заставленными тарелками. Но их все равно не пустили бы внутрь, и они не могли бы поэтому увидеть, как люди, прибывшие в гостиницу, вскакивают и вытягиваются при появлении человека, которого в издательстве «Цербер» знают как отставного полковника Дрилленхенгста, начальника отдела «ЯОУ».

ГЛАВА XI,

в которой фрейлейн Трумпф получает первые отклики на свое письмо, а Хохдрук нападает на след преступления

Лизьхен Трумпф, как уже, очевидно, догадался читатель, и была той умеренно полной блондинкой 22 лет и 156 сантиметров роста, которая, разочаровавшись в прежних исканиях, дала объявление в газету. Что делать! Ей было, конечно, жаль после трехлетней помолвки отказываться от доктора Абердоха, но еще больше ей было жаль себя. Стать женой корректора? Такая перспектива ей не улыбалась. Докторский титул без денег и положения, которые соответствовали бы этому титулу, — ну, какая же это перспектива? «Каждый сам кует свое счастье», — любила повторять фрейлейн Трумпф старинное изречение. И первый удар по этой наковальне она нанесла, дав объявление в газету. «Играть следует честно», — столь же охотно повторяла фрейлейн Трумпф фразу из кинобоевика «Жизнь на ринге». Поэтому она напрямик сказала Абердоху, что отрекалась от него, и, покуда отвергнутый жених переживал ее коварство, Лизьхен пожинала первые плоды своего смелого шага. Нельзя сказать, чтобы они были обильны. Ответов было не очень-то много. Грубые материалисты ставили предварительный вопрос о приданом. Идеалисты умалчивали о приданом, но просили прислать карточку в полный рост, гарантируя строжайшее соблюдение тайны. Лишь один ни о чем не спрашивал и ничего не просил. Он напирал лишь на то, что тоже любит музыку, природу. Ему-то Лизьхен назначила свидание. Претендент должен был появиться ровно в двенадцать. Он предложил встретиться не в Бирштадте, а в Дункельвинкеле, благо до него можно за час доехать на автобусе. Лизьхен узнает его по серому платочку в кармане спортивного пиджака и букетику гвоздик, который он будет держать в левой руке.

Пленительные детали! Даже самый снисходительный человек не отважился бы назвать пиджака доктора Абердоха спортивным. Что касается цветов, то отвергнутый жених имел привычку держать их, далеко отставив руку в сторону и всем своим видом показывая, что лично он к этим цветам не имеет никакого отношения. Но сейчас она ждала другого, который, несомненно, — о, она предчувствует это! — умеет дарить цветы. И вот этот другой появился — его внешность превзошла самые смелые ожидания. Он был почти молод, одет почти как актер Боб Робинс в боевике «Тот, из-за кого все сходят с ума», а поклонился ей почти как Дуг Портер в фильме «Претендент на руку принцессы».

Как отлично все складывается! Они сидят за столиком в пустом саду ресторана. Она объяснила, почему, будучи девушкой с идеалами, с одной стороны, но вполне современной — с другой, решила дать объявление в газету, и он уже успел сказать, что всецело понимает ее стремление бросить таким образом решительный вызов судьбе, как вдруг за соседним столиком появляются трое мальчишек. В руках у них удочки. Один из них поразительно веснушчат.

— Не понимаю, почему в ресторан пускают детей, — каприз-

но говорит Лизьхен, монолог которой о том, как она понимает родство душ, прерван на самом патетическом месте.

— В дневное время мы не можем отказывать нашим постоянным гостям в мороженом и лимонаде, — извиняется кельнер.

— Не будем обращать на них внимания, — успокаивает Лизьхен ее спутник. — Разве вам не кажется, что мы здесь вдвоем и что мы очень-очень давно знакомы?

О, конечно, Лизьхен это тоже кажется.

Но вдруг она видит, что лицо воспитанного кавалера, который с живейшим вниманием слушал ее монолог, вроде бы изменилось. Он по-прежнему слушает ее, но уже не слышит. И вместе с тем он внимательнейше прислушивается. К чему же? Неужели к болтовне мальчишек за соседним столиком? Лизьхен говорит обиженно:

— Я вижу, вас что-то отвлекает, мой дорогой?

— А?.. Что?.. Извините... — рассеянно отвечает претендент.

Лизьхен закусывает губку. Хорошо! Она будет молчать.

Лизьхен замолчала. От этого в кафе сразу стало тихо. И в наступившей тишине слышны голоса мальчишек.

— Ну и что он? — спросил один из них.

— А он, — ответил веснушчатый, — а он и говорит маме: «Ты подумай, какое искушение! Десять лет безупречной службы у фирмы «Цербер». И теперь такое искушение! Но Земиколлон знает свой долг». То-то! Это вам не серые плащи в «Старой кружке», на которые вы все хотели променять...

— Ладно уж, чего там, — примирительно говорят друзья веснушчатого. — Дальше давай.

— С другой стороны, получить у «Цербера» премию...

В пору расплакаться. Несчастья Лизьхен начались с того, что доктор Абердох поступил в издательство «Цербер». А теперь на розовой заре нового романа почти молодой человек, который при первом же свидании не поспешил на угощение, едва услышав за соседним столиком слова «фирма «Цербер», уже не обращает на нее внимания и, как говорят в романах — Лизьхен очень начитанна, — «весь превратился в слух». Он вслушивается в разговор мальчишек.

— Выпьем, «Отчаянные!» — говорит самый веснушчатый.

«Отчаянные» чокаются лимонадом.

Претендент встает.

— Извините меня, фрейлейн Трумпф, мы еще не раз встретимся. А сейчас — дела. Вы понимаете...

— Значит, вы приехали по делу, — разочарованно говорит Лизьхен. В голосе ее звучат слезы. Носик краснеет.

— По двум, — отвечает претендент. — Первое и наиважнейшее — встреча с вами, второе... Вы писали, что хотите познакомиться с человеком, который обладает солидным положением в обществе. Я таковым обладаю. Мне дает его служба. Служебное дело не может быть отложено. Вы не осудите меня. Нет, нет. Вам достаточно узнать, в какой солидной фирме я служу.

Претендент протягивает фрейлейн Трумпф визитную карточку: «Ходрук, заведующий отделом рекламы фирмы «Цербер».

— И вы тоже? — вскрикивает фрейлейн Трумпф и бледнеет.

(«Как плотно!» — вписали бы в этом месте редакторы «Цербера».)

Но Хохдрук даже не замечает ее восклицания. Он устремился к выходу, через который уходят мальчишки.

ГЛАВА XII,

также состоящая из деловых бумаг

Юрисконсульту фирмы «Цербер» г-ну Тугенбольду:

«Служебное поручение

§ 1. Некто, по имени Гектор Пулле, проживающий в нашем городе, профессиональный астролог, в объявлении, опубликованном в газете «Бирштадтнахрихтен», заявил, что его «способность предсказывать будущее может быть проверена клиентами, которым он берется предсказать ход сюжета текущей серии фирмы «Цербер», ибо даже сочиненный писателем сюжет подвластен воле планет».

Вам поручается выяснить, может ли быть возбуждено против Гектора Пулле фирмой «Цербер» судебное дело на законном основании и нельзя ли подвести его объявление под статью о нечестной конкуренции.

§ 2. Вам поручается выяснить, может ли фирма «Цербер», не подвергая себя опасности судебного преследования, изменить сюжетные ходы в сериях, начавших поступать в продажу».

Телеграмма из Дункельвинкеля:

«БИРШТАДТ ЦЕРБЕР ДИРЕКТОРУ ДОРНУ
НАПАЛ НА СЛЕД ЗПТ ЗАДЕРЖИВАЮСЬ ЗПТ
ЗЕМИКОЛОН ЗДОРОВ ДОВЕРИЯ НЕ ВНУШАЕТ =
ХОХДРУК».

«Господину директору Дорну

Прошу с сего дня не считать меня сотрудником фирмы «Цербер» в связи с переменной деятельностью.

Дрилленхенгст, полковник в отставке».

Заключение юридического отдела:

«§ 1. С великим сожалением должен сообщить господину директору, что фирма «Цербер» не имеет законного основания возбудить против Гектора Пулле судебное дело. Последним является официально зарегистрированным астрологом, то есть лицом, имеющим законный патент на предсказания будущего. Законодатель, допустивший регистрацию предсказателей, не ограничил область, в какой им дозволяется делать свои предсказания.

Возникает вопрос: можно ли привлечь Пулле к суду через третьих лиц за предсказание, если оно не сбудется?

Ответ: Нельзя. Астрологические предсказания основываются на частной сделке между клиентом и астрологом. Обе стороны выступают в эту сделку, заведомо зная, что предсказание основывается на данных, не признаваемых наукой действительными.

Поэтому законодатель не предусмотрел кары за неверное предсказание.

Таким образом, мы не сможем привлечь господина Пулле к суду, если его предсказание сюжета не сбудется. К тому же это не имеет смысла, так как несбывшееся предсказание пойдет фирме на пользу.

Возникает вопрос: можем ли мы привлечь его к суду, если предсказание сбудется?

Ответ. Тем менее. В наших объявлениях об условиях выплаты призов обусловлен только способ и срок сдачи предполагаемых разгадок, но не оговорено, что мы отказываемся платить читателю, если он обратится к совету небесных светил, полученному через посредство астролога.

Таким образом единственное, что нам остается сделать, это отнестись к господину Пулле, как к читателю, принявшему участие в разгадывании сюжетов. Если он пожелает сообщать свою разгадку нескольким клиентам, а они пришлют ее нам, требуя премии, придется уплатить им премию равными с господином Пулле долями солидарно.

Боюсь, что и этот путь юридически не безупречен.

§ 2. Фирма «Цербер» не может изменить ходы поступивших в продажу серий. Пользуясь аналогией, скажу, что с юридической точки зрения это было бы равносильно изменению правил игры в карты в казино в ходе партии без ведома игроков односторонним решением банкмета, каковой на основании этого решения отказался бы выплачивать беспспорные выигрыши. Полагаю, что парадоксальный пример убедит господина директора.

Слово «парадоксальный» подчеркнуто господином Тугенбольдом.

ГЛАВА XIII,

которая содержит несколько логических умозаключений и одну энергичную резолюцию

«Высокоуважаемый г-н директор Дорн!

Как вы увидите из моего почтительного доклада, я не напрасно задерживаюсь в этом городе, хотя само по себе психическое состояние Земиколона, шефа нашего магазина, не вызывает опасений. Однако цепь логических умозаключений позволяет мне сделать вывод о том, кто является источником разгадок, наносящих ущерб нашей фирме. Меня навела на след встреча с малолетним сыном нашего служащего Земиколона. Затем я увидел его отца, который дал мне в высшей степени двусмысленные и неудовлетворительные объяснения того странного обстоятельства, почему у него возникло искушение разгадать очередную серию. Он утверждает, что однажды нашел у себя в магазине в папке с деловыми бумагами незапечатанное письмо, содержавшее разгадку. Разгадка, как продолжал он, была сформулирована столь убедительно, что он почувствовал неудержимый соблазн воспользоваться советом, но, утверждает он, будучи честным служащим фирмы, он, вопервых, тут же сообщил об этом соблазне, а во-вторых, преодолел его. Земиколон категорически отрицает, что ему известно

что-либо о происхождении этого письма. Он заявляет, что был искренне поражен, когда, получив последний выпуск серии, увидел, что разгадка в подброшенном ему письме была правильной. Свою лояльность по отношению к фирме он подтверждает ссылкой на то, что не получил деньги, которые мог бы получить, пожелай он воспользоваться разгадкой через подставное лицо.

Между тем мне стало известно, что в соседнем городе выплачена премия за разгадку той же серии. Остается установить, совпадает ли разгадка, предъявленная к оплате, не только по существу, но и текстуально с подброшенной Земиколону разгадкой, на которую он ссылается, но которую мне, несмотря на мои требования, еще не предъявил. Если они совпадут, значит так называемое подброшенное письмо и второе письмо исходят от одного лица.

Цепь дальнейших умозаключений заставляет меня полагать, что сам Земиколон является источником всех наших неприятностей. Жители города обратили внимание на то, что недавно в гостинице «Старая кружка» состоялось собрание лиц, неизвестных в этом городе. Не являются ли эти лица сообщниками Земиколону, приехавшими к нему за получением инструкций, ибо я полагаю, что это он выступает в роли отгадчика, давая советы подставным лицам?»

Резолюция Дорна синим карандашом:

«Идиот. Как он сам разгадывает?»

ГЛАВА XIV,

в которой г-н Дорн решает лично разобраться в том, что происходит, и узнает нечто из области астрологии

Г-н Дорн шел пешком. Это случалось с ним не часто. Для этого должны были быть веские причины. Со стороны он напоминал героя книг, выпускаемых его издательством, ибо он, во-первых, поднял воротник, словно не желая быть узнанным прохожими, а во-вторых, поглядывал на бумажку, зажатую в ладони, стараясь делать это как можно более непринужденно и естественно и оттого являя собою зрелище, которое должно было привлечь внимание каждого, имеющего глаза.

Г-н Дорн зажимал в ладони вырезку из газеты с рекламным объявлением астролога. К нему-то директор издательства и направлял свои стопы.

Приемная астролога ничем не отличалась от приемной зубного врача средней руки или не слишком популярного адвоката. Несколько кресел из гнутых стальных труб (в двадцатые годы они были объявлены провозвестниками нового мебельного стиля, а теперь доживают свой век в таких приемных), унылые растения загадочного происхождения, два-три растрепанных иллюстрированных журнала для тех, кто томился в очереди. Но на креслах никто не сидел, журналов никто не перелистывал, в очереди никто не томился. Было не похоже, что жители Бирштадта толпами велят к Гектору Пулле, дабы выяснить, какую судьбу предвещает им состояние светил.

Дорн постучал в дверь с надписью «Астрологический кабинет», услышал: «Войдите», — и предстал перед Гектором Пулле.

— Здравствуйте, господин Дорн, — сказал тот, не давая посетителю раскрыть рта и набрасывая поверх костюма свою спецодежду — черный плащ с нашитыми на нем знаками Зодиака.

— Откуда вы знаете, кто я? — вырвалось у Дорна.

— Поскольку сейчас день, не стану уверять, что прочитал это в звездах. Главное, что я не ошибся. Я полагаю, что не ошибусь также, высказав предположение, зачем вы ко мне пожаловали. Разгадку очередной серии вашего издания я предложу вам так же, как сделал бы это всякому другому, за мою обычную плату — пять марок за устное предсказание, семь — за письменное, десять — за предсказание с астрономическим чертежом.

— Астрономический чертеж можете оставить при себе, — не слишком любезно ответил Дорн. — Итак, я вас слушаю.

Астролог хлопнул по боку лоснящийся круглый шар, изображающий небесную сферу. Так фокусник считает своим профессиональным долгом постучать по столу палочкой и громко объявить ее волшебной, хотя надеется только на ловкость собственных рук.

— Поскольку публикация романа «Ее колье» начата в марте, а март, как известно, находится под эгидой созвездия Скорпиона и сильным влиянием Козерога...

— Бросьте паясничать... — перебил Дорн. — Можете сэкономить время.

— Хорошо, — продолжал Пулле. — Раз вас интересует не мыслительный процесс, а лишь его зримый результат, пожалуйста. Итак, в «Ее колье» был герой, по имени Томсон. Он-то и свистнул колье у звезды экрана. Это обнаружится, — он снова пошлепал небесную сферу, — на предпоследней странице, когда звезде напомнят о репортере, который брал у нее интервью на первой странице. Можете не говорить мне, что я прав. Глоток воды или таблетку с валидолом?

— Откуда вам известна разгадка? — спросил Дорн, с трудом переводя дыхание.

— Небесные сферы... — пожал плечами Пулле, — проникновение в тайны — людские и литературные.

— Сколько? — сказал Дорн.

— Предсказание было сделано устно, — сказал Пулле. — Пять марок.

— Сколько за то, чтобы вы его забыли? — сказал Дорн. — Или, еще лучше, перепутали?

— У каждой профессии есть свои законы. Это было бы нарушением профессиональной этики. Но там, где идет разговор о деле... Сделаем деловой расчет. Предположим, что за разгадкой «Ее колье» ко мне обратятся десять читателей. Каждый из них получит от вас тысячу марок. Это составит десять тысяч марок. Не исключено, что ко мне обратятся и двадцать читателей, и тридцать, и пятьдесят... Пожалуй, мне выгоднее выждать.

Дорн ответил:

— Сколько бы читателей к вам ни обратилось и скольким

бы вы ни подсказали разгадку, мы всем вашим клиентам вы- платим одну премию. Любой суд подтвердит, что мы правы.

— Сомневаюсь, — ответил Пулле. — Никто не будет гнать читателей за язык, чтобы они доложили о консультации со мной. Но я не мелочен. Вы сказали, что заплатите на всех одну премию. Меня это радует. Я предполагал получить с вас марок сто, может быть, двести. Теперь я вижу, что вы готовы предложить сумму премии. Я согласен. Итак, тысяча марок — и я буду предсказывать моим клиентам, что субъектом, стянув- шим драгоценность, был... — он подумал, — скажем, шофер Герберт. Кажется, возможность такой разгадки заложена у вас в середине романа. А если ко мне придут с претензиями, я объясню, что не учел дополнительного воздействия Млечного Пути... Вот так...

Дорн выписал чек на тысячу марок:

— Как видите, я не торгуюсь. Сколько за то, чтобы вы объяснили мне, как вы разгадали сюжет?

Но тут открылась дверь. Впрочем, этому предшествовал стук. Но появление постучавшего следовало столь стремительно за стуком, что стук был пустой формальностью. В дверях астроло- гического кабинета возник розовощекий старик в мундире отставного чиновника почтового ведомства.

— А вот и разгадка, — сказал Гектор Пулле. — Напрасно ты поспешил, — обратился он к вошедшему. — Мы вели весь- ма поучительный разговор. Позвольте вас познать.

— Директор Дорн, — буркнул клиент астролога.

— Почтмейстер в отставке Аугенвайс, — любезно ответил старик.

ГЛАВА XV,

в которой г-н Хохдрук пытается столкнуться с предводителем «Отчаянных»

— Нет, так дело не пойдет, — сказал Хохдрук, стараясь сохранить миролюбивое выражение лица. — Я купил тебе биле- ты в кино подряд на неделю, я скормил тебе столько моро- женого, что всякий нормальный человек давно бы превратился в ледяную гору, а ты? Ты обещал мне рассказать все. Но я уз- нал так мало!

— Я, правда, ничего больше не знаю. Если хотите, я расска- жу вам еще раз все. Отец сердился, что я даю товарищам чи- тать романы из нашего магазина, — сказал Карл-Мария Земиколон-младший.

— Не из вашего магазина, а из магазина фирмы «Цербер», — поправил Хохдрук.

— Точка в точку, это самое сказал мне отец. Он еще доба- вил: «Плох тот лесоруб, который пилит ветку, на которой си- дит». А когда я сказал ему, что лесорубы не сидят на ветках, он влепил мне затрещину.

— Разумный поступок, — сказал Хохдрук. — Ты можешь не отвлекаться?

— Могу. Значит, так: отец сердился на то, что я даю моим товарищам книги из магазина фирмы «Цербер». Я перестал

давать их ребятам, тогда они перестали меня слушаться. Тогда я решил и над отцом подшутить и ребятам найти занятие, чтобы меня слушались. Мы подсунули отцу письмо, подписанное «Отчаянные ребята». Он очень переполошился. Заварилась каша. Но дальше... Дальше все бы кончилось, потому что, кроме письма, мы ничем не могли его напугать. Но тут... Дальше я вам рассказывать не буду. Я поклялся товарищам.

Хохдрук встал и объявил торжественно:

— Я освобождаю тебя от данной клятвы.

— Вы священник?

— Нет. Я освобождаю тебя, как старший по возрасту и как начальник твоего отца.

— Боюсь, что это недействительно.

— Чего же ты хочешь? — сказал Хохдрук. — Денег на расходы?

— Бесплезно! — ответил Карл-Мария. — Мне не улыбается объяснять отцу, как они ко мне попали.

— Бесплатно все книжки нашего издательства, которые будут выходить впредь?

— Не деловой подход, — ответил юный собеседник Хохдрука. — Все равно что пытаться подкупить пирожными сына кондитера... Пожалуй, я вообще не буду вам ничего рассказывать. Сыщика из вас явно не получится...

— Тогда, болван ты эдакий, я сам поговорю с твоим отцом, — сказал Хохдрук.

— С этого давно следовало начать, — ответил многообещающий мальчишка. — Сэкономили бы.

ГЛАВА XVI,

**в которой издательство «Цербер» стоит на грани краха,
а г-н Дорн принимает решение**

От мальчишки-рассыльного, который бегал с рукописями по коридору, до личного секретаря г-на Дорна любой сотрудник издательства «Цербер» мог бы поклясться, что сегодня происходит нечто необыкновенное. С утра были отменены все совещания.

-- Никого не пускать, ни о ком не докладывать, — буркнул Дорн секретарю, пропуская в свой кабинет розовощекого старичка в мундире почтового ведомства. Директор закрылся с ним, выключив телефоны, и уже много часов не выходит из кабинета. Хотя ни один звук не может проникнуть через дубовую дверь, по издательству ползут слухи. Люди, изошрившие свой ум в сочинении детективных историй, строят предположения одно невероятнее другого.

Уверяют, что у г-на Дорна находится представитель конкурирующей фирмы «Харниш», прибывший для того, чтобы перекупить дело на ходу со всеми романами, запущенными в производство, смехотеками и картотеками, с сотрудниками, магазинами и читателями. Эта сравнительно оптимистическая версия сменяется другой, панической: дело действительно будет пере-

куплено вместе с романами, но без сотрудников. Представитель «Харниша» считает, что обойдется и своими силами.

И вот уже по коридорам бегают бледные люди. Налаженный конвейер «Цербера» остановился. Кто-то клянется: дело не в «Харнише», дело совсем в другом. Но... Всезнайка делает таинственные глаза, снижает голос до шепота и произносит только одну фразу! «Высокие круги...» Он не говорит ничего больше, но в издательстве сразу устанавливается торжественно-тревожная обстановка.

Спокойны только господа из отдела «ЯОТ». Более того, они даже выглядят так, будто предстоящие перемены, если они действительно произойдут, обещают нечто приятное. Такое настроение у них установилось после того, как утром им нанес краткий визит их бывший коллега полковник в отставке Дрилленхенгст.

В этот день не только в кабинете Дорна, но и в комнате с надписью «ЯОТ» совершается нечто необычное. Впрочем, если бы бывший провизор сказал об этом коллегам, ему бы не поверили. Его в издательстве не принимали всерьез с тех пор, как он заявил, что хотя много лет посвятил изучению ядов, не видит разницы между опиумом и книжонками «Цербера» и не понимает, почему одно дозволено, а другое запрещено.

Старика провизора выслали из комнаты, сказав, что он может заниматься своими ядами и в другом месте, а перед сотрудниками отдела «ЯОТ», которые стоят навтыяжку, расхаживает Штильгештанден и витийствует:

— Теперь, когда эти штатские, эти шпаки, эти штафирки каждый день выплачивают премии за истории, сочиненные их редакторами, мы покажем, кому должно принадлежать решающее слово в издательстве и какие книги оно должно выпускать. Теперь, когда наш бывший шеф, трудившийся среди нас в отставке и безвестности, снова призван к делам великой важности, мы должны выполнить его приказ и подготовить новые времена в этом доме.

Итак, в комнате «ЯОТ» происходит совещание, а в кабинете директора г-н Дорн ведет трудный разговор. Разговор особенно труден, потому что собеседник прибег к невинной хитрости и притворился тугоухим. В течение долгих пятнадцати минут г-н Дорн говорил ему о солидности фирмы «Цербер», о ее репутации, о ее хитроумных сюжетах, которые никогда до сих пор не поддавались разгадке, и о естественном желании его, господина Дорна, познакомиться с человеком, который, как стало ему известно из разговора с уважаемым — г-н Дорн даже заставляет себя произнести это слово, — с уважаемым астрологом г-ном Пулле, является источником отгадок, столь встревоживших фирму. Он рад, что видит перед собой человека, не только обладающего феноменальными способностями, но солидного и, безусловно, добропорядочного, который не захочет осложнить переговоры, которые, он надеется, увенчаются успехом к их обоюдному удовольствию...

Вслушав эту длинную речь, собеседник г-на Дорна произносит одну фразу:

— Повторите, пожалуйста, все сначала. Я плохо слышу.

И г-н Дорн, перед которым трепещут сотрудники «Цербера»,

за исключением господ из отдела «ЯОТ», покорно повторяет второй раз свою речь о фирме «Цербер», о ее сюжетах, об уважаемом астрологе и еще более уважаемом собеседнике г-не Аугенвайсе, потому что его собеседник — отставной почтмейстер Аугенвайс.

Но как же он очутился здесь?

Вернемся назад в квартиру астролога Пулле.

ГЛАВА XVII,

в которой читатель возвращается в приемную астролога Пулле и приближается к разгадке тайны

...Итак, в комнате астролога Пулле открылась дверь. Впрочем, этому предшествовал стук. Но появление постучавшегося следовало столь стремительно за стуком, что стук был пустой формальностью. В дверях астрологического кабинета возник розовощекий старик в мундире почтового ведомства.

— Свою тысячу марок я получил, — сказал астролог, представляя Аугенвайса. — Обо всем остальном спрашивайте его. Сюжеты отгадывает он. И черт меня возьми, если я знаю, как он это делает!

Не так уж жаль было Дорну тысячи марок, как было обидно, что он торговался не с тем. Вот почему несколько дней спустя Аугенвайс оказался в директорском кабинете Дорна.

— Я пригласил вас, чтобы узнать, соответствует ли действительности утверждение, — прокричал Дорн, — будто вы разгадываете сюжеты!

— Соответствует! — громко прокричал в ответ Аугенвайс.

— Как это вам удается? — прокричал Дорн.

— У меня есть система! — завопил Аугенвайс.

— Какая? — крикнул Дорн и, оглянувшись на двери, добавил: — Только, пожалуйста, потише. Я слышу хорошо.

— Логической, — ответил Аугенвайс, — основанная на теории вероятностей, на некоторых формулах...

— Перестаньте говорить («чепуху» — хотел ответить Дорн, но на лету исправил фразу)... столь невероятные вещи. Системы не может быть ни в рулетке, ни в игре на бегах, ни в отгадывании сюжетов фирмы «Цербер».

— Тем не менее она есть, — кротко сказал Аугенвайс. — Не угодно ли убедиться? — Он предъявил почтовые квитанции на заказные письма, посланные из разных городов. — Можете проверить, — сказал он, — это квитанции именно на те письма, которые содержали отгадки. Их послали мои друзья, которым я высказал свое предположение, заметьте, всего лишь предположение, как развернется ход сюжета. Впрочем, еще лучше будет, если вы назовете мне две-три текущие серии, и я предскажу вам дальнейшее развитие действия.

Вот почему замерло все издательство. Г-н Дорн в кабинете за закрытой дверью пересказывает сюжеты, а г-н Аугенвайс сообщает их продолжение.

— Роман «Рука на экране», — говорит Дорн, заглядывая

в шпаргалку, потому что он не может помнить сюжеты всех публикуемых романов наизусть. — «И тогда детектив Смит убеждается, что все улики указывают на любимца публики молодого киноактера Гарри Джонса...»

— Достаточно, — перебивает его Аугенвайс. — На первой странице романа, между прочим, говорилось о том, что в фильме будут опасные трюковые кадры и знаменитых актеров на съемках будут подменять дубли. Там шло длинное описание комнат, в которых толпятся молодые люди, подменяющие знаменитостей в опасные моменты, а в придаточном предложении упоминался бывший акробат, которому предстоит совершить в фильме головокружительный прыжок. Так вот, он-то, пользуясь своим сходством с известным киноактером, а также своей акробатической смелостью, и совершил преступление. Промежуточные звенья я опускаю. Ну как?

Дорн нажал кнопку.

— Принесите мне содовой воды, — сказал он секретарю и охрипшим голосом продолжал: — «Роза и решетка». Девушка, отданная на воспитание в пансион католического монастыря...

— Достаточно, — перебил его Аугенвайс. — Она не девушка. Она переодетый юноша, проникший в пансион монастыря, ибо в его стенах находится...

Дорн нажал кнопку снова.

— И виски, — добавил он слабым голосом.

ГЛАВА XVIII,

в которой младший корректор Абердох, пока Дорн ведет переговоры с Аугенвайсом, читает лекцию о психологии памяти случайному слушателю

— Существует превратное убеждение, — сказал Абердох, — что память может от перенапряжения ослабнуть. Уверяю вас, это не так. Напротив, память можно тренировать, как тренируют мускулы. Сегодня вы вспоминаете полстраницы, завтра — страницу, через неделю — главу...

— Понимаю, — сказал его случайный собеседник, с которым они вместе попивали пиво. (С некоторых пор доктор наук пристрастился к этому занятию.) — Это как человек, который в юности начал поднимать маленького теленка, поднимал его каждый день и так поднатерел, что потом действительно таскал на руках взрослого быка. Помнится, что-то такое я читал в книжке.

— Вот именно, быка! — сказал Абердох. — Когда-то я запоминал страницы, потом главы, теперь я запоминаю почти наизусть целые книги. Ах, друг мой, — сказал он, — трудность состоит не в том, чтобы вспомнить, а в том, чтобы забыть. Почему я сижу с вами? Я не хочу сказать ничего плохого о вас, но почему я сижу с вами и пью пиво, которого я терпеть не могу, и почему потом я, наверно, даже выпью водки? Только для того, чтобы постараться забыть то, что переполняет мою голову. Кражи, убийства, похищения! Страшные преступления, совершенные среди темной ночи и белого дня.

— Нелегко жить с такой отягощенной совестью, — сказал собеседник, отодвинувшись от Абердоха.

— При чем здесь совесть? А, понимаю! Вы решили, что меня угнетают совершенные мною преступления? Нет. Преступления совершены другими.

— И вы посвящены в них?

— По долгу профессии, — ответил Абердох. — Только по долгу профессии.

— Ну, мне пора, — сказал собеседник и, стремительно направляясь к двери, добавил: — Было очень приятно познакомиться.

ГЛАВА XIX,

в которой наступил вечер, переговоры Дорна с Аугенвайсом все еще продолжались, а г-н Хохдрук шел по следам преступления

Звякнули ключи, щелкнул замок, заскрипела, открываясь, тяжелая дверь, и г-н Хохдрук очутился в крошечной тьме. Сердце его сильно билось, может быть, первый раз в жизни.

«Не будь я Хохдруком, если не доведу этого до конца, — повторял он мысленно. — Я иду по верному следу. Если все обстоит так, как утверждает Земиколон, то в папке переписки должно найтись письмо с разгадкой. Значит, нужно только извлечь это письмо. Извлечь и сличить!.. Сличить и вернуть!.. До чего же здесь темно!..»

Хохдрук стал нащупывать в темноте выключатель, но тут же спохватился: свет в окна может привлечь внимание прохожих, пойдут разговоры, а этого надо избежать.

«Обойдусь карманным фонариком», — подумал он.

Он нажал на кнопку карманного фонарика. Луч света выхватил из темноты оскаленный череп и перекрещивающиеся кости, Хохдрук попятился. Но оскал черепа был мучительно знаком. Хохдрук вспомнил, что так выглядит рекламный плакат к роману «Гибель в пустыне», выпущенный его отделом. Успокоенный, он перевел луч фонарика правее и вздрогнул снова. Его глазам открылось зрелище еще более ужасное. Волосатые окровавленные руки сдавливали горло кричащего человека. Хохдруку были знакомы и эти руки и подпись под ними: «Приятно провести свободный вечерок с новой книгой «Цербера», содержащей рассказ о самом зловещем убийстве столетия». Но это почему-то не успокаивало.

«Лучше не глядеть по сторонам, — подумал Хохдрук, задрожав при мысли о том, как выглядят в темном помещении другие рекламные плакаты фирмы «Цербер». Чтобы подбодрить себя, он еще раз с торжеством подумал: «Все-таки я уличил этого господина! Если бы он мог предъявить для сличения письмо, он не сопротивлялся бы моему посещению магазина. Но я тут! Вместе с предписанием расследовать дело фирма выдала мне контрольные ключи к магазину. Я откroю конторку, в которой хранится корреспонденция, и проверю, лежит ли там письмо. Очень просто... И ничего страшного. Вот полки с книгами... Вот запертый сейф с вырубкой...»

Холодно. Темно. Пусто.

Успокоив себе дорогу фонариком, ступая на цыпочках и нащупывая дорогу вытянутой рукой, г-н Хохдрук приблизился к конторке, открыл ее и вынул толстую папку, в которую подшиваются письма. Как во всех магазинах фирмы «Цербер», папка эта лежит справа. Сейчас все, решительно все разъяснится!

Но тут дверь магазина, запертая им изнутри, медленно-медленно приоткрывается.

Господи! Дверь-то он запер, но ключ не оставил в замке, и теперь кто-то открывает ее снаружи. В приоткрытую дверь просовывается рука. В белом дрожащем круге света, который Хохдрук нервно направил на дверь, рука в черной перчатке выглядит зловеще. Черная рука протягивается к выключателю, чтобы зажечь свет. Нервы Хохдрука не выдерживают. Он хватается за дверь и с криком: «Кто там?!» — тянет ее к себе. Незнакомый отдергивает руку и тянет дверь к себе, стараясь захлопнуть. Они сопят, стараясь пересилить друг друга.

Незнакомец неожиданно отпускает дверь, Хохдрук падает на пол. Тогда тот, кто стоял за дверью, с криком: «Попался! — врывается в магазин. — Я тебе покажу, как называться «Отчаянным!»» Два человека в полной темноте борются и даже боксируют.

— Не уйдешь! — кричит тот, кто был за дверью, и Хохдруку кажется этот голос знакомым.

— И ты не уйдешь! — отвечает Хохдрук.

Но никто из них не может сказать, кто поймал и кто пойман, кто кого держит. Оба оказались на полу; не видя друг

друга, они старались хоть немного отдышаться. И вдруг незнакомец говорит:

— Не вы ли это, господин Хохдрук?..

— Значит, это вы, господин Земиколон? — отвечает ему Хохдрук.

— Что вы здесь делаете? — говорит Земиколон.

— А вы что здесь делаете? — отвечает Хохдрук.

Земиколон зажигает свет. Перед глазами противников возникает разгром, учиненный ими. Сражаясь в темноте, они сбросили с полок книги, оборвали рекламные плакаты.

— Хорошеньких дел вы понаделали! — кричит Земиколон. — Ищейка вы этакая! Что вы здесь вынюхиваете?

— Письмо, на которое вы ссылаетесь, — говорит Хохдрук. — Письмо, которое вы не желаете мне предъявить.

— Вот оно, — отвечает Земиколон и раскрывает папку корреспонденции, упавшую на пол.

Но письма нет. Письмо с разгадкой серии, ввергшее Земиколону в искушение, исчезло, как исчезало за некоторое время до того письмо с угрозой, подписанное «Отчаянные ребята». А ведь письмо с разгадкой было кем-то аккуратно вложено на то самое место, откуда исчезло письмо с угрозой. Земиколон еще раз излагает Хохдруку весь несложный ход событий, в который было бы легко поверить, если бы он подтверждался вещественными доказательствами.

— Фирма в моем лице, — сурово говорит Хохдрук, поправляя галстук, — не может полагаться на заверения. Ранее фирма в моем лице полагала, что ваши заверения смазывают на бред, теперь фирма убедилась, что они больше похожи на ложь... Мы встретимся завтра, — говорит Хохдрук и с достоинством идет к двери.

Г-н Земиколон выключает свет: для того чтобы выбраться из магазина, достаточно уличного света, который падает в помещение через полуоткрытую дверь. Г-н Хохдрук ускоряет шаги, чтобы поскорее выйти из комнаты, украшенной изображениями черепов и окровавленных лиц.

Порыв сквозняка захлопывает дверь перед его носом.

— Дурацкие шутки! — кричит он Земиколону. — Зажгите свет!

— Я не вижу, где выключатель. Зажгите ваш фонарик! Ищейка! — отвечает ему Земиколон, которому больше нечего терять.

Хохдрук делает шаг вперед, натывается на что-то, и вдруг металлический голос произносит:

— Руки вверх!

Это сработал автомат — гордость фирмы «Цербер». Но Хохдрук уже не соображает. Зрелище рекламных плакатов, драка в темноте, захлопнувшаяся дверь и этот металлический голос переполнили чашу его мужества. С визгом: «Пустите меня, пустите!» — он пытается нащупать в темноте дверь и сбивает с ног Земиколону. Рекламный автомат, успев еще выкрикнуть: «Стреляю!», тоже валится на пол, вспыхивают огоньки замкнувшейся электрической проводки.

...Утром продавец, явившийся к открытию магазина, видит, что дверь заперта изнутри. Звонки не работают. Продавец ждет Земиколону, не решаясь без него ни на какие поступки. Проходит полчаса, проходит час, Земиколону нет. Из магазина доносится шум. Продавец звонит Земиколону домой. Встревоженная жена отвечает, что муж вчера не вернулся домой.

Через час полиция взламывает дверь в магазин и застаёт удивительную картину. Респектабельный почти молодой человек в спортивном костюме с развязанным галстуком и синяком под глазом сидит на полу. С довольным видом он хлопает ладонями по полу и напевает песню:

Тот, кто хочет быть счастливым,
Покупает детективы.
Лучше нету развлечения,
Чем разгадка преступления...

А вокруг него скачет пожилой человек. Его костюм и лицо также несут следы драки. Но он не опечален этим, а весело заканчивает каждую строфу рекламной песенки фирмы «Цербер» припевом:

Детектив — вот отдых лучший
Утром, днем, на сон грядущий, —

а потом сбивается на детскую песенку:

Мы козу гулять водили,
Поросенка стригли мы.

Железные нервы заведующего магазином фирмы «Цербер» не выдержали потрясения. Такая же участь постигла заведующего отделом рекламы.

ГЛАВА XX,

в которой Аугенвайс является как вестник победы

— Победа, мой дорогой, победа! — закричал отставной почтмейстер Аугенвайс, вбегая по крутой лестнице так, как не вбегал по ней даже в молодости, когда был скромным разносчиком телеграмм. В этом доме под самой крышей жил корректор издательства «Цербер», доктор наук, обладатель могучей памяти и неудачливый сочинитель детективных романов — племянник Аугенвайса, герой нашего повествования г-н Абердох.

— Какая победа?.. — сонно ответил тот, открывая глаза и смутно вспоминая о вчерашнем вечере, о пиве, которое он пил, и о водке, которой запивал пиво, чтобы вытеснить из своей головы толпившиеся в ней сюжеты детективных романов.

— Я обещал тебе, что ты вернешься, как говорили древние, на щите... нет, под щитом... нет, со щитом! Впрочем, ты знаешь это лучше меня. И ты можешь вернуться. Директор Дорн обещал немедленно восстановить тебя в прежней должности.

— Я ничего не понимаю, — сказал Абердох.

— Длинная и сложная история. Ты помнишь, что я обещал научить тебя сочинять эти романы?

— Да, — сказал Абердох, — как же... С тех пор я вам терпеливо пересказываю сюжеты всей той белиберды, которая проходит через корректуру. Вы чертите какие-то таблицы, рисуете какие-то схемы и говорите, что разрабатываете систему, которая даст возможность и мне самому сочинять такие сюжеты. Клянусь вам, дядюшка, я делаю это только из уважения к вам. К этому безумию неприложима никакая система. Мне ничто не поможет!

— Уже помогло! Я не собирался и не собираюсь тебя обучать писать эти книги. Моя идея куда проще. Слушай меня внимательно! Вот три десятка разгадок. Я предъявил их к оплате и получил через своих друзей призы. Можешь жениться на твоей Лизьхен. Фирма «Цербер» обеспечила вас порядочным приданым, а директор Дорн обязался восстановить тебя в должности редактора.

— Но это же преступление, дядя! — завопил перепуганный

Абердох. — Это преступление, и оно называется: использование в корыстных целях служебной тайны!

— Позволь, позволь, — сказал Аугенвайс. — Может быть, ты что-нибудь списывал с книг, которые проходили у тебя через корректуру? Нет! Может быть, ты выносил эти, как у вас называется, гранки? Тоже нет. Может быть, ты специально заучивал книги, чтобы пересказать их мне? Ты не делал и этого. Ты их просто запоминал. Потому что у тебя потрясающая память. Та самая потрясающая память, о которой директор Дорн когда-то сказал, что она ни на что не нужна. И, главное, ты не знал, для чего пересказываешь мне ваши детективы. Ты действовал, как говорят юристы, *bona fide*. Вот видишь, я даже проконсультировался со специалистом.

— Боюсь, что этого нельзя будет доказать на суде, — сказал племянник.

— На суде доказывать ничего не придется. Мы с господином Дорном обменялись встречными расписками. Я письменно обязался больше не применять своей системы, а он обязался не позже чем через неделю восстановить тебя в редакторской должности. Так-то, дорогой племянничек... Старый дядя на что-нибудь полезен и может теперь вернуться к своим делам: в кофейнике еще остались конструктивные недоделки.

ГЛАВА XXI, очень короткая

И снова в комнате Дорна совещались.

Громче всех звучал на этом совещании голос Штильгештандена:

— Мы давно предупреждали!.. Все, что происходит в издательстве, происки красных! Их нужно найти и выгнать, а издательству... О, у нашего бывшего шефа господина полковника Дрилленхенгста есть большие планы, которые поставят «Цербер» на новый путь. И соответствующие круги не пожалеют на это средств.

— Вы правы, коллега, вы правы, — с покорностью, которой от него никто не ожидал, произнес Дорн. — Мы обязательно подумаем над тем предложением, которое исходит от нашего, смею сказать, бывшего сотрудника, облеченного теперь таким постом и таким доверием...

ГЛАВА XXII, последняя в повести, но открывающая новую страницу в жизни д-ра Абердоха

— Фирма «Цербер» всегда выполняла свои обязательства. Можете хоть сегодня приступить к работе редактора, — сказал Дорн Абердоху, вызвав его в установленный срок ровно через неделю.

— Благодарю вас, господин директор, — ответил Абердох.
Дорн посмотрел на Абердоха так, будто видит его первый раз.

— Ловко вы это проделали! Все возможности мы перебрали, а до этого не додумались. Ненормальная память — вот ваш ход, вот разгадка. А я-то думал, что вы ни на что не способны. Но вы оказались настоящим пройдохой.

Абердох беспомощно пробормотал:

— Но, господин директор, я не знал... Я и не догадывался...

— Не смущайтесь. Это не моральная, а деловая оценка. Быть настоящим пройдохой, квалифицированным пройдохой очень хорошо! Такие люди нам нужны! Иным способом вы возместите убытки, которые из-за вас понесла фирма «Цербер». И ваша ненормальная память сыграет тут свою роль.

— Благодарю вас, господин директор, — сказал Абердох. — Значит, я могу вернуться в отдел сюжетов?

— Отдела сюжетов, каким он был, у нас не будет. Издательство перестраивается на новую продукцию. Хитроумные детективы слишком ненадежный товар. Слишком гонкий. Масса затрат, масса сложностей, а потом вдруг меняются вкус и мода. Наш новый товар мы будем производить без риска. Никаких убытков! Нам еще будут доплачивать за него.

Открылась дверь, и в кабинет Дорна вошел бывший заместитель Дрилленхенгста, а теперь сам начальник отдела «ЯОТ», отставной майор Штильгештанден. Абердоху показалось, что за несколько дней, которые они не встречались в коридорах издательства, Штильгештанден стал выше ростом. И Дорн встал навстречу Штильгештандену и первым приветствовал его почтительно.

— Здравствуйте, мой дорогой, здравствуйте. У вас утомленный вид. Можно ли так перегружать себя? Позвольте представить вам нашего талантливого сотрудника, доктора философии...

Штильгештанден оглядел Абердоха с головы до ног, словно впервые видит его.

— Философия? — пренебрежительно протянул он. — Здесь ему философствовать не придется!

— Ну, конечно, конечно, — заторопился Дорн, — я как раз излагаю нашему сотруднику новую программу «Цербера». А вот издательство «Цербер» гордится, что человек, в трудное для себя время занимавший скромный пост в нашем издательстве, играет теперь такую важную роль в нашей армии и что, несмотря на свой новый высокий пост, не оставляет своим вниманием издательство, которое... словом, романы о военных походах на восток, воспоминания о столь недавних битвах, прославление нашего лучшего в мире солдата — вот новый курс фирмы «Цербер». Соответствующие круги поддерживают этот курс! О сбыте нашей новой продукции позаботятся те, кто подсказал нам реформу и даже погасил убытки последнего времени, в том числе и сумму, которую ваш дядюшка... Но мы не злопамятны. Вы, господин доктор, будете очень нужны фирме «Цербер» в ее новом качестве. Мы будем переиздавать все, что может быть нам полезно в этом духе. И вы — с вашей па-

мятью — будете нам это разыскивать. Ну и, вы сами понимаете, навыки нашей фирмы в придумывании сюжетов и подгонке деталей тоже... пригодятся в обработке некоторых документальных и мемуарных произведений. Нельзя же печатать все, как было. Вы храните все наши трюки в своей изумительной памяти и можете быть тут полезны. Я даже согласен забыть все старые недоразумения. Вам понятно?

Штильгештанден добавил:

— Вы будете отыскивать все книги, в которых когда-нибудь звучал клич: «На восток! На восток!» Понятно, философ?

— Более чем понятно, — ответил Абердох.

— Вот и отлично, — сказал господин Дорн.

Голос его звучал примирительно. Видно, он, не хотел напоминаний о встречных расписках, которыми обменялся с почтмейстером Аугенвайсом, — человека с такой памятью лучше иметь в своем деле.

— Я не могу принять ваше предложение, — сказал Абердох.

— Если вы его не примете, я не возьму вас даже младшим корректором. Мы меняем курс.

— Даже младшим корректором я не стану помогать тому, что здесь будет твориться, — неожиданно твердым голосом ответил Абердох и вышел, хлопнув дверью.

В вестибюле издательства его окликнули.

— Это вы, Герберт?.. — услышал он голос, который недавно казался ему самым дорогим на свете.

— Фрейлейн Трумпф? Что вы здесь делаете? — спросил он в изумлении.

Предлагаем читателю пародийное произведение английского писателя А. Томсона, увидевшее свет на русском языке в тридцатых годах. Этот коротенький рассказ-памфлет, высмеивающий тех буржуазных парламентариев, которые уходят от решения насущных для страны проблем, не потерял своей актуальности.

Новая редакция перевода сделана для «Искателя» Е. Толкачевым.

— Пришла похлопотать за... Герберт, вы не сердитесь на меня?

— Нет, что вы... Я уже все забыл... За кого же вы пришли хлопотать?

— За жениха. Он заболел во время своей последней командировки, а когда оправился от потрясений, узнал, что им недовольны и его переводят на должность корректора.

— Ничего не понимаю. Я не болел! Я не ваш жених! И обо мне не нужно хлопотать.

— Ах, Герберт, — сказала фрейлейн Трумпф, — речь не о вас. Я говорю о господине Хохдруке. Не знаю, чем он прогневал вашего патрона, но ему объявлено, что с сегодняшнего дня его переводят на должность корректора. Я пришла похлопотать за него. Вы думаете, это будет иметь успех?

— Безусловно, — ответил Абердох. — Для господина Хохдрука здесь теперь открывается широкое поприще.

В вестибюле грузчики распаковывали ящики и доставали из них сверкающую лаком и пахнущую кожей мебель.

— Что это? — спросил Абердох у швейцара.

— Обстановка кабинета для шеф-редактора господина Штильгештандена, — торжественно ответил он и вытянулся в струнку.

На улице Абердох еще раз оглянулся на дом, в котором помещалось издательство «Цербер».

«Бог мой! — подумал он. — А ведь, пожалуй, то, что здесь со мной случилось, — это сюжет!»

А. ТОМСОН

Десмонд твердолобый

На дополнительных выборах центральной фигурой был Десмонд Дуксиддл, молодой кандидат от Верхнего Полеторпа.

Все до одного предсказывали ему блестящую карьеру с того дня, как он выступил с горячей речью в защиту Закона об обиженных лордах. Десмонд был во всех отношениях безупречен: его воротнички были даже выше, чем у покойного Гладстона, а складки на брюках разглажены лучше, чем у лорда Пальмерстона; кроме того, Десмонд был человек железных принципов в мире политики.

Дополнительные «гетровые» выборы свалились на добрую Англию как гром с ясного неба.

Весьма заметный некоторыми эксцентричными деталями костюма, Десмонд однажды утром вошел в Палату общин, имея на ногах оригинальнейшие желтые гетры.

— Что это за тряпки болтаются у него на ногах? — крикнул кто-то ему вслед. — Видно, он только что оставил свое ремесло мусорщика!

— Вы жаждете борьбы? — воскликнул Десмонд. — Вы ее получите. Носящие гетры вызывают вас на бой!

Разумеется, парламент сразу же был распущен, и Десмонд поехал в провинцию отдохнуть и подготовиться к борьбе. К выбору готовились обе группы: гетристы и антигетристы. Премьер пытался сколотить партию центра (или «партию полугетр»), но его попытка не увенчалась успехом.

Около полудня решающего дня Десмонд сидел один в комитетской комнате. Зазвонил телефон.

— Разве вы забыли, — сказал странный голос, — о вашем согласии присутствовать на открытии Имперской выставки гетр на Вестминстербридж-род сегодня днем?

— Хорошо, — ответил он. — Я приду.

Швейцар повел его по комнатам, украшенным гетрами всех фасонов, цветов и размеров. Потом вдруг он втолкнул Десмонда в какую-то комнату и захлопнул дверь. С ужасом увидел Десмонд, что прямо на него смотрят страшные глаза Владимира Блюдского, вождя крайне левого крыла движения «Долой-Гетры-Во-Что-Бы-То-Ни-Стало!».

Блюдский и переодетый швейцар схватили его. В рот ему засунули гетры, его связали и положили в угол.

— Слушайте, Дуксбилд, — прошипел Блюдский, — я завлек вас сюда, чтобы сообщить, что я намерен делать дальше. Видите, я вполне корректен с вами. Сегодня я взорву Английский банк!

Десмонд содрогнулся от ужаса. Он доверил кладовым национальной казны весь свой наличный гардероб — семьсот девятнадцать пар гетр. Да, это будет жестокий удар прямо в сердце гетристам!

Злоумышленники скрылись.

Связанный и беспомощный Десмонд заскрежетал зубами от ярости, потом заскрежетал еще раз, просто так, и перекусил гетры, воткнувшие ему в рот, потом перегрыз веревки, связывающие его локти, лег плашмя и стал перегрызать гетры, стягивающие колени.

Наконец он свободен!

Выбежав на улицу, он вскочил в свою машину и схватился за

руль. Город тонул в вуали густого тумана, но вдаль он заметил призрачные очертания подозрительного автомобиля. Туман становился все гуще, сырее. Скользя и срезая углы улиц и переулочки, летели вперед две машины в чернильной тьме. Десмонд был охвачен одной мыслью, одним желанием: арестовать налетчика раньше, чем он приведет в исполнение злодейский умысел.

Скоро автомобили мчались почти рядом. Сквозь черный туман Десмонд видел злобную усмешку Блюдского, когда тот чиркнул спичку о бомбу и закурил сигару.

Очертания огромного сумрачного здания проступали в тумане. Десмонд выскочил, чтобы схватить преступника за шиворот. Но было поздно: тот бросил свой разрушительный снаряд.

Страшная вспышка, сопровождаемая раскатистым гулом, потрясла почву, и туман рассеялся. Десмонд одиноко стоял среди камня и мусора развалин.

Вдруг чья-то рука легла ему на плечо.

— Простите, сэр, — сказал голос полисмена, — это вы сделали?

— Как?! — пролепетал Десмонд, подавленный чудовищностью обвинения. — Нет, нет, это не я...

Со всех сторон слышался топот ног. Крики и вопли потрясали воздух. Ликующая толпа понесла на руках Десмонда к Палате общин. Весть о взрыве звенела по всем проводам.

Судьба выборов изменилась. Противник Десмонда не получил ни одного голоса. Десмонд стал самым популярным человеком Англии.

За злодейство Блюдского получил награду Десмонд, и, так как Блюдский был разорван на клочки, никто не узнал правды.

Во время погони в тумане Блюдский свернул не в ту сторону, и оба автомобиля направились вниз по Пиккадилли, к Кенсингтону. И Блюдский взорвал не банк, а памятник войне.

Только что закончил я повесть «В Созвездии Трапеции». Наверно, предстоит еще немалая работа, но точка под первым вариантом уже поставлена.

Замышлялась эта повесть как фантастическая, а получилась скорее романтической, хотя в ней немало науки в такой ее области, как гравитация. Повесть посвящена артистам советского цирка, их мужественному, нелегкому и далеко не безопасному искусству. Пытаюсь я при этом показать не только современный цирк, но и цирк недалекого будущего. Цирк, в котором будут использованы новые достижения науки и техники.

Собирая материал для повести, я часто бывал в Московском цирке, прочел много литературы по истории цирка, познакомился с людьми, влюбленными в свое искусство. Привлекло меня и то обстоятельство, что многие артисты цирка, главным образом воздушные гимнасты, сами конструируют аппаратуру для аттракционов и хорошо знают законы физики.

Н. ТОМАН

В СОЗВЕЗДИИ ТРАПЕЦИИ

СПОР В «БЕРЛОГЕ»

«Берлога» Холло, оказывается, почти на самой окраине Москвы. Михаил Богданович с Ильей едут туда сначала в метро, затем на троллейбусе и, наконец, на трамвае. Дорогой старый клоун внушает внуку:

— Ты постарайся набить им морды. И не стесняйся в выражениях. Я совершенно

убежден, что это не столько бездарности, сколько авантюристы. А Юра Елецкий просто феноменально талантлив. И типично реалистический талант. С очень хватким глазом. Посмотрит на любое лицо и держит его в памяти ровно столько, чтобы нарисовать живым, выразительным, уже не глядя на оригинал. А видел бы ты, как он Машу рисует! Буквально с закрытыми глазами. И ведь что досадно: чуть ли не стесняется он этого своего настоящего таланта. Просто дико!.. Поэтому-то с особенной яростью нужно бить этих, смущающих его мазил-абстракционистов.

Михаил Богданович почти в ярости. На него с опаской начинают поглядывать соседи, а Илья толкает его в бок.

В отрывке, который публикуется в «Искателе», я хочу познакомить читателей с главными героями повести — старым клоуном Михаилом Богдановичем, его внуком — физиком Ильей и воздушными гимнастами Зарницыными в момент их схватки с «художниками» — абстракционистами.

A large, stylized handwritten signature in black ink, slanted upwards from left to right. The signature appears to be 'Илья Толстой'.

— Хватит тебе, дедушка! Ну, что ты так!.. У меня и самого руки чешутся расквасить им носы. Жаль только, что я физик по специальности, а живопись просто люблю. В Третьяковке часами могу пропадать, но это для удовольствия.

— Какую живопись? Да они вообще никакой живописи не признают. Посмей заикнуться там о да Винчи или Репине — на смех тебя поднимут, сочтут за дикаря! В живописи-то они и не понимают ничего.

— А что же они понимают?

Но трамвай уже подошел к остановке.

Они долго расспрашивают, как пройти на нужную им улицу. Потом идут какими-то темными переулками. Сквозь толстые наледы на окнах лишь кое-где сочится тусклый свет. Под уличными фонарями покачиваются бесформенные грязно-желтые пятна.

Вдруг перед ними вырастает из темноты высокая фигура. Михаил Богданович делает невольное движение в сторону.

— Да вы не бойтесь, это я, Юрий, — слышит Илья знакомый голос. — Специально поджидаю вас тут.

— Ну и напугали же вы меня! — смеется Михаил Богданович. — Приготовился даже парировать удар. А эти гангстеры кисти собрались уже?

— Все в сборе.

— А Маша?

— И Маша.

— Да как же она решилась прийти сюда, в эту преисподнюю? — удивляется Илья.

— Она храбрая, — не без гордости за Машу произносит Юрий. — К тому же она с братьями. Там еще и Антон Мошкин вместе с ними.

— Как, и братья Маши тоже? — удивляется теперь уже Михаил Богданович. — Что же они будут там делать?

— Говорят, что пришли постоять за меня...

— А вам нужна их защита? — всплескивает руками Михаил Богданович. — Я думал, вы занимаетесь спортом.

— Нет, тут дело другое, — серьезно говорит Елецкий. — Пойдемте однако. Это тут вот, за углом. Осторожнее только: здесь сам черт может голову сломать.

— А чего их занесло в такую дыру? — спрашивает Михаил Богданович, спотыкаясь о что-то и чертыхаясь. — Не было разве какого-нибудь подвала поближе?

— Не знаю. Может быть, и не было, только они могли и нарочно. Вот сюда, пожалуйста. Вниз по ступенькам.

— В самом деле, значит, подвал, — ворчит Михаил Богданович. — Я думал, он у них условный.

— Подвал-то как раз безусловный, условное — все остальное. Дайте-ка руку, Михаил Богданович.

— Да вы за кого меня принимаете, Юра? Забыли, наверное, что я старый клоун-акробат? А вообще-то свинство это с их стороны. Могли бы хоть какую-нибудь паршивую лампочку повесить.

Илья спускается первым и распахивает дверь.

В помещении, похожем на предбанник, полумрак, но из следующей неплотно прикрытой двери лучится яркий свет. Слышатся оживленные голоса.

— Ну, слава те, господи! — облегченно вздыхает Михаил Богданович. — Добрались.

В просторном, совсем не похожем на подвал помещении очень светло. Все стены увешаны какими-то, напоминающими образцы модных обоев картинами.

Но Илье не это бросается в глаза и даже не то, что тут довольнолюдно, а единственная девушка в светло-сером платье, видимо специально посаженная в центре «подвала».

В том, что стройные молодые люди, сидящие на подоконнике, — ее братья, у Ильи не возникает никаких сомнений. У стола стоит еще один, невысокий, худощавый и очень бледный парень, в котором он легко узнает Антона Мошкина. Все остальные сидят на полу полукольцом вокруг Маши. В комнате, кроме стула Маши, вообще нет больше ничего, на чем можно было бы сидеть.

Почти все «ультра» бородаты. Многие стрижены под машинку. Выхраст только один — Митро Холло, здоровенный чернобородый детина. На нем клетчатая байковая рубаша с расстегнутым воротом, узкие брючки типа «техасских».

«Мог бы одеться и пооригинальнее», — невольно усмехаясь, думает о нем Илья. Он не ожидал от главаря этих «ультра» такой дешевки.

— Ну что ж, сэры, — развязно произносит Холло, поднимаясь с пола, — начнем, пожалуй? Кворум полный.

Никто ни с кем не здоровается, никто никого не знакомит, только Маша легонько кивает Михаилу Богдановичу, бросив украдкой любопытный взгляд на Илью. Вся остальная братия Митро Холло продолжает сидеть на полу.

— Ну-с, кто хочет слова? Вот вы, например, мсье Букашкин, — обращается Холло к Мошкину. — Почему бы вам не попробовать покритиковать нас с позиций реализма?

— А что критиковать? — с деланным равнодушием спрашивает Антон. — Что-то не вижу перед собой произведений искусства.

— Протрите-ка глазки, детка!.. — басит кто-то с пола.

— Спокойствие, господа, — простирает руки над своей ордой Холло. — Разве вы не понимаете, что это всего лишь полемический прием? Товарищ Букашкин отлично видит, что перед ним портреты прелестной гимнастки, сработанные в стиле современного восприятия вещества и пространства.

— Вы, конечно, не случайно назвали их портретами гимнастки, а не портретами Маши, — усмехается Антон. — Ибо Маша — это уже нечто конкретное, и настолько конкретное, что вы просто не в состоянии его изобразить. А гимнастика — это, по-вашему, уже абстракция. Тут вы в своей стихии, ибо любой штрих на любом фоне можете объявить «пространством, непрерывностью и временем», как это сделал художник Паризо, изобразивший на желтом фоне коричневые палочки. Жозе де Ривер назвал замкнутую

никелированную спираль «В честь мира Минковского», а никелированные шипы наподобие двуглавых сечений — «континуумом». Цветные полосы между белыми прямоугольниками Фриц Гларнер окрестил «Относительной живописью». У Чарлза Шоу переплетающаяся планка с овальными шарнирами именуется «Силами в пространстве».

Опять кто-то из бородачей начинает басыть, но Холло грозно шипит на него, так и сияя весь от предвкушения расправы с Антоном Мошкиным.

— Я умышленно привожу вам примеры, с позволения сказать, живописи в вашей излюбленной манере, в духе пространственно-временного континуума. У Макса Билла закрученная в виде овала лента, напоминающая древесную стружку, так и называется — «Изображение пространственно-временного континуума».

— Ну и что же? — нагло таращит глаза Холло. — Что вы хотите этим доказать? Да ничего, видимо, кроме собственного невежества. Вы ведь все еще мыслите категориями прошлого века и смотрите на мир глазами человека, знакомого лишь с геометрией Эвклида, и понятия, наверно, не имеете о геометрии Лобачевского — Римана. Забываете или не знаете о том, что до Эйнштейна не учитывалось изменение событий во времени и отрицалась его четырехмерность.

Разговор переходит на тему, хорошо знакомую Илье. Его так и подмывает вступить в бой, но он сдерживает себя, давая возможность парировать первые удары Холло Антону, которого он уже успевает оценить как достойного своего соратника. По всему чувствуется, что бой будет жарким. Нужно, значит, беречь силы.

— Мы уже знакомы с вашей манерой спекулировать отдельными положениями теории относительности Эйнштейна, — спокойно возражает своему оппоненту Антон. — Да это и не ваша заслуга. Реакционная буржуазная эстетика давно уже хватается за эту теорию. А привлекает она ее вовсе не научной ценностью открытий и не строгой стройностью доказательств, а сенсационностью для обывателей. Им кажется ведь, будто теория относительности опрокидывает все прежние представления о времени и пространстве. А мнения невежд спекулянтам достаточно, чтобы попытаться расправиться с реалистическим искусством, изображающим события в определенный момент времени и в реальном пространстве.

— А вы не занимайтесь демагогией! — выкрикивает кто-то из «ультра». — Докажите лучше.

— Да что же тут доказывать? — взмахивает вдруг рукой старший брат Маши, Сергей. — Вы в средней-то школе учились? Должны знать тогда, что теория относительности вовсе не отрицает огульно классической физики. Она лишь исследует более сложный круг явлений, связанных со скоростями, близкими к скорости света.

— Подкрепи же и ты его чем-нибудь, — толкает внука

локтем в бок Михаил Богданович. — Ты интересовался, в чем они разбираются? Вот тебе случай узнать!

Но прежде чем Илья успевает раскрыть рот, в бой вступает второй брат Маши, Алеша.

— И вообще читал ли кто-нибудь из вас Эйнштейна? — простодушно спрашивает он.

— А сами-то вы читали? — хихикает кто-то из бородачей.

— Кое-что читал. Вот, например. — Он спокойно достает записную книжку и цитирует: — «Было бы неверно считать, что новая теория разрушает достижения старой. Новая теория выявляет как достоинства, так и ограниченность старой теории и позволяет нам оценивать старые понятия с более глубокой точки зрения». Вот, оказывается, какого мнения Эйнштейн о старой теории.

— Вот за это-то мы и боремся! — восклицает Холло. — За переоценку старых понятий. А старые понятия времени не учитывали ведь даже вращения Земли и изменения в связи с этим течения времени.

— А каковы же эти изменения? — спрашивает, наконец, Илья, начавший уже было опасаться, что с «ультра» расправятся и без него.

— Какие бы ни были, но они есть, — неопределенно отвечает Холло.

— А надо бы знать, — вставляет и Михаил Богданович.

Все «ультра», как по команде, поворачиваются к своему идеологу, но он угрюмо молчит.

— А ведь вы на физико-математическом учились, могли бы и знать, — укоризненно качает головой Михаил Богданович.

— Да он знает, наверно! — выкрикивает Антон Мошкин. — Ему просто невыгодно называть эти цифры.

— А цифры таковы, — продолжает Илья. — Земля наша обращается вокруг своей оси со скоростью ноль целых четыреста шестьдесят три тысячных километра в секунду и движется по орбите вокруг Солнца со скоростью тридцати километров в секунду. Даже скорость обращения Солнца со всеми планетами вокруг центра Галактики не превышает двухсот сорока километров в секунду.

— А замедление течения времени начинает заметно сказываться лишь при скоростях, близких к тремстам тысячам километров в секунду, — усмехается Алексей Зарницын.

— Да и утверждение ваше, товарищ Холопов, — обращается Антон к вождю местных «ультра», — что до Эйнштейна отрицалась будто бы четырехмерность пространства, также беспочвенно.

— Вы об этом с Эйнштейном разговаривали? — вопят бородачи. — Где доказательства? Или у кого-нибудь из вас опять найдется цитатка из Эйнштейна?

— Найдется, — спокойно произносит Алеша Зарницын, листая свою книжицу. — Можно было бы опровергнуть вашего идеолога высказыванием и какого-нибудь другого ученого, но вы, наверно, никого, кроме Эйнштейна, не признаете. А он писал в своей творческой биографии: «Весьма

распространенной ошибкой является мнение, будто теория относительности как бы открыла или вновь ввела четырехмерность физического многообразия. Конечно, это не так. Четырехмерное многообразие пространства и времени лежит в основе также и классической механики».

Бородачи смущенно ежатся, а Митро Холло все еще не теряет надежды одержать победу.

— Ну, а то, что по Эйнштейну пространство искривлено, — самоуверенно спрашивает он, — вы тоже будете отрицать?

— И не собираемся, — выступает вперед Сергей Зарницын. — Установленная Эйнштейном связь между тяготением и геометрией мира подтверждена ведь экспериментально.

— Это не значит, однако, что вы имеете право уродовать человеческие тела и корезить натюрморты! — выкрикивает Антон Мошкин.

— Почему же, если факт искривления пространства подтвержден экспериментом? — нагло усмешается Холло. — В наше время только метафизики изображают пространство прямыми линиями.

— А вы знаете, каково это искривление прямых линий в природе? — спрашивает Илья.

Оппоненты переглядываются, как школьники, не знающие урока.

— В настоящее время совершенно точно установлено, — продолжает Илья, — что световые лучи, испускаемые звездами, проходя мимо Солнца, искривляются лишь на ноль целых восемьдесят семь сотых угловой секунды. К тому же эта кривизна, составляющая менее одной угловой минуты, сказывается лишь при длине луча, равной примерно ста пятидесяти миллионам километров. А каковы размеры вашей природы?

Кое-кто из «ультра» смущенно хихикает, уже без прежнего почтения поглядывая на своего вдохновителя.

— В стане врагов явное смятение, — шепчет Илье Михаил Богданович. — Пора наносить им решающий удар.

— Давайте уж поговорим теперь начистоту, товарищ Митрофанов, — решительно выступая вперед, предлагает Илья.

— Не Митрофанов, а Холопов Митрофан, — смеясь, поправляет его кто-то из соратников Холло, видимо довольный оговоркой Илья.

— Прошу прощения, товарищ Холопов, — извиняется Илья. — Ну так вот, давайте-ка поговорим начистоту, как физик с физиком, без игры в «кошки-мышки». Разве же вы не понимаете, что для того, чтобы иметь основание применять в живописи эйнштейновскую трактовку пространства и времени, нужно предположить, что объектами вашей живописи являются тела, движущиеся со скоростью света или очень близкой к ней? Либо допустить, что сами вы устремляетесь к своей природе с такой скоростью.

— Ну и подумай, — запальчиво восклицает один из бородачей, видимо не очень сильный в физике, — пусть со скоростью света! Пусть даже еще быстрее.

— Но ведь это явный абсурд, — смеется Сергей Зарницын.

— Теория относительности рассматривает скорость света, как предельную. Это же школьная истина. А вы ведь клянетесь Эйнштейном.

— Но допустим, однако, возможность такого движения художника к его натуре или, наоборот, натуры к художнику, — степенно продолжает свое рассуждение Илья. — Что же тогда произойдет? А произойдет то, что и объект произведения и его творец, сокращаясь во времени в направлении своего движения, просто перестанут существовать друг для друга как протяженные тела согласно законам той самой теории относительности, на которую вы так опрометчиво ссылаетесь.

Теперь смеются уже все. Растерянно улыбается и сам Холло.

А когда Михаил Богданович с Илей, Машей, ее братьями и Антоном Мошкиным покидают поле брани, они слышат за своей спиной распри в стане врага.

— Ничего себе теоретик, наш Митрошка! — издевательски произносит какой-то «ультра». — Даже цирковые акробаты положили его на обе лопатки.

— Хорошо еще, что представителей прессы не было, — мрачно добавляет кто-то.

УИЛЬЯМ АЙРИШ

СРОК

Рисунки
С. ПРУСОВА

ДВАДЦАТЬ МИНУТ ТРЕТЬЕГО

Тамбур был похож на гроб. Ключ дрожал, когда Куни вставлял его в замочную скважину — третий раз в эту ночь. Человек, который говорит, что он никогда ничего не боялся, лжет.

Замок щелкнул. Они вошли. Он придержал дверь плечом и медленно, бесшумно закрыл ее.

— Он там, на втором этаже, — раздался его шепот. — Я не хочу зажигать свет внизу: могут увидеть с улицы.

— Ты иди вперед, — сказала Брикки, — а я буду держаться за тебя. Только поставлю чемодан.

Она ощупью добралась до стены и поставила чемодан так, чтобы его легко было найти. Потом она взяла его за руку. Они двинулись.

— Ступеньки, — шепнул он вскоре.

Она нащупала ногой ступеньку, и они стали подниматься по лестнице. Есть ли еще кто-нибудь в доме? Может быть, кто-ни-

(Продолжение. Начало см. в № 2.)

будь и есть. Ночные убийства часто обнаруживаются только утром.

— Поворот, — прошептал он.

Новый марш лестницы. Наконец ступеньки кончились.

— Поворот, — выдохнул он.

Его рука повела ее направо. Теперь они шли по верхнему коридору.

Здесь стоял запах дорогой кожи и дерева. Она почувствовала аромат сигарного дыма, очень слабый. Еще что-то ощущалось в воздухе, почти воспоминание о запахе: может быть, кто-то пудрил здесь. Или, может быть, духи.

Они переступили порог и остановились. Он протянул руку, и она услышала, как закрылась дверь.

Зажегся свет — невыносимо яркий после долгого путешествия в темноте.

Стены были светло-зеленого цвета, панели — из орехового дерева. Окон комната не имела.

ИСТЕКАЕТ НА РАССВЕТЕ

Самым заметным в ней был мертвец.

Комната принадлежала, наверное, одному человеку, а не всей семье. То, что светские молодые люди называют «берлогой». Две или три короткие полки с книгами, вделанные в стену, — можно считать, что до некоторой степени это библиотека. Здесь стоял письменный стол — комнату можно назвать и кабинетом. В разных местах стояло несколько удобных кожаных кресел, шкаф с бутылками, пепельница. Так что скорее всего — это мужской вариант гостиной.

Она была продолговатая; две короткие стены — глухие, в третьей — дверь, через которую они вошли, а в четвертой — две двери: одна в спальню, другая рядом — в ванную. Куин пошел в спальню. Она увидела, как он задернул тяжелые портьеры на окнах спальни, чтобы с улицы не видно было света.

В ванную Куин не пошел, там, наверное, тоже нет окон.

Она считала, что многое повидала в жизни, все знает. Но этого она не знала. Она никогда не видела мертвых.

Она посмотрела на его лицо. На вид ему лет тридцать пять или около того. Должно быть, у него было красивое лицо. Но в конце концов красивы и ангелы и дьяволы. Морщинки, которые двигались, когда человек жил, превратились в неподвижные швы. Рот, который выражал силу или слабость, горячий или спокойный характер, был теперь просто зияющим отверстием. Глаза прежде были жесткие или добрые, умные или глупые; они стали просто блестящими безжизненными инкрустациями. Смерть отобрала мысль и движение.

Он был безукоризненно одет: крахмальная рубашка не помята, и бутоньерка все еще торчит в петлице смокинга.

Подошвы его туфель немножко поблескивают — от воска натертых полов. Значит, он не так давно танцевал? Но какой толк думать обо всем этом!

Куин вернулся. Она почувствовала — он стоит рядом, и была рада, что он рядом; это хорошо.

— А ты знаешь, как его... — спросила она тихо. — Как это сделали — чем?

Она нагнулась. Он — тоже.

— Должно быть, здесь. — Ее рука потянулась к пуговице смокинга.

— Обожди, дай я, — сказал он быстро. Он что-то сделал пальцами, и полы смокинга разошлись. — Вот. — И он глубоко вздохнул.

Маленькое красновато-черное пятнышко нарушало белизну пикейного жилета слева, под сердцем.

— Должно быть, из револьвера, — сказал он. — Да, пуля. Ранка круглая. От ножа не такая рана.

Он расстегнул жилет. Под ним тоже было красное пятнышко, только крупнее — рубашка впитала кровь.

— Должно быть, очень маленькая пуля, — сказал он. — Я не специалист, но дырочка очень маленькая.

— А может быть, они все такие.

— Может быть, — сказал он. — Я не знаю.

Она сказала:

— Значит, в доме никого, кроме нас, нет. Выстрел услышали бы.

Он огляделся.

— Револьвера не видно, — сказал он.

— Как фамилия людей, которые живут в этом доме?

— Грейвз.

— А это — глава семьи, отец?

— Отец умер лет десять или пятнадцать тому назад. Остались мать, два сына и дочь. Это старший сын; младший — студент, учится где-то в колледже, а дочь — одна из тех, кого называют «дебютантка». Знаешь, о них пишут в газете, в светской хронике.

— Если бы мы могли понять — почему, если б мы знали причину!..

— У нас всего несколько часов, а полиция тратит на это недели.

— Давай начнем с самого простого. Он не застрелился, иначе здесь лежал бы револьвер.

— Да, наверное, — сказал он не слишком уверенно.

— Чаще всего убивают с целью ограбления. Что-нибудь взято из сейфа с тех пор, как ты был здесь первый раз?

— Не знаю, — ответил он. — В тот раз я не включал свет. И споткнулся об него. Потом я зажег спичку, увидел его, кое-как добрался до сейфа, бросил деньги и выбежал на улицу.

— Тогда давай посмотрим. Как ты думаешь, ты сможешь вспомнить, что там лежало?

— Нет, — признался он. — Я очень нервничал тогда, понимаешь ли... Но давай попробуем. Может, я вспомню.

Они вошли в ванную. Куин — первым.

Зеркало на стене создавало неприятное впечатление, будто вместе с ними вошли и другие люди. Кто эти испуганные дети, такие юные, такие безнадежно-беспомощные?

Она не стала об этом думать.

В стене зиял аккуратный квадрат. Куин вынул заднюю часть деревянной обшивки, за которой находился сейф, затем медленно вытащил стальной ящик с деньгами. Открыть такой сейф не труднее, чем отрезать ножом кусок масла.

— Не очень-то крепкий сейф, — заметила она.

— Наверное, его сделали много лет назад... — Он замолчал и покраснел: он сгорал от стыда, она видела, от стыда за то, что он сделал. Все его инстинкты восстали. Хорошо. Так и должно быть с мальчишкой из соседнего дома, если он совершил такую вещь.

Они поставили тяжелый ящик на трехногий табурет и открыли его.

Деньги лежали сверху — деньги, которые он только что вернул. Они их отложили и начали разбирать кипы бумаг — желтые, старые бумаги.

— Вот завещание. Может быть, оно имеет какое-нибудь отношение.

Он продолжал рыться в бумагах, а она стала просматривать завещание.

— Завещание его отца. А он, — она кивнула в сторону комнаты, — был его душеприказчиком. Его зовут Стивен. — Затем просмотрела еще страницу и сказала: — Не думаю, что это имеет какое-нибудь отношение к делу. Все завещано вдове. Дети ничего не получают, пока она не умрет, а ведь убили не ее, а сына. — Она сложила завещание и положила его на место. — Ты говорил, что здесь были какие-то драгоценности; я их не вижу.

На какое-то мгновение у нее зародилась надежда, что похитили их.

— Они во втором ящике, сейчас я тебе покажу. И, по-моему, они не очень дорогие, то есть, конечно, они дорогие, но это не бриллианты или что-нибудь в этом роде.

Он достал второй ящик. Нитка жемчуга, старомодное ожерелье из топазов, аметистовая брошь.

— Жемчуг, наверное, стоит тысячи две.

— Я все это видел; отсюда ничего не взято с тех пор, как я...

Он снова осекся и замолчал, опустив глаза.

— Это не ограбление, — сказала она трезво. — Кое-что сложнее.

Они быстро уложили все в ящики. Последними положили деньги. Он посмотрел на них с ненавистью. Она понимала, она его не винила...

Они закрыли ящики, вставили их на место. Не было смысла закрывать отверстие в стене занавеской. Когда рядом лежит труп, стоит ли пытаться скрыть другое преступление? Да и вообще бесполезно пытаться отделять одно от другого: как только обнаружат убийство, его, конечно, свяжут со взломом.

— Ну, с этим покончено, — сказала она, обескураженная.

Они вернулись в комнату, остановились и беспомощно посмотрели друг на друга. Что делать теперь?

— Бывают и другие мотивы, такие же простые, — сказала она. — Ненависть или любовь. Теперь мы должны...

Он понял. Подойдя к труп, он опустился на колени.

Она подавила отвращение, подошла и стала на колени рядом с ним.

— Ну, тогда придется посмотреть, что у него в карманах, — сказала Брикки. — Я тебе помогу.

— Не нужно, не притрагивайся к нему; я достану все из карманов, а ты смотри.

Они улыбнулись друг другу, делая вид, что им не так уже омерзительно то, что они собирались делать.

— Я начну отсюда, — сказал он.

Грудной кармашек. Ничего, кроме тонкого полотноного носового платочка.

— Посмотрим левый боковой карман. — Ему пришлось приподнять тело. — Здесь вообще ничего нет, — и вывернул атласную подкладку кармана. — А теперь правый.

— Тоже ничего.

Вывернутые карманы торчали, как маленькие плавники.

— Теперь внутренние карманы.

На этот раз ему пришлось коснуться рукой мертвой груди.

— Вынимай все, — прошептала она.

Он доставал из кармана вещи и передавал ей, а она клала их на пол.

Они сидели, согнувшись, поднимая колени. Он молчал, но она по его лицу понимала: ему кажется, что у них нет никаких шансов — слишком мало времени оставалось до рассвета.

Позади них, на книжной полке, стояли часы. Усилием воли — только усилием воли! — они заставляли себя не оборачиваться, но они их слышали. Часы мелко рублили тишину и говорили: «Тик-так, тик-так», — столь насмешливо, столь безжалостно, столь быстро. Они не останавливались, не прерывали своего движения, а шли, шли, шли...

— Портсигар. Серебряный. С надписью: «С. от Б.». В нем три сигареты. Его звали Стивен? Подарил кто-то, чье имя начинается на «Б». — Она захлопнула портсигар и положила на пол. — Спички. Бумажник, кожаный. Две пятидолларовые бумажки и одна долларовая. Два корешка от билетов на сегодняшний спектакль в «Винтер Гарден». Третий ряд, места сто тринадцать и сто четырнадцать. Что ж, по крайней мере мы знаем, где он был сегодня с восьмью тридцати до одиннадцати.

— Два с половиной часа из тридцати пяти лет, — сказал он мрачно. — Выходит, нам нужно проследить примерно два — два с половиной часа с того момента, как кончился спектакль в театре. Еще что-нибудь там есть?

— Визитные карточки, деловые, — ответила она. — Какой-то Стафорд, какой-то Холмс, какой-то Ингольдсби. Кажется, все... Нет, обожди минутку, в маленьком отделении есть еще что-то. Фотография. Любительская. На фото — девушка и он сам, оба верхом.

— Покажи-ка! — Он посмотрел и кивнул головой. — Это та, с которой он сегодня вечером вышел из дому. В спальне тоже

есть ее фотография — в серебряной рамке. Там написано «От Барбары».

— Значит, это сделала не она. Иначе фотографии в серебряной рамке не было бы. Рамка, может; и осталась бы, но фотографии там бы не было. Здравый смысл подсказывает.

— Ну вот и все — из внутренних карманов. Теперь посмотрю четыре кармана в брюках. Два боковых и два задних. Левый задний. Ничего. Правый задний — еще один носовой платок. Левый боковой — ничего. Правый... Ключ от входной двери и немного мелочи.

Она пересчитала мелочь, задумчиво, понимая, что это не имеет значения.

— Восемьдесят четыре цента, — сказала она и положила деньги на пол.

— Вот и все карманы. А мы не сдвинулись с места.

— Нет, сдвинулись, Куин, очень сдвинулись!.. Не говори так. В конце концов мы же не ожидали, что найдем здесь лист бумаги, на котором написано: «Меня убил такой-то». Мы уже знаем одно имя — Барбара. И мы знаем, как Барбара выглядит, и знаем, что она провела с ним первую половину вечера. Мы также знаем, где они были примерно до одиннадцати часов. Мне кажется, что это очень много. И это мы узнали, только осмотрев карманы.

«Тик-так, тик-так, тик-так...»

Она сжала его руку, чтобы успокоить его, придать ему бодрости.

— Я знаю, — сказала она чуть слышно. — Не смотри на

них, Куин, не оборачивайся. Мы сможем это сделать, Куин, сможем, мы успеем!..

Она поднялась.

— Положить все обратно? — спросил он.

— Не имеет значения; оставь, где лежит.

Он тоже поднялся.

— Давай теперь осмотрим комнату, — сказала она. — Ты начинай там, а я начну здесь.

— А что мы ищем? — спросил он хмуро.

Ей хотелось крикнуть. «О господи, я сама не знаю!..»

«Тик-так, тик-так, тик-так...»

Она опустила глаза, чтобы не смотреть на циферблат, когда проходила мимо часов, как страус, который прячет голову в песок. А ведь это не так легко. Часы здесь, на ее стороне комнаты и смотрят прямо на нее.

Книги на полке разделены на две части, и часы стоят посередине.

— «Зеленый свет», — бормотала она, проходя вдоль книг, — «Китайские фонарики», «История...» — Она быстро опустила глаза. «Тик-так...» Еще один миг из их запаса прошел! Она снова подняла глаза, уже правее часов. — «На север от Востока», «Трагедия Икс...» Не очень-то он много читал, — решила она.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Так мне кажется. Когда человек много читает, у него книги более или менее одинаковые. Я хочу сказать — одного типа, а здесь какой-то сброд, совсем разные книги. Наверное, он читал одну книжку по полгода или около того, когда не спалось.

Она первая подошла к столику.

— Куин! — окликнула она после минуты раздумья.

— Да?

— Человек, который курит сигареты, — а мы нашли сигареты у него в портсигаре, — он сигары тоже курит?

— Может быть, многие курят и то и другое. А ты что, нашла окурки сигары?

— А он мог выкурить две сигары? В этой пепельнице два окурка...

Он подошел и посмотрел.

— Мне кажется, здесь был кто-то еще, — сказала она, — какой-то мужчина. Столик стоит между двух кресел. Окурки лежат на противоположных краях пепельницы.

Он наклонился и посмотрел более внимательно.

— Сигары разных сортов, никто не курит так. Здесь в самом деле кто-то был с ним. И посмотри-ка, один из них очень волновался. Посмотри на этот окурки: он гладкий, немножко разбухший, но все же целый, да? А теперь посмотри на второй: он изжеван совершенно. Один из этих курильщиков очень волновался, говорю тебе! — Он посмотрел на нее. — Это самое интересное, что мы нашли, самое интересное!

— А кто волновался и кто был спокоен? Грейвз или другой человек? Этого мы не знаем.

— Неважно! Мы знаем, что здесь был еще один мужчина, и даже то, что они курили сигары разных сортов, показывает,

что их разговор не был дружеским. Один из них отказывался курить сигары другого, или ему просто не предложили, и он курил свои. Они курили одновременно, но не вместе, — ты понимаешь, что я хочу сказать? Было какое-то напряжение — ссора или спор.

— Да, это важно, — согласилась она. — Но этого мало. Мы не знаем, кто был тот, другой человек.

Он обошел одно из кресел.

— А вот бокал, который один из них поставил на пол, рядом со своим креслом.

— А около другого есть? — спросила она быстро.

Он обошел второе кресло, посмотрел вниз.

— Нет.

Она вздохнула с облегчением.

— Да, разговор был не дружеский. Я даже начала волноваться. А кроме того, это значит, что Грейвз сидел с этой стороны, где стоит пустой бокал. Он хозяин. Он себе налил, а своему посетителю не предложил. Или, может быть, предложил, но посетитель сердился на него и отказался.

— Все довольно разумно. Наверное, ты права. Хозяин, который не испытывает добрых чувств к тебе, не предложит тебе выпить. Значит, с этой стороны сидел Грейвз. И он не волновался.

— Нам неважно, где он сидел, — сказала Брикки с досадой. — Важно, с кем он сидел.

— Обожди-ка минутку! — Его рука нырнула в узкое пространство между подлокотником и подушкой кресла, на котором, как они решили, сидел посетитель.

— Картонные спички, отрывные, — сказала она разочарованно.

— Я тоже надеялся, что это нечто поважнее, — признался он. — Я заметил уголок. У Грейвза были собственные спички, я их вынул из кармана. Должно быть, эти принадлежат тому, другому. Наверное, он их сунул сюда в волнении. — Он раскрыл конвертик, потом закрыл, хотел бросить, но раскрыл снова.

Он нахмурился.

— Подойди-ка сюда, — сказал он, не отрывая глаз от спичек. — Замечаешь что-нибудь?

— На внешней стороне — реклама жевательной резинки.

— Да нет, не на внешней стороне! Посмотри на спички.

Они рассматривали спичечный конвертик, как какой-то талисман.

— Здесь осталось пять спичек: две в первом ряду и три во втором. Он сжег больше половины спичек для одной сигары, ты это хочешь сказать?

— Нет, ты не понимаешь. Ну, хорошо, смотри: пять оставшихся спичек находятся с правой стороны.

— Да, конечно, — сказала она, — это я с самого начала видела.

— Нет, обожди. Видишь, вот мой конвертик. — Он вынул спички из кармана и дал ей. — Оторви одну спичку, зажги ее и погаси; не задумывайся над тем, что делаешь, просто зажги спичку, как ты зажгла бы ее, например, если бы хотела сварить кофе. Ну, зажигай. Не думай!

Она зажгла спичку, погасила ее и посмотрела на него неуверенно.

— Ну, откуда ты оторвала спичку? С правой стороны. Всякий, кто пользуется такими спичками, держит их в левой руке и отрывает одну спичку за другой справа налево. А в этом конвертике — наоборот. Теперь понимаешь? Человек, который сегодня вечером сидел в кресле, напротив Грейвза, был левой.

Она раскрыла рот и застыла.

— Я не знаю, кто это был, — продолжал Куин, — как выглядит, был ли он убийцей, но я знаю: он из-за чего-то нервничал, изжевал сигару, у него плохие отношения с Грейвзом, и он левша.

Она протянула руку и взяла спички. И вдруг он увидел, что она как-то странно на него смотрит.

— Прости меня, Куин, — сказала она сочувственно.

— Что такое?

— Все это никуда не годится.

— Почему, как?..

— Это была женщина. Понюхай, — сказала она. — Просто поднеси их к носу.

Он возмущился:

— Ты хочешь сказать, что эту сигару изгрызла женщина? В этом кресле сидела женщина?!

— Я ничего не хочу сказать ни о кресле, ни о сигаре, просто прошу тебя понюхать эти спички. Ну что?

Она видела по его лицу, что он сдается.

— Духи, — сказал он кисло. — Очень легкий запах духов.

— Спички из дамской сумки. Их носили в сумке целый день. В надушенной сумке. Это сразу видно. Она открывала сумку здесь раз или два. Я почувствовала запах и в коридоре, в темноте. В этой комнате сегодня была женщина.

Он не хотел сдаваться.

— А как насчет сигары? Кто выкурил две сигары — одну крепкую и одну слабую, одну спокойно, а другую — нервничая? Не думаешь ли ты, что он сам?

— Может быть, здесь сегодня был и мужчина — раньше женщины, — а может быть, после. А может быть, вместе!

— Нет, этого не может быть, — сказал он твердо. — Окурок сигары показывает, что мужчина сидел в этом кресле лицом к нему, и, судя по спичкам, женщина тоже сидела здесь. Не могли же они сидеть одновременно!

— А может быть, он попросил спички у нее. Он сидел здесь в кресле и разговаривал с Грейвзом, а она сидела где-нибудь еще и слушала их.

— Не пойдет! Если бы у него кончились спички, здесь где-нибудь была бы пустая коробка или пустой конвертик. Нет, они были не вместе.

— Ну, хорошо, они были не вместе, но это нам ничего не дает. Кто пришел первый? Ведь убийца — тот, кто пришел последним.

— Мы очень скоро разберемся в этом деле, — сказал он мрачно.

«Тик-так, тик-так, тик-так...»

Они стояли около кресла и посмотрели вниз, на пол. Может быть, потому, что они так внимательно смотрели на пол, чтобы

не смотреть на часы, они заметили это, хотя ковер был коричневым. Она внезапно нагнулась и подняла что-то, лежавшее на полу, возле кресла, на котором они нашли спички.

— Нашла еще что-то? — вздохнул он.

— Посмотри, — ответила она.

Маленькая, коричневая: две дырочки и полукружья других двух. Завиток коричневой нитки в одной из них.

— Сломанная пуговица, — прошептал он.

— От жилета?

— Нет, пиджачная, от манжет. Знаешь, с наружной стороны рукава. Она, наверное, давно треснула, а сегодня, наконец, оторвалась. — Он вдруг замолчал. — А может, это пуговица Грейвза? Может, она валялась уже давно?

— Ну что ж, давай посмотрим его костюмы, прежде чем пойдем дальше. Слава богу, это-то мы можем сделать. Пуговица от коричневого или бежевого костюма. Не надо быть женщиной, чтобы знать, что на серых или синих костюмах не бывает коричневых пуговиц. А он лежит в смокинге. Значит, нужно посмотреть в шкаф.

Она вошла в спальню, открыла шкаф, протянула руку к выключателю.

— Окна в порядке?

— Да, я задернул. — Он широко раскрыл глаза, посмотрев через ее плечо. — Смотри-ка! Сколько же человеку нужно прожить, чтобы носить такое количество костюмов!

Они одновременно подумали об одном и том же, но ничего не сказали: он-то прожил недолго.

— Вот коричневого цвета костюм, к которому такая пуговица могла бы подойти. — Она сняла вешалку, подняла один рукав, затем другой, провела пальцем по пуговицам жилета. — Все здесь. — Повесила на место. — Вот коричневый, — она сняла его, проверила.

— Посмотри еще пуговички на заднем кармане брюк, — сказал он, — там обычно карман застегивается на пуговицу; по крайней мере у меня так.

— И здесь пуговицы на местах. — Она повесила костюм на место. — Вот и все. Нет, подожди, еще какой-то пиджак висит на вешалке сзади: наверное, очень старый. Тоже коричневого оттенка. — Она проверила его и повесила обратно. — Не такие пуговицы, здесь они без дырочек, с глазком на задней стороне. — Она закрыла дверцу. — Так вот, пуговица от пиджака человека, который приходил сюда, который жевал сигару, злил-ся на него и — может быть! — был левша.

Они вернулись в комнату.

— Теперь, Куин, мы знаем о нем еще кое-что. Ты понимаешь? На нем коричневый или бежевый костюм, на рукаве которого не хватает одной пуговицы. Господи, если бы мы были настоящими сыщиками, знаешь, что мы могли бы с этим сделать?! Да нам и половины этих сведений хватило бы.

— Но ведь мы, слава богу, не сыщики, — сказал он.

— Сегодня нам придется ими быть.

— Нью-Йорк — самый большой город в мире.

— Ну что ж, может быть, нам поэтому будет только легче, а не труднее. Если бы это был маленький городок, почти де-

ревня, как у нас там, дома, они бы знали, что их могут обнаружить, и прятались бы. Они бы приняли меры предосторожности, и мы бы никогда не смогли... А Нью-Йорк такой большой, что они чувствуют себя в безопасности. И они, может быть, даже не будут прятаться. Ведь можно и так смотреть на это, да?

— Все бесполезно, Брикки! — простонал он. — Какой смысл обманывать себя? Это не детская сказка, где при помощи колдовства все можно сделать.

— Не надо, — сказала она тихо. — Пожалуйста, не надо. Не заставляй меня стараться за двоих. — Она опустила голову.

— Я трус, — сказал он. — Прости меня!..

— Нет, ты не трус, иначе мы не были бы сейчас здесь.

«Тик-так, тик-так, тик-так...»

— Я сейчас обернусь и посмотрю на них, и ты тоже, — сказала она. — И тогда нам потребуется настоящая храбрость. Но прежде подведем итог. Что мы знаем? Два человека. Две тени, но все-таки они существуют. Один из них — а не оба! — убийца. Нам надо найти его, иначе они решат, что ты..

Он хотел что-то сказать.

— Нет, дай мне кончить, Куин! Я говорю столько же для себя, сколько для тебя. Итак, мы должны найти их, узнать, куда они пошли, и пойти за ними и вытрясти из них признание. Вот задача, которая стоит перед нами. И мы должны это сделать, пока не кончится ночь. На рассвете, в шесть часов, отходит автобус домой, последний автобус. Запомни это, Куин, — последний! Мне наплевать на расписание. Для нас этот автобус — последний, последний во всем белом свете. Автобусы будут продолжать ходить, но не для нас. Нам нужно выбраться из Нью-Йорка до рассвета. Теперь за дело, — кивнула она. — Мы не можем вместе заниматься обоими.

Он удивился.

— Ты ведь хотела, чтобы мы были вместе, ты поэтому и пришла сюда со мной, а не пошла на станцию.

— Теперь у нас мало времени. Нам придется разделиться, хотим мы этого или нет. Вот послушай: у нас тут есть две возможности — мужчина и женщина, которые оба приходили сюда сегодня в разное время. Один из них ни в чем не виноват, а другой — убийца. Надо узнать кто. Мы не можем искать сначала одного, а потом другого. Надо идти за ними одновременно, это наша единственная возможность. Мы можем ошибиться только один раз, а если мы ошибемся вместе — мы пропали. Если мы разделимся, и один пойдет за одним, а другой — за другим, у нас равные шансы. Один из нас может охотиться понапрасну, но зато другой — нет. В этом наша надежда. Ты займись мужчиной, а я — женщиной. Теперь слушай внимательно. У нас мало улик, и нам надо выжать все из того, что мы знаем. Ты должен найти человека в коричневом костюме или костюме коричневого оттенка, на котором не хватает пуговицы. Может быть, он левша, а может быть, и нет. И вот все, что у тебя есть. А я буду искать женщину, которая наверняка левша и которая душится очень резкими духами. Я не знаю, как эти духи называются, но я узнаю их, если опять почувствую.

— У тебя меньше шансов, чем у меня, — запротестовал он. — У тебя вообще ничего нет.

— Да. Но ведь я девушка, а поэтому наши шансы равны — мне интуиция поможет.

— Но что ты сможешь сделать, даже если ты ее найдешь? Голыми-то руками? Ты ведь знаешь, с кем столкнешься...

— У нас нет времени для того, чтобы бояться. У нас есть время только для того, чтобы броситься в это дело и как-нибудь выплыть. Мы встретимся опять здесь, в этом же доме, не позже чем без четверти шесть. Может быть, с пустыми руками, а может быть, с успехом. Нам надо будет так сделать, чтобы успеть на автобус в шесть часов.

Она подошла к трупу и нагнулась.

— Я возьму его входной ключ — тот, что был у него в кармане, а у тебя останется первый. — Она глубоко вздохнула. — А теперь давай обернемся и посмотрим...

«Тик-так, тик-так, тик-так...»

— О боже! — голос ее сорвался. — Три часа!..

ТРИ ЧАСА

Внезапно тишина исчезла.

— Что это такое?! — Ужас был, как холодный поток воды, хлынувший на них. Они были как две мышки, попавшие в затопленный подвал; они были на поверхности водоворота и знали, что их сейчас затянет. Страх был похож на тихий звон колокольчика — тоненький, мягкий звон: «Тинга-линг-линг!» Все снова и снова — невидимый для них, но относящийся к ним, относящийся к дому, в котором они находились.

Сначала они окаменели, и только их глаза пытались найти место, откуда идет этот ужас. Они не могли понять, откуда идет звук. А он был повсюду — «тинга-линг-линг!» — мягкий, бархатный, нескончаемый звук.

— Это что, сигнализация от воров? — прошептала она. — Мы до чего-нибудь дотронулись?

— Это оттуда, из спальни; должно быть, там будильник...

Они бросились к спальне — мышки на волне страха. Там, на туалетном столе, — маленький будильник. Куин поднял его, потряс, приложил к уху.

«Тинга-линг-линг!» — звук был не ближе, чем прежде, он был повсюду.

Он поставил часы, опустил на четвереньки и начал заглядывать в разные места как зверек.

— Обожди минутку, там какой-то ящик, у стены под кроватью, белый. Отводной телефон!

Куин вскочил на ноги, бросился к изголовью кровати, обошел ее, потом протянул руку за спинку — примерно на уровне матраца — и вытащил аппарат.

— Он подвешен вот здесь, за кроватью. Он мог снять трубку, не поднимая головы с подушки. Звонок приглушен, чтобы не слишком сильно било в уши. Должно быть, внизу есть еще один телефон, а здесь только отводная трубка, поэтому нам казалось, что звук идет отовсюду.

А телефон продолжал звонить в его руках — неустанно, как мольба: «Тинга-лингга-линг!»

Он посмотрел на нее беспомощно.

«Тинга-лингга-линг!» Это никогда не прекратится!

— Кто-то, кто не знает, что случилось, пытается дозвониться ему. Я сейчас отвечу.

Она схватила его руку, холодную как лед.

— Смотри, это может привести сюда полицию. Тот, кто звонит, узнает, что это не его голос.

— А если я буду говорить тихо, неясно, то не догадаются... Может быть, мы что-нибудь узнаем. Может быть, какое-нибудь слово нам что-нибудь подскажет. Стой рядом со мной. Ну, я начинаю.

Он поднес трубку к уху так осторожно, как будто она была заряжена током.

— Алло, — сказал он.

Она едва слышала его слова, так тихо говорил он, глотая звуки.

Ее сердце колотилось, их головы были прижаты друг к другу, ухо к уху. Они слушали этот призыв из ночи.

— Дорогой, — сказал голос, — это Барбара.

Она посмотрела на фотографию на туалетном столе. Барбара, девушка в серебряной рамке.

«Боже, — подумала она с ужасом. — Можно обмануть кого угодно, но не любящую девушку. Она слишком хорошо его знает, нам никогда не...»

Его лицо побледнело от напряжения, и ей казалось, что она ощущает, как пульсирует кровь в его виске.

— Стив, дорогой, не оставила ли я у тебя мою золотую пудреницу? Я ее не могла найти, когда вернулась домой, и я беспокоюсь о ней. Посмотри, может быть, она у тебя. Может быть, ты сунул ее в карман?

— Твою пудреницу? — сказал он невнятно. — Подожди минуту...

Он прикрыл трубку рукой.

— Что мне делать, что говорить?

Бриikki бросилась в другую комнату, затем вернулась, держа в руке что-то, блестящее при свете лампочки.

— Скажи «да» и продолжай, только говори тише, очень тихо. Пока все в порядке. Ей ведь на самом деле не это нужно, она не из-за пудреницы звонит. Если ты будешь осторожен, то сможешь что-нибудь узнать.

Она снова прижалась ухом к трубке. Он снял руку с микрофона.

— Да, — промямлил он, — она у меня.

— Я не могла заснуть, поэтому я тебе и позвонила. Не из-за пудреницы.

Он посмотрел на Бриikki взглядом, говорящим: «Ты права».

А голос ждал. Теперь была его очередь что-то сказать. Бриikki подтолкнула его локтем.

— Я тоже не мог заснуть.

— Если бы мы были женаты, насколько все было бы проще, правда? Тогда бы ты вынул мою пудреницу из своего кармана и положил ее на наш туалетный стол в нашей спальне.

Бриikki на мгновение закрыла глаза и поежилась. «Она делает предложение мертвецу», — подумала Бриikki.

Голос продолжал:

— Мы никогда не расставались поссорившись, как сегодня...

— Я сожалею об этом, — сказал он тихо.

— Может быть, если бы мы не пошли туда, в этот ресторан «Пероке», ничего бы не случилось.

— Да, — согласился он покорно.

— Кто она?

На этот раз он ничего не сказал. Голос был терпелив.

— Кто она, Стив? Эта высокая рыжая женщина в светло-зеленом платье?

— Я не знаю, — ответил он, потому что это было единственным, что он мог сказать. Оказалось, что это правильный ответ.

— Ты уже говорил мне это. Поэтому мы и поссорились. Если бы ты не знал ее, зачем бы она подошла к тебе?

Он не отвечал — не мог ответить.

— И она передала тебе записку. — Голосу казалось, что его молчание означает отрицание. — Я видела, как она это сделала, когда ты отошел к стойке бара. Я видела собственными глазами! А потом, когда мы вернулись к нашему столику, почему ты кивнул ей? Да, я это тоже видела, я видела это в зеркальце моей пудреницы, когда ты не мог видеть, что я смотрю. Кивнул, как будто хотел сказать: «Я прочел то, что вы написали, и я сделаю то, что вы хотите».

Наступила пауза. Голос давал возможность сказать что-нибудь, но Куин не мог воспользоваться паузой.

— Стив, я поступаю своим достоинством и звоню тебе. Неужели ты не пойдешь мне навстречу? — Она ждала, что он что-нибудь скажет.

Он молчал.

— Ты сразу изменился с этого момента, как будто тебе хотелось поскорее проводить меня домой, избавиться от меня. Я плакала, Стив. Я плакала, когда ты ушел, и я плачу теперь. Стив! Стив, ты слушаешь меня?

— Да.

— Ты так далеко. Это что, телефон?

— Наверно. Плохо слышно, — сказал он полупшепотом.

— Но, Стив, ты говоришь так, будто боишься со мной разговаривать. Я знаю, это смешно, но мне кажется, что ты не один. Ты как-то странно... Как будто кто-то стоит с тобой рядом и подсказывает тебе, как суфлер на сцене.

— Нет, — пробормотал он.

— Стивен, ты не можешь говорить громче? Ты шепчешь, будто боишься кого-нибудь разбудить.

«Мертвого», — подумала Брикки.

Он снова закрыл рукой трубку.

— Она чувствует! Что говорить?

Брикки поняла, что от отчаяния он сейчас повесит трубку.

— Не надо! Не вешай трубку, ты себя выдашь.

— Стивен, мне не нравится, как ты себя ведешь. Что там происходит? Это Стивен? Я со Стивеном говорю?

Он снова прикрыл микрофон.

— Она догадалась, мы погибли.

— Не теряй голову! Поверни трубку в мою сторону.

Внезапно она заговорила — громко, грубым, пьяным голосом, прямо в телефонную трубку:

— Миленький, мне надоело ждать, я хочу еще выпить. Долго ты там будешь разговаривать?

Там, на другом конце, произошел взрыв — неслышный, невидимый взрыв, однако он почувствовал взрывную волну, идущую по проводу. И потом голос как будто скрылся под пластом боли.

Он зазвучал снова, и в нем не было возмущения, только совершенно нейтральная вежливость.

Голос сказал: «Извини, Стивен», — потом мучительно вздохнул раз или два: «Извини, я не знала». Потом в аппарате что-то шелкнуло и наступила тишина.

— Она — человек, — сказала Брикки с горечью, когда он повесил трубку.

Он вытер рукой пот. Ему было стыдно.

— Жестоко... Она, наверное, его невеста.

Потом он посмотрел на Брикки с удивлением.

— А откуда ты знала, что это заставит ее повесить трубку?

— Но я же тоже девушка, — сказала она с грустью. — А мы все устроены в общем одинаково.

Они посмотрели на портрет в серебряной рамке.

— Она сегодня уже не будет спать, — пробормотал он. — Мы разбили ей сердце.

— У нее все равно было бы разбито сердце. Но мне кажется, что она меньше страдала бы, если б узнала сейчас, что он убит. Не спрашивай меня — почему.

Они вернулись к своим заботам.

— Ну, теперь мы знаем немного больше, чем прежде, — сказал он. — Заполнили еще один пробел во времени. Сначала

они пошли в театр, а потом в этот ресторан, где они поссорились. Как он называется?

— «Пероке». — Она знала всю ночную жизнь ненавистного города. — Это на пятьдесят четвертой улице. Там произошло самое главное. Он, наверное, действительно получил записку.

Брички подошла к фотографии.

— Посмотри на нее: она слишком хороша и уверена в себе, чтобы выдумывать что-то и потом беспокоиться. Если она говорит, что видела, значит видела. Записка была. Теперь надо узнать, что с ней стало. Если бы мы только могли узнать, что он с ней сделал.

— Порвал ее на миллион кусочков.

— Нет! Он не мог сделать это при ней: он же не хотел, чтобы она знала о записке. А когда он проводил ее, уже незачем рвать — она все равно не видит. Он мог оставить записку в целости. Наверное, он так и сделал. Хотелось бы знать, куда он ее спрятал, когда сидел рядом со своей девушкой в ресторане. Ведь записку-то он получил там.

— Мы вывернули все его карманы, там записки нет.

Она задумчиво барабанила пальцами по губам.

— Давай начнем снова, Куин. Ты мужчина. Наверное, вы все действуете одинаково в такой ситуации. Ты находишься в ресторане с девушкой, с которой ты обручен, и тебе только что какая-то незнакомка передала записку, и ты не хочешь, чтобы твоя девушка эту записку видела. Что ты с ней делаешь? Куда ты ее денешь? Отвечай быстро, не задумываясь.

— Ну, я ее могу просто уронить на пол.

— Она может заметить, нагнуться и поднять. Ведь самое главное — она не видела, как он это сделал, а она следила за ним. Он получил записку, и записка исчезла.

— Значит, он ее держал сложенной в руке.

— Ах, да, подумай снова: ты сидишь за столом, и она уже пытается говорить с тобой об этом. Ты закрыт до сих пор. — Она провела линию чуть выше его пояса. — Записка у тебя в руке, и тебе надо быстро избавиться от нее. Ты не можешь спрятать ее в верхний карман, или в бумажник, или в портсигар, потому что она увидит, это выше «ватерлинии».

— Я бы бросил ее под стол.

— Нет, ты ее прочел наспех, один раз. Ты хочешь прочесть снова, но ты сможешь это сделать, когда останешься один. У тебя после записки сразу изменилось настроение — она только что сказала об этом по телефону, — значит, записка была важная, он должен был о чем-то подумать, принять какое-то решение. Такие записки не выбрасывают после того, как один раз на них взглянут. Он спрятал записку, но куда?

— Может быть, он подsunул ее под скатерть со своей стороны?

На мгновение она остановилась, удивленная, потом сказала:

— Нет, не думаю. Как мог он это сделать, чтобы она не заметила? Помни: он успокаивает девушку, которая рассердилась и имеет право сердиться, — девушку, которая сидит рядом с ним, а у девушек примерно шесть глаз и не пять чувств, а дюжина.

Он пытался что-нибудь придумать, но у него ничего не выходило.

— Ну, я не знаю. Я не знаю, куда он мог ее спрятать.

— Куин, — она покачала головой, — твоя жена будет очень счастлива, в тебе нет никакой хитрости.

— Но мне никогда никто не передавал записок в ресторане, когда я был там с кем-нибудь другим, — пробормотал он извиняющимся тоном.

— Я готова поверить тебе, — согласилась она сухо.

Они прошли из спальни в комнату; она остановилась и посмотрела на труп. Всю ночь, казалось ей, они смотрят на этот труп.

— На нем записки нет, я в этом уверен, — сказал Куин. — Может быть, он ее здесь где-нибудь положил, когда вернулся? В письменный стол? Мы еще не смотрели в письменном столе.

— Господи, это займет у нас всю ночь, — сказала она, подходя к письменному столу. — Посмотри, сколько в нем разных бумаг. Я тебе вот что скажу: ты займись ящиками, а я посмотрю, что сверху.

«Тик-так, тик-так, тик-так...» Они были так заняты своим делом, что часы звучали вдвое громче.

— Куин! — вдруг воскликнула она.

Он поднял голову.

— Что, нашла?

Однако она стояла спиной к письменному столу.

— Нет, Куин. Я вот повернулась сейчас и вдруг мне бросилось в глаза — у него дырочка на носке, сбоку, над краем туфли. Это странно, он так хорошо одет. На левой ноге, Куин.

Он подошел к Грейвзу.

Башмак упал с легким стуком. И дырочка исчезла.

— Записка, — сказал Куин.

Записка была написана наспех, карандашом, на клочке бумаги, оторванном от чего-то, и карандаш ложился неровно. Наверное, записку писали на скатерти, во всяком случае — не в удобном месте.

«Вы — мистер Грейвз. Мне бы хотелось поговорить с Вами наедине, у Вас дома, после того как Вы проводите свою даму, именно сегодня вечером. Вы меня не знаете, но я уже чувствую себя членом Вашей семьи. Я не хочу разочароваться, не застав Вас дома».

Подписи нет.

Брикки радовалась:

— Понимаешь, она была здесь, была здесь. Она приходила сюда. Она-то и есть та женщина, спички которой мы здесь нашли. Мы были правы!

Он не был так уверен.

— Но ведь тот факт, что он получил записку и спрятал ее в башмак, не доказывает, что она в самом деле приходила сюда.

— Она была здесь! Можешь быть в этом уверен.

— Откуда ты знаешь?

— Эта женщина не нежный цветок. Женщину, которая пишет такую вызывающую записку и передает ее при всех, но стараясь, чтобы никто не увидел, такому богатому человеку,

как Стивенс Грейвз, не будучи с ним знакома, — ты обратил на это внимание, — и под носом у его невесты, — такую женщину ничто не остановит. Раз она решила прийти сюда, к нему, — она это сделала. Ты вот прочти: «...именно сегодня вечером». Эта дамочка была здесь, могу спорить на свой последний доллар.

Потом она добавила:

— И если тебя не убеждают мои соображения, вспомни о другом.

— Что ты имеешь в виду?

— А вот что — духи, какими пахли спички, подходят именно такой женщине. Как только мы вошли в эту комнату, мне показалось, что здесь была женщина немного вульгарная. Такого рода женщина именно такую записку и напишет, и у такого рода женщин сумки бывают надушены. Она здесь была, — повторила Брикки упрямо.

— И все же из этого не следует, что она его застрелила. Может быть, она и была здесь, а потом ушла. И пришел человек, который изжевал сигару, после того как она ушла.

— Об этом ничего не знаю. Я знаю, что в этой записке достаточно много сказано, чтобы можно было подозревать все, что угодно.

— Да, в этой записке есть угроза, — признался он.

— Есть угроза? Да вся эта записка — сплошная угроза, с первого слова до последнего. Смотри, как она начинается: «Вы — мистер Грейвз», — и кончается: «Я не хочу разочароваться, не застав Вас дома». Разве все это не угроза?

Он снова прочел записку.

— Наверное, это вымогательство. Как ты думаешь?

— Конечно, вымогательство. Когда люди угрожают, они большей частью требуют денег, а особенно когда женщина угрожает мужчине.

— «Я уже чувствую себя членом Вашей семьи». Что она хочет этим сказать? — недоуменно проговорил Куин.

— А он догадывается, что она знает что-то о нем — он сам пошел ей навстречу. Ты понимаешь, что я хочу сказать? Барбара боялась записки другого сорта: она ревновала, она боялась слишком дружеской записки, она думала, что он с кем-нибудь флиртует за ее спиной; он мог бы ее очень просто успокоить — показать записку. А он не показал, хотя она с ним из-за этого поссорилась. Почему он не хотел показать ей записку? Или скажем так: почему он не встал из-за стола и не пошел сразу к той женщине? Почему он ей не сказал: «Кто вы такая, что вам нужно и чего вы хотите, — говорите прямо».

Она покачала головой и продолжала:

— Он знал, что за запиской что-то кроется, что это не просто блеф. Главное — мы знаем, что здесь была женщина. И я уверена, что мы ее найдем. Я сейчас пойду и буду ее искать.

— Но мы не знаем ее имени, не знаем, как она выглядит, где ее искать.

— Мы знаем, что она была в ресторане «Пероке» около двенадцати часов ночи. Наверное, ее там кто-нибудь заметил. Его девушка кое-что рассказала. Высокая женщина, с рыжими во-

люсами, в светло-зеленом платье. Не может быть, чтобы все женщины в ресторане были рыжеволосые и в светло-зеленых платьях. — Брикки развела руки. — Посмотри, сколько у нас примет.

— Но ресторан уже закрыт.

— Люди, которые действительно могут помочь, все еще там: официанты, гардеробщицы, женщина в туалетной комнате. Я буду ее искать, и я найду ее!

— Я иду с тобой.

Он прошел в спальню и выключил там свет. Потом прошел в ванную.

— Одну минутку, — сказал он, — я хочу выпить воды.

Она вышла на лестницу и ждала его, спустившись на две-три ступеньки. Он все не шел. Она вернулась в освещенную комнату.

Он стоял там неподвижно у двери в ванную. Еще прежде чем она подошла к нему, она поняла, что он что-то нашел.

— В чем дело?

— Посмотри, что лежало в ванне. Должно быть, занавеска от душа прикрыла эту бумажку, а когда я открывал кран — я задел за занавеску. И вот это лежало там, на дне ванны.

Это было светло-голубого цвета.

— Чек, — сказала она. — Что это за чек? Дай-ка посмотреть.

Чек на двенадцать с половиной тысяч долларов, на имя Стивенса Грейвза. Подписан Артуром Холмзом. И по диагонали, по всему чеку, крупными буквами: «Возвращается. На текущем счете средств нет».

Они озадаченно посмотрели друг на друга.

— Каким образом такой чек мог попасть в ванну? — удивилась она.

— Это несущественно. Должно быть, чек лежал в сейфе, а когда я вытаскивал ящик — дыра как раз над ванной, — он мог просто выскользнуть и упасть в ванну, а я этого не заметил. А потом я задернул занавеску и увидел его только сейчас. Но не в этом дело. Неужели ты не понимаешь, что это значит?

— Мне кажется, я понимаю. Ты хочешь сказать, что Холмс и есть тот нервный посетитель, который жевал сигару?

— Я готов держать пари, что это так. Убить человека за двенадцать с половиной тысяч!.. Ого-о!.. Есть люди, которые и за тысячу...

— Так, значит, этот Холмс пришел сюда поздно вечером — повидаться с Грейвзом и расплатиться или попросить его не подавать в суд, пока он не соберет достаточно денег, чтобы расплатиться? И, может быть, потому, что Грейвз не смог найти чек в сейфе, Холмс решил, что он подаст на него в суд? Они начали спорить об этом, и Холмс застрелил его.

— Холмс... — сказала она задумчиво, покусывая палец. — Я слышала это имя или видела его где-то сегодня. Обожди-ка минутку! Разве у него в бумажнике, среди визитных карточек, не было карточки Холмза?

Она встала на колени возле трупа, подняла бумажник и просмотрела две или три карточки. Потом подняла голову.

— Ну вот, я тебе говорила! Холмс — это его маклер. Вот посмотри.

Он подошел к ней, все еще держа чек в руке.

— Смешно. Я не очень много знаю о таких вещах, как чеки, но мне казалось, что клиенты дают чеки своим маклерам, а не наоборот. Да еще чек, по которому нельзя получить деньги.

— Наверно, есть какая-то причина. Может быть, Холмз присвоил себе какие-нибудь акции, которые он пускал в оборот для Грейвза, а потом Грейвз потребовал у него отчета раньше, чем он ожидал, и он попытался оттянуть время тем, что дал ему негодный чек. А когда чек вернулся из банка и Грейвз пригрозил, что он его арестует...

— А на карточке есть адрес?

— Нет, только название фирмы в уголке.

— Ну, все равно. Я его разыщу. — Он подтянул пояс. — Пошли. Ты можешь отправляться на автобусную станцию и ждать меня там.

Она не двигалась с места.

Он спросил:

— Ты ведь согласна, что это Холмз?

— Нет, — к его удивлению, сказала Брикки. — Нет, не согласна. Я все еще считаю, что это дама из ресторана.

Он помахал чеком перед ее лицом.

— Но почему? Ведь мы нашли это.

— По разным причинам. Во-первых, если Холмз действительно убил его, то ради того, чтобы забрать чек. Правильно? Уж если бы он убил человека из-за чека, он бы искал его, пока не нашел, потому что он знал, что чек все равно приведет к нему, когда его найдут.

— А что, если он искал его и не мог найти?

— Ты же нашел? — только и ответила она. — А еще кое-что заставляет меня думать, что последней здесь была женщина. Я знаю, ты будешь смеяться, но... Грейвз был в смокинге, когда его убили.

— Ну, Брикки... — запротестовал он.

— Я так и знала, что ты не примешь это всерьез. Но у меня создалось такое впечатление, не знаю почему, что он не мог без пиджака принимать женщину, даже если эта женщина — шантажистка. Не такой он был человек, мне кажется. Если бы последним здесь был Холмз, мы нашли бы Грейвза либо в жилете, либо просто в рубашке. Так мне кажется, и я не пытаюсь убедить тебя в этом. Просто мне так подсказывает интуиция. И я уверена, что права: последней здесь была женщина.

После небольшой паузы он невесело засмеялся.

— Сначала никаких следов, а теперь слишком много!

— Нам нужно разделить, времени у нас совсем мало. Один из них — преступник, а один — нет. Мы не можем себе позволить ошибиться. Нам надо с первого же раза угадать. И мы не можем пойти сначала по одному следу, потом — по другому.

— Это сделал Холмз! Больше никому. Все говорит о том, что это он!

— Да, у Холмза достаточно мотивов застрелить Грейвза, — согласилась она. — Вполне достаточно. Но мы даже не знаем точно, был ли он здесь сегодня. Да, женщина... Он получил от нее записку, и в записке сказано, что она придет сюда. И жен-

щина здесь была. Но ведь это не доказывает, что была именно та женщина. Может быть, другая? Человек, по имени Холмз, дал ему чек, который вернулся из банка. И какой-то человек был здесь сегодня ночью, спорил с ним, жевал сигару. Но, может быть, это тоже два совершенно разных человека?

— Теперь у тебя уже получилось четыре человека.

— Нет, все еще два: один для тебя, один для меня. Я пойду за женщиной, а ты — за мужчиной. И без четверти шесть мы должны вернуться сюда.

Свет погас, и мертвое тело исчезло в темноте. Они спустились вниз.

— Увидимся, Куин, — вот и все, что она сказала, когда стояла рядом с ним в темном холле.

Она обождала несколько минут, чтобы не выходить сразу вслед за ним. Когда она вышла, его уже не было видно. Исчез, словно его никогда и не было. Или, вернее, словно она его никогда больше не увидит.

А Нью-Йорк не исчез. Подлый, насмехающийся, гнусный город.

(Окончание следует)

ДАВНО ЛИ СУЩЕСТВУЕТ СТЕНОГРАФИЯ!

Многие ли знают, что первая система скорописи была создана очень давно — рабом римского политического деятеля и оратора Цицерона Марком Туллием Тироном. В награду за изобретение Цицерон даровал Тирону свободу и сделал его своим личным секретарем. Благодаря изобретению Тирона до нашего времени дошли многие из речей римского оратора.

Система Тирона была в ходу вплоть до средневековья.

Затем в конце XVI века несколько новых систем стенографии появилось в Англии. Интересно отметить, что все произведения Шекспира печатались со стенографических записей. Поэтому текст шекспировских пьес изобилует столькими вариантами.

Ю. ПЛЕНКИН

ИЗ БЛОКНОТА ИСКАТЕЛЯ

Криминалисты- пожарные

Можно ли разгадать причину пожара уже после того, как от здания остались одни стропила? Ведь это бывает важно: найти виновника, устранить возможность возникновения такого несчастного случая в будущем.

Да, есть пожарные-криминалисты, есть даже у них своеобразный музей, где хранятся экспонаты — виновники пожаров.

Вот один из них — электрический утюг. У него многое удалось «выведать»: не только определить виновника, но и спасти честное имя человека, на которого пало подозрение в поджоге.

Несчастье случилось в одном из районов Коми АССР. Вечером в детдоме возник пожар. Очевидцы рассказали, что он начался в сушилке, рядом с прачечной. Прачка утверждала, что она погасила свет, выключила утюг и отдала ключ поварихе, а та, мол, чтобы скрыть хищение, подожгла дом.

Пожарным на месте не удалось установить причину бедствия. Собрав вещественные доказательства, в том числе и утюги, милиция отправила их в Ленинград, на тамошнюю пожарно-испытательную станцию. Расследование поручили вести старшему инженеру К. П. Смирнову.

...Есть такое понятие — цвета побежалости. Если стальное изделие нагревать, то при температуре до 220 градусов на нем появится бледно-желтая окраска. При более сильном нагреве цвет стали последовательно изменяется, становясь золотисто-желтым, пурпурным, фиолетовым, голубым, синим и, наконец, черным.

На утюге, который доставили в лабораторию, были все цвета побежалости, но преобладали голубой и синий. Из этого следовало, что утюг нагревался более чем до трехсот градусов. Внутри утюга преобладал черный цвет. Он появляется при температуре свыше четырехсот градусов. И хотя было ясно, что внутренность утюга нагревалась значительно сильнее, чем внешние части, требовалось найти более веские доказательства того, что пожар вызвал утюг, оставленный включенным в сеть.

Осматривая корпус, инженер Смирнов заметил на нем мелкие желтые вкрапления — брызги расплавленной меди. Они могли появиться только при коротком замыкании. Казалось, теперь можно с уверенностью считать, что виновник пожара — утюг. Но могло быть и совпадение: утюг был включен, а пожар возник по другой причине и вызвал короткое замыкание.

Снова поиски. И доказательства «виновности утюга» стали не-

опровержимыми. Там, где фарфоровая колодка соприкасается с асбестовой прокладкой, асбест приварился к фарфору. Температура плавления фарфора выше точки плавления стали. Следовательно, трудно представить, что фарфор расплавился от пожара. В таком случае сначала расплавился бы стальной корпус.

Когда доказательства были собраны, следователь выехал на место и еще раз поговорил с прачкой. И та призналась, что не проверила в тот вечер утюги, а на повариху наговорила зря.

Вот еще один экспонат — кусочек слипшейся торфяной пыли.

В старом деревянном доме вспыхнуло перекрытие между первым и вторым этажами. Пожар потушили, дом спасли. Но почему он загорелся?

Расследование поручили инженер-лейтенанту Н. П. Смирновой.

На месте происшествия она обнаружила, что перекрытие между этажами было засыпано торфом. Старый, лежалый торф не мог самовозгореться. Инженер-лейтенант собрала его в том месте, где начался пожар. В лаборатории при исследовании горящего торфа в ультрафиолетовых лучах ею было замечено едва видимое желтоватое свечение.

Это указывало, что в торфе есть какие-то масла. Ими оказались растительные масла, способные самовозгораться. При опросе хозяйки квартиры, где начался пожар, установили: в углу комнаты когда-то стояла швейная машина, и ее смазывали растительным маслом.

Так криминалистика помогает людям устанавливать причины пожаров и бороться с ними.

М. ПОБЕДИМОВ

Судьба братьев Вернеров

В восьмидесятих годах прошлого столетия в московских литературных кругах приобрели известность молодые и энергичные журналисты братья Вернеры. Один из них, Михаил Антонович, кроме статей и очерков, писал романы, а его младший брат, Евгений Антонович, был поэтом.

В 1885 году братья Вернеры приобрели типографию на Арбате и возобновили издание журнала «Вокруг света». Некоторое время спустя Вернеры стали издавать «Сверчок» и «Друг детей». В «Сверчке» в 1886 году Антон Павлович Чехов опубликовал семь рассказов. И в письме к издателю Н. А. Лейкину он так отзывался о братьях Вернерах: «...«Вокруг света» имеет более 20 тысяч подписчиков, а «Сверчок» хватил за 5 тысяч. Каковы ребята?.. Энергичны до чертиков...» Брат Антона Павловича М. П. Чехов, сотрудничавший в «Друге детей», так описывает работу братьев Вернеров в типографии: «Дело нипело, машины гремели, газовый двигатель вспыхивал и пыхтел, и сами Вернеры не сидели барами, сложа руки и дожидаясь прибылей, а оба, по-рабочему одетые в синие блузы, работали тут же не покладая рук... Главное то, что они сами по уши уходили в самую черную работу».

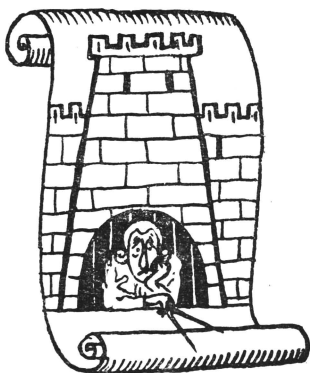
Но энергичность и любовь к работе не спасли Вернеров от краха. «Сверчок» и «Друг детей» прекратили свое существование, а «Вокруг света» в 1891 году перешел к издателю И. Д. Сытину. В 1891 году Евгений и Михаил Вернеры из-за преследований царских властей были вынуждены эмигрировать за границу, где начался другой, не менее интересный этап их деятельности.

Поселившись в Париже, Вернеры сначала пытались заняться журналистикой. Но дело у них не пошло. Тогда они организовали небольшую мастерскую для ремонта биноклей, фотоаппаратов, пишущих машинок и граммофонов. В 1896 году братьям пришла идея установить маленький бензиновый двигатель на велосипед. В следующем году было выпущено 12 таких велосипедов, а в 1898 году для их производства была основана фирма «Братья Вернер и К^о». Братья Вернеры назвали свой моторный велосипед «мотоциклетом». Отсюда и пошло русское слово «мотоцикл». Мотоциклы Вернеров в течение нескольких лет одерживали победы на всех крупных соревнованиях и получили свыше 30 первых и вторых призов. В 1900 году на Всемирной выставке в Париже им были заслуженно присуждены Золотая и Серебряная медали. К началу 1901 года было выпущено свыше 3 500 мотоциклов «Вернер».

Первый практичный мотоцикл, от которого ведут свое происхождение современные мотоциклы, был создан Евгением и Михаилом Вернерами.

В. ДУБОВСКОЙ

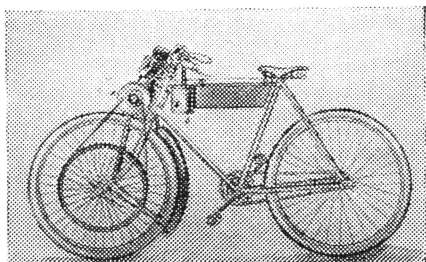
На снимке: один из ранних мотоциклов братьев Вернеров.

ПЕРВЫЙ УЗНИК БАСТИЛИИ

По иронии судьбы первым узником Бастилии — королевской тюрьмы в Париже, которую в 1789 году разрушил восставший народ, — был ее проектировщик и строитель Гуго Обрио, родом из Дижона. Кроме Бастилии, Обрио возвел еще одну тюрьму — «Пти Шатале» («Маленький замок»), куда заточали студентов — членов той буйной корпорации, которая была в постоянной войне с властями и купечеством. Много молодых людей погибло в «Пти Шатале».

Студенты решили отомстить строителю тюрьмы. Они выдвинули против Гуго Обрио, старшины Парижа, обвинения в ереси. Гуго Обрио был арестован, осужден и заключен в тайники Бастилии, им построенной.

НАХОДКИ ИСКАТЕЛЕЙ

Архивные свидетельства о Н. Э. Циолковском

Искать новое о Циолковском, человеке, чья жизнь не первый год интересует историков, совсем не просто. Исследования Кировского краеведа В. Г. Пленкова позволили узнать интересные детали о юности Циолковского, которую он называл «самым грустным, самым темным временем» своей жизни.

Страницу за страницей перелистывал Пленков «Вятские губернские ведомости». В номере от 21 декабря 1868 года он обнаружил сообщение о том, что 14 ноября 1868 года на место столоначальника лесного отделения министерства государственных имуществ «определен согласно прошения учитель землемерно-таксаторских классов при рязанской гимназии, титулярный советник Эдуард Циолковский».

Значит, в Вятку Циолковские приехали не из села Ижевского, как предполагали до этого биографы ученого, а из Рязани. Установил Пленков и то, что Константин Эдуардович окончил в Вятке три класса гимназии.

Архивные находки подобны цепной реакции. Факты, установленные В. Пленковым, помогли другим исследователям. Прежде всего они позволили правильно прочесть некоторые документы, хранящиеся в архиве Академии наук СССР. Теперь можно было с уверенностью утверждать, что Циолковские действительно приехали в Вятку из Рязани, где прожили восемь лет — с 1860 по 1868 год.

Но почему же вдруг семья Циолковских покинула Рязань? Небольшая заметка доцента В. Голоушкина, напечатанная в «Приокской правде», позволяет восполнить этот пробел в биографии ученого. В документе, опубликованном В. Голоушкиным, читаем:

«При большом семействе и недостатке материальных средств, — писал отец ученого Эдуард Игнатьевич, — имея крайнюю необходимость в дальнейшей службе, я по случаю предстоящего закрытия классов прошу выдать копию с формулярного списка о моей службе».

Сопоставьте находку В. Голоушкина в Рязанском областном архиве с находкой В. Пленкова в Кировском областном архиве, и все становится ясным: таксаторские классы закрывались, отцу ученого пришлось искать работу.

Итак, Циолковские в Вятке. Благодаря усилиям Пленкова мы знаем, где работает Эдуард Игнатьевич, где учатся его сыновья. Но Пленков попытался решить еще одну задачу — установить, где же жил Циолковский в Вятке?

Кропотливая работа привела исследователя к выводу, что в 1873 году семья Циолковских жила в доме купца Шуравина по Преображенской улице. Но, установив это, Пленков не мог еще ответить на вопрос: жил ли на этой квартире Константин Эдуардович? Дело в том, что именно в 1873 году Константин Эдуардович уехал из Вятки в Москву учиться. Жил ли будущий ученый в доме Шуравина до своего отъезда или же после возвращения — об этом

документы умалчивали. Так и записал Пленков: «Установить, что семья Циолковских во время пребывания в Вятке все время жила в доме Шуравина, пока не представилось возможным»...

Эстафету поисков подхватил другой кировский краевед, Е. Петряев. Но пошел он иным путем, нежели Пленков. Тщательно прочитав автобиографию Циолковского, Петряев обнаружил в ней запись о смерти брата Игнатия. Игнатий Циолковский скончался в 1876 году, вскоре по возвращении Константина Эдуардовича из Москвы. В тот год в Вятке свирепствовал тиф. Именно это обстоятельство и стало путеводной нитью изобретательного искателя.

«Почти на каждом заседании местного общества врачей, — писал впоследствии Е. Петряев, — шла речь о новых заболевших. В печатных протоколах этих заседаний я встретил доклад губернского санитарного врача А. Радакова об эпидемии... Описывая ход эпидемии, Радаков сообщил: «В конце октября или начале ноября 1876 года захворал брюшным тифом гимназист Циолковский, живший на Преображенской улице в доме Шуравина...»

Необычный способ расследования, которым воспользовался Е. Петряев, позволяет также уточнить и время возвращения Циолковского из Москвы в Вятку. Константин Эдуардович указывает в своей автобиографии, что брат заболел вскоре после его возвращения. Значит, вернулся Циолковский примерно в сентябре — октябре 1876 года.

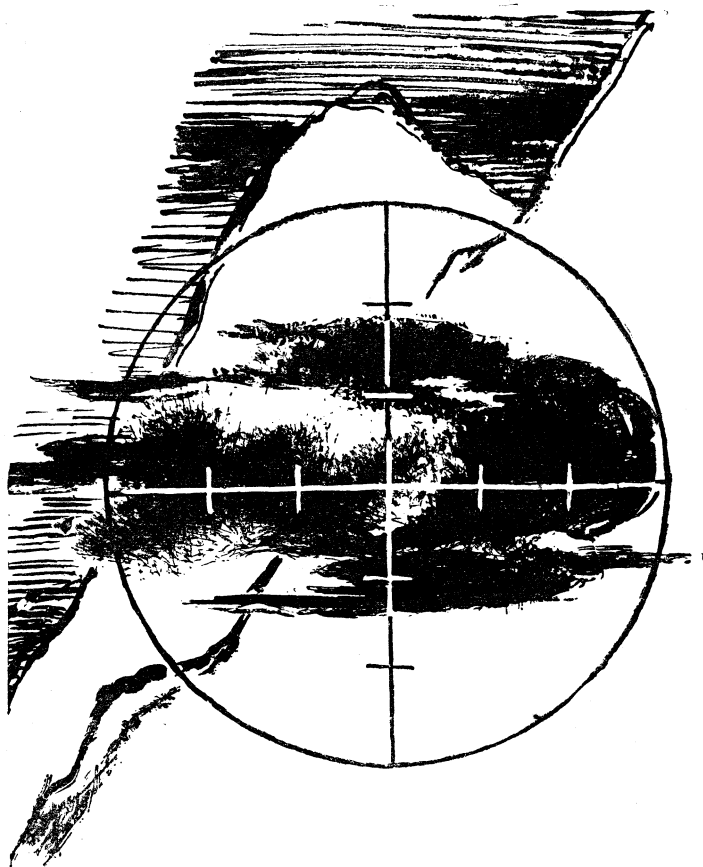
Но даже эти факты не исчерпывают оригинальность аналитических методов Е. Петряева. В ту пору врачи связывали распространение тифозных заболеваний с уровнем почвенных вод под жилищем. Это обстоятельство заставило Петряева обратить внимание на указание в докладе А. Радакова, что никто из заболевших в доме Шуравина не жил в нижних этажах. Петряев сопоставил этот факт с еще одной деталью автобиографии Циолковского и сделал любопытное заключение.

В своей автобиографии Константин Эдуардович писал, что лет четырнадцати он сделал самодельную астролябию и определил с ее помощью расстояние до пожарной каланчи. Это расстояние составило 400 аршин, то есть около 300 метров. Опираясь на эти факты, Петряев установил, что из окон второго и третьего этажей дома Шуравина, обращенных на запад, могла быть видна пожарная каланча, стоявшая в 1865 году на нынешней улице Коммуны. По плану города нетрудно было определить, что расстояние до этой каланчи (сейчас ее нет) составляло примерно 300 метров. Сомнений не оставалось. В доме Шуравина Константин Эдуардович Циолковский жил и до своего отъезда в Москву и после возвращения.

Вот и вся история о том, как были установлены неизвестные ранее факты жизни Циолковского. Быть может, они покажутся не очень значительными, но дорого здесь и другое — настойчивость и изобретательность исследователей, не убоившихся трудностей и не спасовавших перед ними.

М. АРЛАЗОРОВ

ПУТИ В НЕЗНАЕМОЕ

ШЕСТЬ

РАССТРЕЛЯННЫХ

ОБЛАКОВ

(ЭЛЬБРУССКИЙ РЕПОРТАЖ)

ЗДРАВСТВУЙ, МИНГИ-ТАУ!

До войны Сулаквелидзе был аспирантом Тбилисского университета и инструктором альпинизма. Воевать ему тоже пришлось в горах. Но и теперь, когда он снова жил в Тбилиси, когда прошло столько лет, Георгий Константинович не расстался с вечными снегами гор. Он видел снег — белый и голубоватый, легкий и грузный, то порхающий светлым мотыльком, то лавинный, сметающий гордые корабельные сосны на горных склонах. Снег был для него не только воспоминанием, а делом, поиском. Сулаквелидзе работал над темой «Тепловой баланс снегового покрова». В Грузии? Да. Линия снегов здесь куда больше, чем линия пляжей, и это не только слалом в Бакуриани, но и лавина, нависшая над селением. Девяносто шесть лавинных логов, этих постоянных путей снежинки, ставшей хищником, насчитал Сулаквелидзе со своим сотрудником Читадзе на каких-нибудь пятнадцать километрах пути от Коби до Гудаури!

Он работал над своей темой, когда в Геофизический институт позвонили из Академии наук Грузии, попросили его, Сулаквелидзе, включиться в бригаду научных работников, которой надлежало дать заключение о деятельности Гидрометеорологического института. Попросили лично познакомиться с работами института по изучению града...

Он ясно сознавал все народнохозяйственное значение этой проблемы в масштабе республики. Именно проблемы... Капелька, поднятая током воздуха с земли, капелька, плывущая облаком в сонме себе подобных, из переохлажденной зоны возвращается на землю ее врагом, этакой ледяной саранчой. Один ее налет на виноградные долины Алазани — и разор чуть ли не в миллионы рублей, зачеркнутый за минуты труд людей в течение всего года!

Он это знал, но теперь, когда пригляделся внимательнее...

Солнечное майское утро. И только где-то над дальними хребтами несколько пятнышек-тучек. Сулаквелидзе едет в Руиспире: поручение горкома побывать, как лектору, в селах вокруг райцентра.

Утром он спустился с галерейки, опоясывающей домик в Телави, с аппетитом вдохнул и свежего воздуха гор и кислотогамо духа сложенного большими, с автомобильные скаты, кругами деревенского сыра. По старой инструкторской привычке оглядел синие, и пурпурные, и золотистые горы, небо над ними.

— День, видать, подходящий, — приветствовал его шофер. — И по прогнозу так же.

Сулаквелидзе покачал головой.

Он уже приметил в небе небольшое пятнышко. Что-то не так в небесном котле! Ему вспомнилось давнее восхождение. И простодушный, мудрый сван Чичико Чартолани, который вел их, новичков из Тбилисского университета.

Утром Чартолани распахнул полог палатки и придиричиво оглядел небо слева направо. И еще раз — справа налево. Что это ты так, Чичико? Небо, как вымытое к Первомаю окно, погода кондиционная. Ребята сильные. Маршрут подходящий.

— Погоды не будет, — только и сказал Чичико.

А всего-то пятнышко висело. Одно на всю небесную светлоту. Сван повернулся к Эльбрусу. Над ним вставало солнце, но сам двуглавый словно покрывался марлей, и она повторяла его очертания. Ветер принес холод ледников.

— Только и успеем спуститься, — сказал Чичико.

Спустились на три веревки. И тут ветер — сырое и ледяное дышание горы. Взметнувшийся снег. Ослепший воздух. Не видно было даже соседа по веревке... Успели добраться до скал, втиснуть и расчалить палатки. И четыре дня отсиживались, слушая, как град царапает по полотнищу.

Сейчас машина катила по Алазанской дороге, но Сулаквелидзе все еще видел перед собой ледяную пустошь Ушбинского плато, то пятно на горизонте, которое породило высотную бурю. Вот и теперь... Машина взбиралась на гору, когда по склону скатилась первая волна крупы. На вершине Сулаквелидзе распахнул дверцу. Ну и шпарит этот град!.. Он поднял воротник пиджака, пошел по склону, раздувая намокшие усы. Опустил к земле вытянутый палец — ушел до второй фаланги в белесый слой. Сулаквелидзе выбрал градину, положил на маленькую загорелую ладонь. Поднял к глазам, повернул в сторону солнца. Мутный наружный слой. Под ним только угадывается плотность льда.

— Поехали дальше, — сказал, сильно захлопывая дверцу.

...Виток дороги за витком. Сулаквелидзе высовывается из кабины, оглядывается.

Вчера ехал здесь же — сплошной виноградной улицей, в нежной зелени плодов. А сейчас километра на четыре, определил он глазом бывалого артиллериста, оголенные, поникшие лозы, ну, совсем как человек, бессильно опустивший руки. И это — град.

Новая полоса зелени... Сулаквелидзе на миг зажмурился. Льющееся навстречу дыхание наливающих плодов. Так бывает,

когда спускаешься с гор к морю и просоленное его дыхание заглушает запах шоссе. Промелькнули шпалеры «хихви» и «твиши».

И снова километровые плечи.

«Град!..»

Он сердито жевал потухшую папиросу и напоминал самому себе, что его тематика сегодня — снег, баланс теплопроводности, механические и физические свойства снегового покрова, с прицелом сказать свое слово по лавинам.

Час спустя они сели за стол, и ему вспомнился услышанный в заграничной туристской поездке извечный тост виноградарей Вероны или Сицилии: «За спасение от града!» А что? Для них — тех, кто своим потом поливает виноградную лозу и охаживает ее похожими на корни корявыми пальцами, эти слова — надежда, мольба. Не будет града — будет еда за столом и хлеб в амбаре.

Скандинавский ученый Лудлам, работающий в одном из колледжей в Англии, установил, что в среднем на жителя Англии приходится меньше одного града за всю его жизнь: такова вероятность градобитий на Британских островах. Другое — сельская Италия, где нет человека, который не встретился бы с этим беленьким дьяволенком хоть раз за сезон!

Весной, в пору цветения первых завязей, бывают и самые ожесточенные градовые бури.

Они бьют короткими кинжальными ударами. Налет недолог: пять минут, десять. Но безобидная капелька становится демоном: сбивает листья, завязи, ломает ветви, втоптывает в землю посевы. Не лучше и его осколки — режут подобно бритве.

Сулаквелидзе внимательно слушал собравшихся в столовую райпо алазанцев-виноградарей в круглых войлочных шапочках, с тяжелыми ладонями, которые они, осушив стакан, клали на стол.

Они рассказывали об августовском налете. Это было в прошлом году, девятнадцатого августа. Поколотило шифер на крышах, в медпункт приходили за пластырем раненые. Но такой град — редкость, чаще всего он с вишневую косточку. Вот какой! Понял нас, ученый гость?

Сулаквелидзе молча кивнул: он ведь и об Италии вспомнил потому, что совсем недавно узнал — по градобитию его родная восточная Грузия занимает одно из первых мест в Юго-Восточной Европе.

Сказал ему об этом в институте «Гидромет» профессор Валентин Мирианович Гигинеишвили.

Они стояли у большой, на полстены, карты. Валентин Мирианович вел по ней канцелярской линейкой.

— Повторяемость несомненна, хотя траектория каждого, отдельно взятого града чрезвычайно сложное явление.

Сулаквелидзе кивал, следя за линейкой, — зарождается где-то на Триалетском нагорье, часто идет над Бакуриани.

(Мелькнуло: «Но там-то ни одной лозы не водится. Вот там бы, над хребтами, и высыпает облака...»)

Словно угадав его мысль, профессор развел руками.

— И ведь даже близлежащие метеостанции зачастую не мо-

гут отметить выпадение града, слишком узкие полосы. Однажды, — он вынул заполненную карточку, — да, однажды вот, одиннадцатого июля, я проследил такую полосу. От Малого Кавказа двигалась одним фронтом к Гомборскому хребту, дальше разделилась: одна — на Алазань, другая — к Главному Кавказскому хребту. — Профессор постукал линейкой у кружочка с надписью «Руиспири». — В таких вот межгорных котловинах, как наша Алазанская, интенсивность выпадения возрастает.

По наблюдениям Валентина Мириановича, долгие годы придерживается град избранных им дорог. Его тактика — вторжение узкими, но длинными полосами. Можно допустить, что зарождение его связано с рельефом, местным перегревом почвы, такими же местными ветрами. Зародившись где-то у вершин, зреющее градовое облако, подобно бомбардировщику, пикирует на цели в долинах, где люди, цветы, плантации. И после него на год и на два — ничего!..

Сулаквелидзе внимательно перебрал полевые записи профессора, собранные в летних экспедициях: если усреднить множество цифр, можно, видимо, считать, что наиболее частое, так сказать, стандартное градовое облако имеет что-то порядка пяти километров по ширине и вряд ли больше десяти в длину.

— Не так ли?

— Видимо, близко к этому.

Но тогда это расходится с господствующими воззрениями: длительный фронтальный процесс больших масштабов. А тут что-то местного происхождения, локализованный процесс, чуть ли не в масштабах одного отдельно взятого облака.

...Потом Сулаквелидзе шагал по спускающемуся под гору переулку, вглядывался в облака, думал. Одно из них почему-то обласкает землю дождем, другое почему-то высыпается градом. Но в науке нет такого вечного, прочного, непоколебимого «почему-то»! Новая цель — как вершина, пока не подступились к ней... Как было с Ушбой! Даже храбрецы сваны в знак клятвы поднимали жесткую ладонь: «Этому так же не бывать, как человеку не бывать на Ушбе». А его учитель в жизни и в альпинизме Алеша Джапаридзе на третьем приступе достиг Ушбы. И вот уже шестая сотня альпинистов восходит теперь на «недоступную».

А облако?.. Повыше. Понепонятней. Посложней. С ледорубом да с мотком веревки на него не вскарабкаешься. Но неужели правы французы Роже Клосс и Леопольд Фаси, писавшие: «Не следует надеяться, что мы когда-нибудь сможем по своей прихоти создавать над нашими головами какое угодно небо — то ясное, то грозное, — не считаясь с неизблемыми законами, которым подчиняются облака».

Кто же вы, облака? Само имя ваше говорит: вы то, что облетает планету, ее одежда, с тем, правда, уточнением, что Земля не вольна накинуть на себя сегодня пуховое слистое, завтра более плотное, кучевое. Она даже не может знать, во что оденут ее через день или неделю. И по сей день где-нибудь у тверских либо керженецких бабок услышишь великолепное в своей певучести: «Тучи облочили небо», либо: «Облачится нонче».

И еще...

Давно уже сказал в поговорке простой народ: «Облака ходят, дела людские соглядаят». Но это же сложили сотни лет назад. И не пора разве самим нам соглядать за тем, что готовит нам небо, и научиться отвращать от себя то, чем оно угрожает человеку.

...Они встречались в эти дни с Гигинеишвили не раз. Приходили к общему мнению: если в борьбе с градом придется воздействовать не на весь огромный фронт, а на одно-другое опасное облако, это уже легче. Сравнительно легче, конечно. Но без современной науки просто не дотянуть рук до облака. Без физики, локатора, химии, реагента, самолета.

ЛОЦИЯ ОБЛАКОВ

Здрав плоскость, рейсовый «ИЛ-14» закладывал вираж.

Сулаквелидзе наклонился к иллюминатору... Пылающая холдным свежим блеском громадина наплывала на самолет. Она напоминала материализованное, утвердившееся на земле облако, чуть тронутое пастелью восхода.

Эльбрус!

Слитный рокот моторов. Осевшие на крыльях капли, похожие на клепку, и ряды клепок, похожих на застывшие капли. Машина вспотела, набирая высоту от лакколитов Пятигорья к вершинам Главного хребта.

Эльбрус, чей контур и на первом его значке альпиниста и на медали, которую получил Сулаквелидзе за оборону Кавказа.

Он летит принимать дела Эльбрусской экспедиции. Президиум Академии наук СССР предложил доктору наук профессору Сулаквелидзе пост ее начальника.

«Ну, так что же, Георгий Константинович, выходит, сможем вскоре поздравить нового хозяина Эльбруса?» — принял его в одном из московских институтов академик. Улыбнувшись только уголками рта, он поглядел на лежащее под стеклом стола фото горы. Академик не один год сам был начальником возрожденной после войны Эльбрусской экспедиции.

Теперь речь пошла о будущем. Пусть в самом академике, в конкретном, деловитом их разговоре не было ничего от фантастики, от романтики вообще. На рабочем столе — лишь несколько библиотечных карточек. Перекидной календарь с пометкой: «18,20. Сулакв.»

Но Сулаквелидзе знал, что в судьбе этого человека и плавание на первой дрейфующей в полярной ночи льдине и широкие генеральские погоны военных лет.

Академик ничего не сказал о славных традициях Эльбрусской экспедиции, этого братства искателей, созданного по инициативе таких двух корифеев, как Иоффе и Вавилов. Не напомнил о том, что это ведь Сулаквелидзе, невысокий техник-лейтенант в пилотке (альпинисты даже зимой не сменяли ее на ушанку), именно он в феврале сорок третьего сбрасывал свастику с вершины Эльбруса, водружал советский флаг, и теперь под его алым пламенем поведет в наступление эльбрусское подразделение передовой советской науки.

Академик был конкретен.

...Лавины. И в смысле физики снега и в более прикладном понимании. Оптика атмосферы. Сток ледниковых вод. Все это остается. Но не склонен ли Сулаквелидзе, если пойдет в экспедицию, подумать о серьезной проблемной теме? Есть ли такая фундаментальная проблема? Есть.

И он назвал град.

Кому братья за это, как не эльбрусцам! Где-нибудь в лаборатории на пике Терскол, тем паче на Ледовой базе, только высуни руку в дверь — и прямо у тебя на ладони отличнейшая мощнокучевая облачность, за которой другие охотятся на самолетах.

Он встал рано и первым делом распахнул окно. Чистейшее небо над Нальчиком. И разметанные по эмали облака — равные ведьмины хвосты цирусов, про которые в альпинистские годы он говаривал: «Появились цирусья — встали дыбом волосы». Вестники непогоды. Но отныне и надолго такая и будет для него и всех тех, кто соберется в их коллективе, нужной рабочей погодой — значит, полезной.

Повисшие в восточном секторе неба облака плавно наполнялись цветом наступающего дня, всеми оттенками красного: от тихого, цвета вялой розы, до тяжелого багрянца, словно облако было слитком металла, вынутого из термички и еще пылающего изнутри.

По горизонту, над аллеями парка, подобная прибою, возникла и утвердилась изогнутая линия вечных снегов Безенгийской стены, которую зовут Президиумом Главного хребта. Рафинированной чистоты конус Коштан-Тау. Тяжесть массива Дых-Тау, что значит «Небо-гора».

Он быстро оделся и запел вполголоса — конечно же их фронтовую, «Баксанскую» — и дважды повторил куплет: «Помнишь, товарищ, вечные снега, стройный лес Баксана, блиндажи врага. Помнишь гранату и записку в ней, на скалистом гребне для грядущих дней».

Не он ли с боевым дружком Андреем Грязновым складывал эту песню, которая давно уже позабыла авторов и стала безыменной, общей? Не он ли вынул тогда запал из трофейной гранаты и, обезвредив гадину, вложил листок со словами «для грядущих дней».

И ведь наступило оно — грядущее! Стало настоящим.

По асфальту протоптали коваными ботинками ребята из Дома туриста. Сразу видно, что новички, «турики»: альпинист обует такие даже не в лагере — только перед льдом и фирном.

Он глядел на «туриков» — они с полотенцами через плечо шли к Комсомольскому озеру, — и ему хотелось крикнуть на весь Нальчик: «Вы, кто вступает на тропу восходителя, и туриста, и исследователя в горах, стойте! Вы, молодые и беззаботные, скиньте шапки. Помолчим минуту в память тех — Пети Глебова, Резо Чабукиани, Димы Молоканова, Яши Бадера, всех, кто сложил голову за нас».

...А ту, свою записку, он пошукает. Преотлично помнит это место на предвершинном гребне. Левою ногой идешь по Балкарии, правою — по Сванетии. Похрустывает под кошками фирн.

И слеза печет из-за Эльбруса солнце. А справа холодит ветер с ледников. Скоро вершина Донгуза. Стоят разодранные капельной скалы; потягивается, проснувшись, рвет капля гору. Здесь и положил он в расщелине скал ту гранату. И в ней записка.

Сулаквелидзе принял экспедицию. Вписал в план тему: «Подготовительные мероприятия по изучению физики мощнокучевой облачности и градовых очагов». Для начала... И скорее в Терскол, где у подножья Эльбруса главные лаборатории и точки на ближайших хребтах!

Машина бойко запылила, но Сулаквелидзе запротестовал, когда водитель хотел поднять стекло: «Буду глядеть».

...Степи. Предгорья. Горы. Каскад Баксанской ГЭС. Городок добытчиков молибдена Тырныауз. Рассыпанными по изумрудному бархату рисинками овцы на альпийских лугах.

Вот и Терскол. Турик, в который уперлось Баксанское ущелье: справа — отрог пика Терскол, впереди — вынесенный в долину фасад Эльбруса, по левую руку — зеленоватые лапы оборванных ледников, стекающих с вершин Накры, Донгуз-Оруна, Чегета.

Утром на диспетчерской пятиминутке, пока дежурный метеоролог докладывает синоптическую обстановку, Сулаквелидзе успевает оглядеть собравшихся.

Кое-кого он знает по годам альпинизма. Других — по эльбрусским окопам сорок второго года. Вот Николай Гусак: немолодой, с обветренным, прокаленным лицом. Эльбрусский старожил, восходитель, зимовщик, спасатель, остро слов. Руководитель «Спасательной службы экспедиции», он то спешит ночью к трещинам Терскольского котла, где заплутались ленинградские оптики, то к Седловине, где бродит никого не признающий и малость запиховавший альпинист-одиночка. И как установил по отчетам Сулаквелидзе, ни одного несчастного случая в горах за все эти годы.

А вот Виктор Вальцев. Видного роста, статен, заметен. Сулаквелидзе запомнил Вальцева еще с той альпиниады, когда кабардинцы шли на приступ своего Минги-Тау¹ и одним из инструкторов был молодой инженер-строитель Вальцев.

Рядом изящная, даже элегантная, несмотря на суровую горную обстановку, Валя Лапчева. Она капризно выпячивает почти детские губы, но выступает толково, со знанием дела. Валя из Одессы — выпускница тамошнего Института гидрометслужбы.

О притолоку двери облокотился высокий стройный грузин — Нодар Бибилашвили. Как сказали Сулаквелидзе — из «перспективных». Он красив, этот грузин... Матовая смуглота. Глубокие темные глаза с заплывавшей в них искоркой, когда синоптик с унылой дотошностью завхса перечисляет и температурные градиенты, и характер облачности, и бесконечные барические элементы вплоть до тех пунктов, которые никак не могут влиять на погоду Эльбруса.

Уж не думает ли он, что Эльбрус и впрямь «кухня погоды»,

¹ Минги-Тау — «Тысяча гор» (кабардинское) — местное название Эльбруса.

как звала его даже метеорология, не говоря уже о людях непосвященных. А никакая он не кухня. Такой вообще нет. Если и варится где-то погода, то в черных безбрежностях Галактики.

Сулаквелидзе внимательно выслушивает каждого. Да, эта Валя рассуждает очень толково. Умен и ее сосед (непонятно только, почему он — молодой ведь! — так осторожничают: во всем оглядка и ссылка на то, что апробировано). Нас ведь ждет поиск. И такие пути, которые не всегда священы авторитетами. Не потому, конечно, что они мало сделали. Просто надо двигать дальше.

Говорят, восходитель добирается до невзятой вершины на плечах своих предшественников — тех, кто шел, но не дошел до нее. Правда, начинается с завоеванного, а дальше — поиск, разведка нехоженных маршрутов.

...И еще одно утро — серое, хмурое. Сулаквелидзе разбираю нетерпение. Но облака надо ждать. Он увидел их с балкона своего домика — что-то похожее на больших баранов, нерешительно остановившихся в небе, перед Чегетским подъемом. Прикинул ветер: юго-юго-западный. Давай, работяга, тяни их на нас! Нахлобучив маленькую сванскую шапочку — пагу и закинув за ухо тесемку, жадно вдохнул ветра, полного свежестью дальних вершин.

Деловито напомнил товарищам:

— Сегодня проводим первую совместную серию наблюдений. С работами каждой группы я познакомился. Сегодня, как и условились, в один общий физический момент — график у всех на руках — берем во многих точках пробы из одного облака.

И, проверяя еще раз себя и других, огляделся...

Два грузовика, торчащие из-за бортов приборы. Похожие на металлические гитары, ловушки для тех капель, из которых и состоит любое облако. Бобины с покрытой сажей пленкой: на ней капли будут оставлять свой автопортрет — реплику, как говорят физики. И другие приборы: для измерения электрических полей, скоростей воздушных течений, тепла и холода в этом небольшом мире, который зовется облаком.

Закинув голову, увидел светлую тушу аэростата. На тросах через каждую сотню метров подвешены ловушки и счетчики. Будут дрейфовать вместе с облаком и докладывать о водности.

Последним он глянул на стоящий в стороне зеленый автофургончик локаторщиков с выжидательно уставившимся в сторону облачности дюралевым ухом. У этих ребят сегодня день большого старта: проникнуть радиолучом в облако, первое из многих, ожидающих их. Отразившееся от скоплений влаги радиозхо прочертит на экране локатора вздрагивающие импульсы. Они-то и станут после расшифровки первыми строками будущей лоции облаков.

Четверть часа спустя головная машина начала подниматься по дороге, которая вьется серпантинами, то уходя в боковое ущелье Волчьих Ворот, то снова возвращаясь на склон Терскол-Ака.

— Держись все время у верхней границы облака, — напутствовал шофера Сулаквелидзе. — Другая машина пойдет в нижнем горизонте этого же облака. Понятно?

Тоскливо заверещала альпийская галка. Ей ответила другая,

заголосили и где-то повыше. Совещаются, значит: не пора ли уходить от непогоды. Пока там метеорологи разложат пасьянсом свои карты, галка по своему птичьему прогнозу уже уйдет в убежище среди скал.

Лапчева, за ней химик Балабанова и синоптик Глушкова подняли капюшоны. Первая волна сырого холодного дыхания. Еще не облако — только текущий от него ветер. Сулаквелидзе с Гусаком стояли у края дороги, глядя в долину, где мерно вздрагивало серо-белое колыхание. Сулаквелидзе бросил в пропасть недокуренную папиросу. Задумался. «Что еще?» — сердито обернулся к Гусаку, который на правах старого друга без всяких церемоний ткнул его в бок. Гусак молча указал трубкой.

Перед ними парил упавший было вниз окурок. Сулаквелидзе следил за ним с пристальным вниманием. Окурок вибрировал, на какой-то миг даже недвижно повис перед ними. «Типичное вертикальное движение свободной атмосферы».

— Похоже, Гоги, что долина уже прогрелась, — деловито пыхнул дымком Гусак. — Окурок твой не просто так улетел. — Глянул в сторону Азау. — Облако к нам уже поднимается. Только бы ветер не сменился.

Сулаквелидзе, прищурившись, разглядывал белые валы над долиной. Она уже действовала как многокилометровый цех по производству мощнокучевой облачности, и никто не срывал ей поставки влаги, тепла, ветра, восходящих потоков.

Сулаквелидзе стоял, выдвинув вперед ногу и выжидательно пригнувшись, похожий на занявшего боевую стойку боксера; маленький, взъерошенный, сдвинувший на затылок войлочный грибок шляпы, поглядывающий на сотрудников, фигуры которых то выплывали в окна напозавшего тумана, то снова превращались в мутные, дрожащие пятна.

Наконец-то! Голос в поданных ему наушниках. И синхронно поданный с командой по радио удар в обломок рельса, исполняющего роль гонга.

— Приступаем к серии.

«Дело в том, — думал он, — чтобы использовать наше, в полном смысле слова, высокое положение. Ведь даже низшая точка, обсерватория «Терскол» — это уже «2 200», а можно работать, если это понадобится, по всему Эльбрусу, вплоть до самой вершины — «5 633». Вот что надо использовать! Забираться в каждое рабочее облако. Оседать в нем. Проследживать за его невидимой снаружи, скрытой в этом непрерывном колыхании жизнью — от возникновения до распада».

И зашагал по выющейся серпантинами дороге. Первой стояла Лапчева. Сдвинув брови, она подняла металлическую гитару-ловушку.

Сулаквелидзе молча наблюдал, потом раскрыл пошире входной люк другой ловушки. С еле различимым шорохом ползла внутри прибора покрытая сажой пленка. Влетавшие в приемную щель капли из стремительно надвигавшегося облака натыкались на пленку и, прежде чем умереть, испарившись, оставляли автопортрет на целлулоидном кадрике. Заполняли анкету — исповедь жителя небес людям земли.

Сулаквелидзе орудовал теперь с другой ловушкой. Метров на триста повыше.

Тяжело отфыркиваясь, подоспел «газик». Сулаквелидзе заторопился на вершину одной из высотных точек — пик Терскол, отметка «3 100».

Там сразу взял наушники, решил связаться со всеми точками.

— Слушай, вольный сын эфира, — повернулся к радисту. — Неужели нельзя отстроиться от этого треска?

В наушниках шипело, щелкало, трещало.

— Облако, начальник, — сказал радист. — Слишком наэлектризованное. Средние волны вовсе не проходят. Перехожу на УКВ.

— А аэростат? — тревожно осведомился Сулаквелидзе.

— Уже спустили, сейчас застропливают на стартовой площадке.

Сулаквелидзе связался со всеми точками по УКВ: «Обстановка? Приборы? Люди?»

...Он не стал откладывать до утра и забрал в свой домик все показания ловушек. Разложил по столу отпечатки капель, монтируя их во времени и пространстве. А ну, капелька, развяжика язычок, расскажи о себе! Но капелька, сказав несколько слов, умолкла. Неполным оказался весь ее ответ: с паузами, долгими пропусками. А ведь осадки из облака выпадали обильные, они же видели их! Но ловушка не показала такой водности в облаке. Не поспекает, что ли, пленка за каплями, отстает в этом забеге с облаком по узенькой целлулоидной дорожке прибора?

Дело, значит, в ловушке! Сулаквелидзе вышел, пошаркал несколько минут по гравию возле одного из домиков и решительно постучал в темное окно.

...Они долго толковали. Благодушный умница Левин — физик, теоретик, расчетчик — и всегда озабоченный, подстриженный по-солдатски под нулевку, скуластый, в сильных очках Чудайкин — приборист, зимовщик ледника Федченко, знатск всех форелевых мест на здешних реках. Решили: мастерим новую ловушку. Начали с модернизации на большую водность заборной щели. Кончили принципиально новой схемой. Теперь-то попробуй только не ответь, капелька, на поставленные новой ловушкой вопросы!

День уже подходил к концу, когда репродуктор сдержанно забулькал и распорядился: «Никому из группы физики облаков не покидать территорию. Метеорологи обещают рабочую облачность».

Чудайкин паяльной лампой приваривал последние планки к ловушке, вслушиваясь в доносившийся с разных концов терскольской усадьбы чуть осипший, с резко перекатывающимся «эр» голос Сулаквелидзе.

Снова забулькало радио: «Серия назначается на семнадцать ноль-ноль. Машине подниматься на Терскольский склон. Микрофизикам брать пробы каждые десять минут. На точках «пик Четет» и «пик Терскол» проводить метеонаблюдения над облачностью. Ввиду грозовой обстановки аэростата поднимать не будем. Подготовиться к сбросу ловушки с шара-зонда».

Облако чуть коснулось бокового ущелья Волчьих Ворот, но, словно поняв, что его ждут, приблизилось и нависло над терскольскими соснами. Ближе к турбазе раздувалась серебристым

пузырем оболочка шар-пилота. Сейчас скажут о полном развитии облака. Скажут высоту верхней границы. Чудайкин протер очки: облако не больше чем метрах в двухстах над ними. И штиль. Поглядел на последние сосны на склоне. Разве что чуток шевелятся ветви. И там вроде тихо. Значит, не унесет черт те куда ловушку. Хорошо — одна ведь такая!

«Даем данные: высота верхней границы облачности одна тысяча двести метров».

— Установить сброс ловушки на тысячу триста ровно!

И шар светло поблескивает сначала на фоне леса, потом выходов базальта, потом на светлом вечернем небе.

На юге темнеет быстро. В загороженном хребтами Терсколе особенно. Чудайкин поднес к близоруким глазам часы. Только семь минут после запуска. А казалось... Тут яркая вспышка прочертила линию в сторону Ирикского ущелья. Это выпущенной в момент приземления ракетой дала знать о себе ловушка.

— Искать пойдем с утра. Темно.

Утром они вынули пленку. То, что надо, — все облако!

— Это не просто модификация известного до нас прибора, — веско сказал Сулаквелидзе. — Теперь мы сможем увидеть всю картину распределения водности в облаках.

И ему, нетерпеливому, горластому фантазеру, показалось, что он уже нашел контакт с облаками.

Правы ли те французы? Нет, ему больше по душе слова Дмитрия Ивановича Менделеева: «Настает время не только точного предсказания погоды, но и полного ее ведения, мыслимая в будущем даже борьба с погодой».

Еще одна серия наблюдений подходит к концу.

Шумно топя, что-то кому-то на ходу внушая, вваливается Сулаквелидзе.

— Включили сегодня все новые и старые ловушки, следим за температурой, ветром — всеми, словом, параметрами облака. Меня радует, ребята, что забираемся мы в него со всей аппаратурой, оседаем, так сказать, в облаке!

Уселся на табуретку, взялся за ручку настройки. Благодушно мурлыкал, когда понимал, что он видит, сердито жевал папиросу, размышляя над непонятым сигналом. На экране были перед ним только иероглифы, знаки, символы. Не облако, форма которого всегда башня. Не очаг, форма которого скопление, сгущенность, вроде рождающихся галактик. Не падение града, форма которого косая полоса. Ничего этого! Только иероглифы. И ему труднее, чем египтологу или специалисту по клинописи, ибо их ошибка — ну, самое большее не та датировка чьей-то гробницы. Его — почти равна ошибке на пограничной заставе: проморгал приближение, пропустил врага — ущерб полям и садам.

— А ведь разобравшись с тем, как поднимается поток в облаке, мы сможем подобраться и к тому, чтобы найти меру оценки градоносности, а значит, и меру воздействия, — сказал Сулаквелидзе.

Как идет заполнение водой плывущей по небу бочки? Где в ней больше и где меньше влаги? Равномерно растекается она или образует еще одно озеро внутри главного? И каковы размеры капель, из которых состоит вся система? И когда и как вырастают они в облаке до таких размеров, чтобы сначала уравновесить силу поднявших их течений, дрейфовать над ними, а затем, набрав веса, пересилить их и, пробив воздух, возвращаться на землю?

Когда эльбрусцы подступались к этой теме, многим казалось, что одного летнего сезона хватит, чтобы подвести нужную численную основу под все известное науке об облаках. Как спокойно жилось и думалось тогда! Облако, где, как было известно, слева поднимаются в нарастающем с постоянной скоростью потоке капли, а справа выливаются дожди или грады, это облако представлялось элементарным, вроде покачивающегося над Землей коромысла. Слева — приток. Справа — отток. Качайся себе коромысло на плече у планеты! А теперь...

Каждый день приносил новые данные, и они, эти данные, расшатывали устоявшиеся, традиционные представления.

Не о таком ли сказал французский физик Бюссон: «В науке самое простое — найденное вчера и самое сложное то, что будет найдено завтра».

ВОСХОЖДЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

— Отсчет, — бросает Бибилашвили, не отрываясь от экрана.

Отразившись от поднимающегося в облаке шара, радиоэхо возвращается на экран. За полетом шара следят и по теодолиту.

— Дальность — пять километров сто пятьдесят метров. Угол — сорок. Азимут — двести пятьдесят.

Такой отсчет проводится каждую минуту. Меняются цифры. Их записывают, прослеживая движение шара: пространственные координаты, дальность, угол наклона, словом, его место в небе. Теперь достаточно простых расчетов, чтобы знать скорость восходящего в облаке потока: десять метров в секунду... двенадцать... двенадцать три четверти — все нарастает. За шестнадцать уже... Да, так и должно быть по утвердившемуся в науке представлению — нарастать ей до той неосозаемой линии, где, собственно, кончается облако.

Но Сулаквелидзе одолевают сомнения. Так ли распределяются воздушные течения внутри облака, как показывают столбцы цифр?

— Ведь мы решаем с вами, — говорит он, — не какую-нибудь стационарную задачу. Мы не можем даже исходить из каких-то безразмерных величин. Должны получить все данные для решения из самого облака, а беру я наши графики и задумываюсь над одной простой вещью: по теории ускорение восходящих потоков в облаке — величина постоянная. Но тогда для созревания града нужно много времени, а это значит огромные облака. А что имеем мы? Находит совсем даже небольшое облачко, а град шпарит из него всюю.

Кирюхин, физик из Ленинграда, дал справку:

— Помнится, Лудлам довольно близко подходил к этому же. Из последних его работ прямо напрашивается вывод: постоянная скорости не бывает, с высотой она как-то изменяется

— Но членораздельно Лудлам этого не сказал.

— Чего нет, того нет. Скажи хоть ты, Нодар.

Бибилашвили смущенно улыбнулся.

* * *

Вспоминая тропы своих путешествий, Юрий Николаевич Рерих рассказал автору: на одном из самых тяжелых, ведущих в Тибет перевалов, где с весенним таянием снегов проступают отмечающие весь путь черепа и скелеты, высечено на скале: «А научились ли вы радоваться препятствиям?»

Сулаквелидзе не довелось бывать в этой стране. Но он был альпинистом и не боялся никаких дорог, пусть ведут они в облака. А если так, то и он и те, кто работал рядом с ним, научились любить препятствия.

Он вылетел в Москву. «Ваша аудиенция не будет продолговатой?» — вежливо осведомился дожидавшийся академика иностранец. «Нет, что вы!..» Они договорились с академиком: «Работы по физике облаков продолжаем — развиваем вширь и вглубь, увеличиваем число лабораторий, то есть проблем, а с весны начинаем новые опыты прямого воздействия на градовые облака». — «Чем же?» — «Химией». — «А транспортировка?» — «Ракетами и дымлением».

И эльбрусцы раскинули свой табор в Алазанской долине, на этом главном виноградарском проспекте Грузии.

Над здешним Гомборским хребтом господствует вершина Цвитуры. С ее поднятой на 2 тысячи метров площадки, как и со старинных башен вдоль Военно-Грузинской дороги, можно было загодя видеть возникавшие на горизонте вражеские полчища. И так же, как стража зажигала огни над зубцами башен и их тревожно поблескивающий пунктир будил столицу Картли, почти так будут и они при появлении туч зажигать костры на вершине Цвитуры, и дым, возгоняя йодистое серебро в облака, не даст созреть граду.

Как это произойдет?

Если водяной пар замерзает при соприкосновении со льдом, то же будет и при его соприкосновении с любой имитацией льда. Все довольно просто: незамерзшие капли непрерывно испаряются, их дыхание начнет оседать на введенных в облако кристалликах, центрах замерзания, появятся хлопья первых снежинок, а если заморозим не успевшие укрупниться капли, не вырастет крупный град, и, растаяв на пути, они упадут на землю дождем.

У кристаллов йодистого серебра идеально близкое к ледяным кристаллам строение. Удастся обмануть этим сходством и каплю. И она, капля, которая вопреки нашим земным представлениям на большой высоте замерзает лишь при температуре минус 40 градусов, она же при встрече с крупинками аргентум йоди замерзает при минус пяти...

Потом, возможно, должность такого вот облачного провокатора будет поручена и более дешевым субъектам, вроде соли или сажи. Пусть поработают как очаги замерзания.

...Экспедиционный самолет летел над Алазанью. По сигналу второго пилота перешли к большому стеклу штурманской кабины. Сверили часы: через две минуты самолет вытрусит порцию соли на облака. За их разрушением уже следят наблюдатели снизу.

Машина накренилась, входя в вираж. Кирюхин показал на склон. Сулаквелидзе согласно кивнул: вижу. Облако оседало, словно, проходя над ним, самолет с силой подтолкнул его плоскостью. Быстро оседает. Он и не ожидал, что так будет! Вот уж только белесые клочки, зацепившиеся на склонах Гомбор, над пастбищами, прилипли к хребту, а потом задвигались... Почему-то кверху — непонятно маленькими кучками.

В селе Руиспири они взяли острого тушинского сыра, зеленого лука, травы цицматы и деревенского «Киндзареули». В этом деле ленинградский гость оказался сведущим не хуже грузин. Вошел седой почтальон, с простой воспитанностью сельского жителя поклонился сначала приезжим.

— Говорят, вы, ученые люди, знаете уже, как град от нас отгонять, — начал он.

— Не сразу это будет, дорогой, пока только учимся, как опасные градобойные облака разбивать.

— И это хорошее дело, товарищ, а я вот почту вез и все на самолет твой глядел... Не понимал, товарищ, что это он сверху солить собирается.

Буфетчик в круглой черной шапочке поставил блюдо с жарким.

— Молодой барашек, кушайте, пожалуйста.

Сулаквелидзе улыбнулся.

— Не баранину, понятно, солить, а облака. Мы ими занимаемся.

Почтальон разгладил усы, принял поднесенный ему стакан.

— А за баранов ты не обижайся, уважаемый. Твое здоровье!

— Твое тоже. Но при чем тут бараны? Наше дело — облака, погода.

— Очень даже при чем. Они твою науку первыми у нас признали. Каждый день, кроме выходного, я в горы иду, каждый день одно и то же вижу. Только самолет ваш загудит, вся баранта бегом в гору. Как на спартакиаде.

— Ничего не могу понять у тебя, извини, конечно.

— Почему это не можешь. Соль вы сыплете? Сыплете. Овцы соль уважают? Еще как! Скучают, когда ее нет! А самолет, значит, у тебя летает, солью травку нам посыпает. Овцы и приучились. Он загудит — они за ней бегут. Здоровья тебе и твоему дому, хороший человек!

Ученые переглянулись. Округлое лицо Кирюхина, сохранившее задорные черты саратовского комсомольца, расплылось в неудержимой улыбке. Вот это да! Не облака, значит, на склонах оседали, а бараны по ним поднимались.

О многом говорили они после этого с Кирюхиным.

Лесовед по образованию, потом физик, Кирюхин возглавлял до войны Институт искусственного климата. Живой, мыслящий,

увлеченный, доброжелательный, широко осведомленный, он увидел в Сулаквелидзе то чутье, без которого нет открытий. А Борис Викторович Кирюхин пришелся по душе всем в экспедиции.

Они сошлись на том, что град — явление поразительно сложное. Но воздействие на него — они не то чтобы твердо знали, только почти неосознанно чувляли, — это воздействие может оказаться элементарно простым.

Два друга подолгу бродили в горах, поглядывали на дымки дальних селений и на вечерний туман, не спеша вползавший в долину. В раздуваемых ветром плащах они чем-то напоминали аквилегов, так именовались у древних этрусков жрецы, «повелевающие» облаками.

...Сколько веков наблюдают эту мелочишку — град, а подступились мы к ней всерьез, на сколько-то продвинулись — и как в глухую тайгу зашли. Глядишь на нее, градину, и даже простым глазом заметно, что она вроде луковицы: слоистое строение, слои то мутные, то прозрачные — прямо хрусталь. Так и видится, как в атмосфере пульсировала она вместе с потоком в облаке: где намерзает, где лишнюю воду стряхнет, где еще ею умоется. И вот лежит у тебя на ладони, и в этом комке застыл пульс всего облака, дразнится — попробуй разгадай!.. Пора пришла сочитать все наши визуальные наблюдения с самой строгой микроскопией, с моделированием, воспроизведением, вплоть до чисто математической модели, всего: и облака, и града, и потока. Да, нужно! Кое-что мы уже понимаем. Знаем, что здесь на десять, двенадцать гроз в горах один град. Что вертикальные движения в облаке для града — вещь обязательная, что градовые облака привязаны к горной местности, — так, во всяком случае, и в Алазани и Приэльбрусье. Знаем и роль конкурирующих частиц, которые забирают у капель переохлажденную воду и, как хороший насос, откачивают ее, уменьшают водность всего облака.

Тупоносая машина Сулаквелидзе моталась теперь между тремя углами географического треугольника. Обсерватория Терскол под Эльбрусом: продолжение работ по физике градоносных облаков, водность, восходящие потоки, градовые прогнозы. И новый форпост в Долинском, курортном предместье Кабардинской столицы Нальчика: моделирование градин в большой, от подвала до крыши, трубе, микроскопия, химический аппарат воздействия, вся математика. А здесь, на временной точке на Цвитуре, — воздействие на облака. Курьезный случай с баранами не зачеркивал, конечно, метода, но Сулаквелидзе хотел добиться большего.

Со стороны он напоминал человека, который в одно и то же время держал экзамены в вуз, заканчивал девятый класс, работал над кандидатской. Но он был не один, а во множестве лиц и умов. Он понимал, что, если, расчленив проблему, решать ее только последовательно, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, разрешение растянется на долгие годы. А так — каждый на своем участке, и важно только не упускать из поля зрения хода работ каждого, чтобы к нужному дню сошлись все участки и возникла цельная картина, хотя и выложенная из мозаики.

Сулаквелидзе нарисовал на папиросной коробке пирамиду. Это облако. В нем три устремленные по вертикали стрелки: восходящий поток. Допустим, что скорость потока в границах облака непрерывно возрастает. В конце концов это признано всеми. Он полистал труды Воейковской обсерватории. Конечно же... В семьдесят четвертом томе это еще раз подтверждается и цифрами и выводами. Скорость потока возрастает все время, пока живет облако, на один-два метра в секунду.

Это пульс облака. Прощупать его трудно — не наложишь руку на запястье. Но луч локатора — та же рука, только вытянутая на тысячи метров, до облаков.

Однажды они с Нодаром видели облако — оно образовывалось над Гори, и перемещалось к Кахетии, и завершало цикл странствий и жизни над Лагодехи. Прошло больше двухсот километров. Неплохой это был водовоз. И тащил он над Грузией целое море — не выливая, не расплескивая. Море без берегов, но со своим облачным ритмом приливов и отливов, течений и мертвой зыби.

Сулаквелидзе и занялся на этот раз течениями.

Восходящий поток... Все эти месяцы Нодар специально занимался тем, чтобы узнать, как он меняется по высоте.

Теперь можно, исходя из полученного, нарисовать на коробке схему рождения ливня. А град — тот же ливень, только в свежемороженном виде.

Значит, так... Идет вверх, в облаке, поток. Подъемной его силы хватает на то, чтобы поднимать не только мелочь (она в полете обдувается, испаряется), но и крупные капли.

Какое-то время поток удерживает на себе скопище влаги. Но вот капель уже столько, что они перебарывают удерживающую их силу, начинают падать. Встречный поток останавливает падение. И капля парит в полете и снова растет за счет сонмов набегающих на нее мелких капель.

Казалось бы, скорость падения уже больше скорости поднимающегося воздуха, но нарастает ведь и сам поток, и капля висит и обдувается набегающими снизу.

Как это все стройно получается. Логично! Умно!

Возникает и растет крупнокапельная фракция — очаг града, и понятно, почему бывают мощные осадки из небольших облаков.

Все встает теперь на свои места. Подставить только под каждый пункт найденного механизма численное обоснование и приступить к воздействию на град, исходя из новой схемы.

Сулаквелидзе объяснил все Нодару: мол, механизм возникновения градовых осадков продуман. Все весьма логично. Нужно теперь оснастить некоторые моменты наблюдениями.

Но не зря предупреждали капитанов лоции Арабского Востока: «Не так дуют ветры, как хотят корабли». Новые наблюдения Нодара разметали логические построения.

Сулаквелидзе вынужден был признать:

— Нет постоянно возрастающей скорости. Нет моей гипотезы. — Обернулся к Нодару. — Ну, а что ты скажешь насчет завихрений в потоке, о которых сообщается в литературе?

— Наблюдения показали: они бывают только на стадии разрушения облака, когда пошли осадки.

Тогда... два мощных потока — вверх и вниз. Наливает и выливает. Столкновение сил, бой потоков. Баламутят все облако. В такие не залетают даже самолеты: ни сталь не выдерживает, ни клепка, ни дюраль. Капли, разбивающие металл...

Усмехнулся: «И почему им было не разбить и мою концепцию?»

Нодар деликатно коснулся спортивной курточки Сулаквелидзе. Тот вспыхнул:

— Да, не гляди ты на меня, как на обманутую невесту! Мы же получаем больше, чем теряем. Я уверен.

И все-таки было обидно. Он-то с Кирюхиным собрался было выводить подытоживающее уравнение. И вот, пожалуйста!

Но в эти именно дни задумался Сулаквелидзе над термином, который укрепился, когда от чисто описательной, не очень-то надежной метеорологии с приходом в нее представителей точных дисциплин отпочковалась физика облаков. «Отрицательная подъемная сила». Сила! Но отрицательная.

Нет, они вовсе не в тупике. В самом отрицании равномерного нарастания скорости потока и таится утверждение: падение скорости создает ту область, где может аккумулироваться влага. И так в любом по размерам облаке.

Нет, мы вовсе не заблудились в непроглядном тумане, ребята! Сейчас я определюсь. Пусть нет на руке компаса и дуют ветры не наших румбов. Давай, альпинист, двигай, попотей сначала под рюкзаком на сползающих под ногой моренах, взмокни на крутых подъемах, но войди, чтобы быть на вершине.

Восхождение продолжается!

Назавтра он явился на работу спозаранку. Стал перелистывать труды Главной геофизической обсерватории, которая носит имя Воейкова. Нашел, вчитался, заложил куском лавы с вершины Эльбруса страницу и улыбнулся совсем мальчишеской улыбкой. В том научном споре, который он то уверенно, то сомневаясь вел этот год, в споре с устоявшимися формулами постоянного нарастания восходящих потоков, споре не только с другими, но и с самим собой, и с собственными ошибками и заблуждениями, его теперь почти неожиданно поддержали исследования обсерватории. Вот выведенные там кривые скоростей потока. Они показывают то же, что нащупано и здесь: сначала скорость воздушного потока в облаке действительно нарастает, но только до того условного экватора, который делит облако. А выше? Да, выше этот поток — смотрите записи Бибилашвили, Хоргуани, Лапчевой, — выше он теряет силу, поднимается все медленнее, пока не сойдет на нет. А если скорость падает, вот вам и условия, чтобы на верхних этажах облака, в его тихих заводях, ничем не тревожимая накапливалась влага. Зона аккумуляции. Считали, что ее не может быть в облаке небольшой высоты, но она есть. Зона набирает влагу. Она — как инкубатор. И здесь может выплутиться не только благодать дождя, но и ярость града. Его высиживает царящий в зоне холод. И тяжесть градин заставляет пульсировать в облаке зону влажности, пока ее

сила не переборет подъемной силы потока. Тогда ливень. А замерзший ливень — это град.

Они увидели, наконец, высунувшуюся из облака нитку. Ухватили, вытащили. Облако — это труба, сквозь которую протягивается влага. И где-то в нем — работающая подобно губке зона аккумуляции.

— Чем, собственно, подкупает новая теория восходящего потока? — рассудил Кирюхин. — Тем, что не создает идеализированного представления об облаке. Взята из природы, а не навязана ей.

Сулаквелидзе смущенно улыбнулся. Чуть было не навязали. И потом... Ведь даже теперь, когда усилиями многих найдено главное, за каждым распахнутыми воротами возникают стены новых крепостей. Ледяная росинка таит еще множество неясного.

ВЫСТРЕЛЫ НАД ПЛАТО

Они разгадали ее.

Было известно и до эльбрусцев, что в атмосфере появляются крупные водяные частицы (10—30 микрон). В полете такие капли растут, увеличивая свои размеры до 20—50—100 микрон. Обычно их приходится по одной на кубический метр облака.

Они и есть зачинщики ливня или града.

Исследования экспедиции показали, что вопреки учению Лудлама в образовании града все решает не набегающая, облепляющая великанов водяная мелочь. Это было заблуждением. Данные опытов Лапчевой свидетельствуют: мелочь — та, что расплывается в полете, — не в силах создавать устойчивые скопления влаги. А град, установили они, порождает большие водности — целые водохранилища внутри облаков.

Эльбрусцы смоделировали все условия для возникновения града и увидели, какой же это жадный и беспощадный захватчик — крупная капля. Каждая из них, падая, способна увеличиться в десять раз. А снизу, навстречу ей, подает сырье транспортер воздушного потока. По оси этого столба и идет фронтом на три-семь километров рост града. Созревает он за три-пять минут.

Для того чтобы разобраться в этих трех минутах, они работали больше четырех лет. Но, когда разобрались, стало ясно, как с ним, градом, воевать.

* * *

На этот раз в разговоре с академиком решили: пора взять под охрану от града какую-то определенную территорию. И найти, испытать более надежные средства транспортировки химии в облака — не дымить наугад. Пожалуй, лучше всего использовать зенитные орудия.

...Осенний лагерь разбили на покрытой жесткой травой вершине Мушта, высотная отметка «2130».

Вечером, перед первым выстрелом, Сулаквелидзе показал Нодару вырезку из газеты:

«Однажды я был в деревне и беседовал с крестьянами. Меня спросили:

— Скоро будет так, что кнопку нажмешь — и дождь пойдет?
— Будет и такое время, — ответил я.

Вы знаете, что еще не настало такое время, чтобы после нажатия кнопки начинался или прекращался дождь, но в нашей стране советским народом осуществляются самые дерзновенные мечты».

— Это Хрущев?

— Да.

— А где выступал?

— Перед строителями Братска. Но там уже нажали кнопку. Да не одну!..

— Очередь за нами...

— А знаешь, Нодар, — без обычной задиристости, с большой внутренней верой произнес Сулаквелидзе. — Я чувствую: она уже почти под рукой — эта кнопка.

Спать в эту ночь Сулаквелидзе не ложился: ждал облака. В четвертом часу его позвали локаторщики, показали пятно на экране. Пятно явно приближалось, белело, словно в него подливали свежее молоко.

Сулаквелидзе знает: критерий градоносности облака — это и критерий воздействия на него. Знаешь силы скопившегося для удара противника — знаешь, и чем их отразить.

И еще: выдержка, но только бы не передержать — ведь в предельно яркую зону отражения палить поздно: из такой уже пошел град.

Он вышел, огляделся. Чернота холмов. Смутное видение Эльбруса. Тени людей на сероватом небе. Сноп от зажженных на автомобилях фар, озарившие батарею.

Локаторщик обнаружил зону в три пятьдесят.

Первый снаряд послали в четыре десять.

Какие-то минуты — и на плато упали первые капли. Хлынул крупный дождь. Сулаквелидзе запрокинул лицо: «Это уже мы, наша работа! Была градовая зона — превратили в капельную!»

— Быстренько связываться со всей сетью! — гаркнул так привычно, что приказ не понадобилось дублировать по радио — голос начальника отразился где-то в дальних балках.

Скоро подгонит новую зону. Вон он, облако!..

Сулаквелидзе пошел к радистам: как там летчики?

«Объем вашего облака более двадцати кубических километров», — сообщили с борта самолета. «Пробы берете?» — «По всему вертикальному разрезу». — «Хорошо! Теперь улепетывайте подальше от облака. Ровно через три минуты обстрел. Еще через одиннадцать — заходите снова, берите пробы».

— А облако содится, честное ведь слово! — возбужденно закричал он после этого, второго выстрела.

...Утро.

К северу уже идет устойчивое волновое возмущение. Будет облака. Будет град. И для него припасена теперь не соль, как для алазанских баранов, кое-что посущественнее.

«Надвигается мощная фронтальная зона, — сообщают локаторщики. — Длиной километров десять, шириной — около два-

дцати. А очаг, где зарождается град, находится на высоте примерно двенадцати километров».

Да, такой дымом не достанешь — только снарядом.

— Пожалуй, пора, — бросил Сулаквелидзе.

— Огонь!

...Это в минуту волнения Сулаквелидзе бросил «сбодится», вообще-то он отлично знает русский и сейчас торжествующе произносит...

— Садится...

А отражение зоны на экране локатора начинает заметно расплываться. Бибилашвили смотрит на часы: пять минут прошло после обстрела. И все больше размывается пятно, только дрожаящая вуаль, клочок. И ничего! А над плато — мелкие моросящие осадки, плач тучи по неродившемуся граду.

День спустя послали по снаряду в градовые очаги, прекращали обстрел и снова — по снаряду. Объехали поля. У деревни Кызбурун ни градины, на пути, где не стреляли, — все бело. Град выпал там, где прекращался обстрел. Начинаясь обстрел — прекращался град.

И локаторщики подтвердили: когда зенитка замолкает — очаг в облаке начинает на глазах распухать, как тесто в кадке.

Особенно внушительно выглядело чугунное, отливающее мраком облако, двигавшееся от Пятигорска. В него послали дюжины снарядов. Тут же объехали округу. Увидели: склоны вдали сплошь седые — град, а в том секторе, где вели направленное воздействие, — ни крупинки.

Локаторщики сообщили: облако было в основном капельным с малой примесью кристаллов. Загнанные в него конкурирующие частицы забрали переохлажденную воду, уменьшили водность всего облака. А это уже то, что нужно: не осталось в нем ресурсов для роста крупных ледяных частиц. А мелочь? Она дойдет до земли теплыми жидкими каплями. Не страшно!

— Еще лучше найти бы способ прервать восходящий поток, — задумчиво произнес Сулаквелидзе. — Правда, это из разряда мечтаний, а кристаллизация — то, что мы держим в руке. Но вообще работы впереди непочатый край. — И улыбнулся. — Для грядущих дней...

* * *

Так были расстреляны первые шесть облаков. Теперь их больше пятидесяти.

Эльбрус — Москва

ФАНТАСТИКА, ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В первом номере «Искателя» за 1963 год вы познакомились с тематическими планами московских издательств по научно-фантастической и приключенческой литературе. Фантастику и приключенческую литературу издают и республиканские, краевые, областные издательства. Вот некоторые из книг, которые были изданы ими в прошлом году:

Аматуни П., Гаяна. Ростовское книжное издательство. В этом романе рассказывается о том, как на Земле были найдены следы межзвездной экспедиции разумных существ из другого мира.

Бердник А., Призрак идет по земле. Ташкент, издательство «Ёш гвардия». Фантастическая повесть, тема которой — решение проблемы проницаемости. Получено средство, которое позволяет человеку беспрепятственно проходить сквозь твердые тела.

Бирюлин Г., Море и звезды. Владивосток, Приморское книжное издательство. Роман посвящен океанографии будущего.

«Капитан звездолета». Калининградское книжное издательство. В этот сборник включены рассказы и повести А. Беляева («Невидимый свет» и «Золотая гора»); М. Зуева-Ордынца («Властелин звуков»); Г. Гуревича («Черный лед»); И. Ефремова («Озеро горных духов»); И. Нечаева («Белый карлик»); А. Днепров («Электронный молот» и «Мир, в котором я исчез»); А. и Б. Стругацких («Глубокий поиск»); В. Журавлевой («Астронавт»); В. Савченко («Вторая экспедиция на Странную планету»); Г. Альтова («Легенды о звездных капитанах»).

Малахов А., Миражи Тургая. История, почти фантастическая. Свердловское книжное издательство. Рассказы о палеонтологических загадках, которые раскрывают студенты-геологи.

Мартынов Г., Гость из бездны. Лениздат. Роман о тридцать девятом веке, в который попадает человек двадцатого века, возвращенный к жизни наукой наших потомков.

Росоховатский И., Загадка «Акулы». Благовещенск. Амурское книжное издательство. Сборник рассказов, посвященных главным образом проблемам биологии. В него вошли рассказы: «Мост», «Загадка «Акулы», «Отклонение от нормы», «Чудовища лунных пещер» и др.

Шпаков Ю., Кратер Циолковский. Омское книжное издательство. Повесть посвящена перспективам космонавтики — освоению Луны.

В 1963 году выйдут в свет в ряде республиканских, краевых и областных издательств такие фантастические произведения:

Ванюшин В., Желтое облако. Казгослитиздат. В романе затрагивается проблема взаимоотношений цивилизаций земного и иного мира.

Могилев Л., Железный человек. Иркутское книжное издательство. Повести, посвященные проблемам физиологии и кибернетики.

Бердник А., Сердце Вселенной. Ташкентское издательство

«Ёш гвардия». В этой повести рассказывается о приключениях экспедиции, посланной к Сатурну на помощь потерпевшему аварию космическому кораблю.

Волков А., Необыкновенные приключения пионеров в стране прошлого. Ташкентское издательство «Ёш гвардия».

Фантастическая сказка-памфлет, обличающая уродства капиталистического строя.

Готовятся к изданию и приключенческие книги (тоже на русском языке):

А. Удалов, Открыватели мира. Повесть. Ташкентское издательство «Ёш гвардия».

В. Дроботов, Испанский пленник. Повесть. Волгоградское книжное издательство.

В. Очеретин, Пять или шесть. Повесть. Свердловское книжное издательство.

Е. Кораблев, Трилогия: «Четверо и Крак», «У пяти ручьев», «Созерцатель скал» (переиздание). Свердловское книжное издательство.

В. Клепов, Тайна золотой долины. Повесть. Свердловское книжное издательство.

В. Тычинин, Трое из океана. Повесть. Иркутское книжное издательство.

«Тускарора» — так называется новая научно-фантастическая повесть А. Днепров, которая готовится к опубликованию в «Искателе». Повесть рассказывает о молодых энтузиастах Дальнего Востока, о советских ученых, осваивающих энергетические ресурсы, скрытые под дном океана.

→

На 4-й стр. обложки: «Шаги семилетки». Фото В. Дунина с выставки «Семилетка в действии».

Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Л. Н. МИТРОХИН, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ
Художник-оформитель А. ГУСЕВ. Техн. редактор Н. Михайловская.

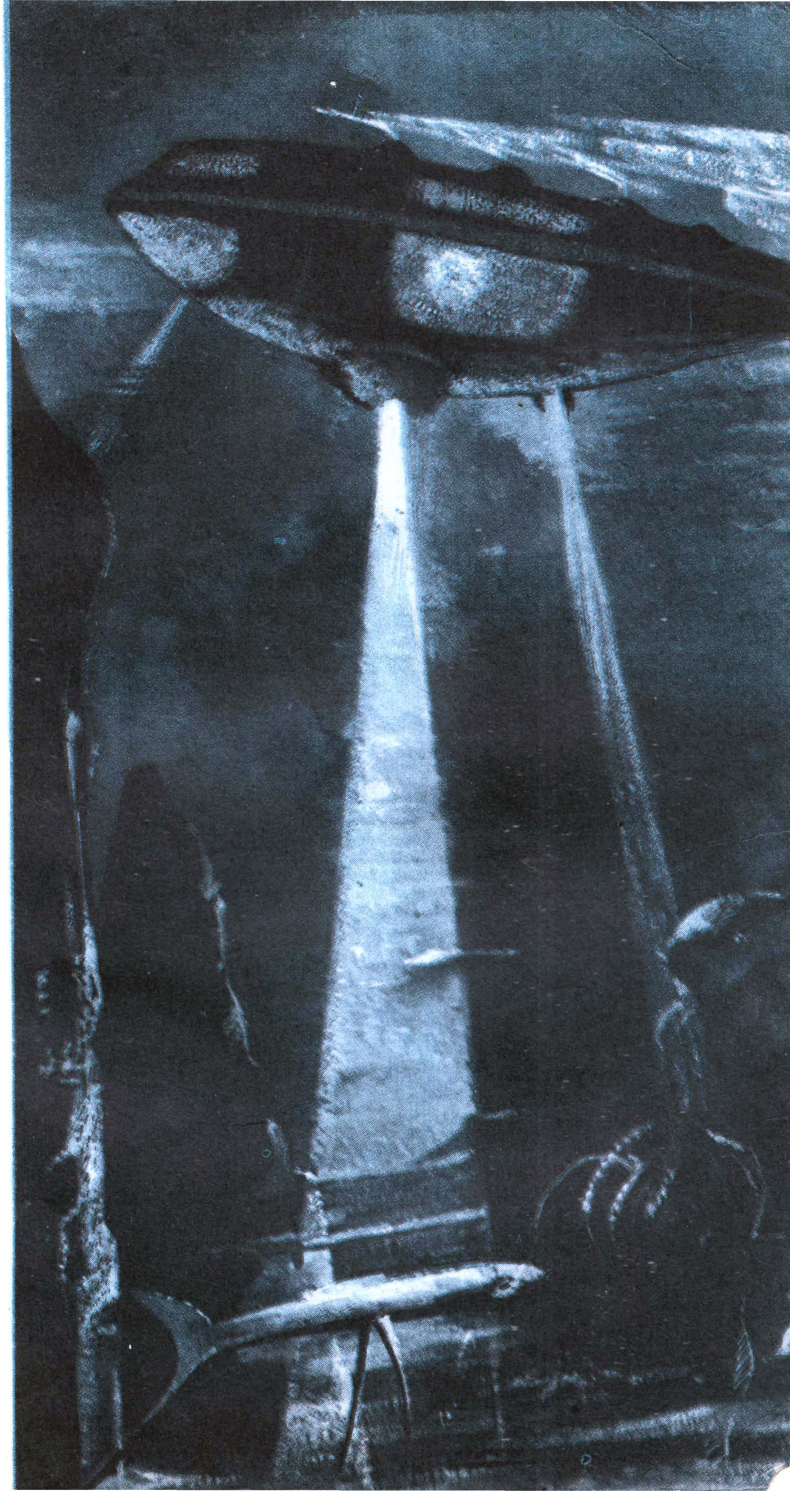
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 3-38.

А02195. Подп. к печ. 15/VI 1963 г. Бумага 84×108^{1/32}. Печ. л. 5(8.2). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 200 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 736.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.